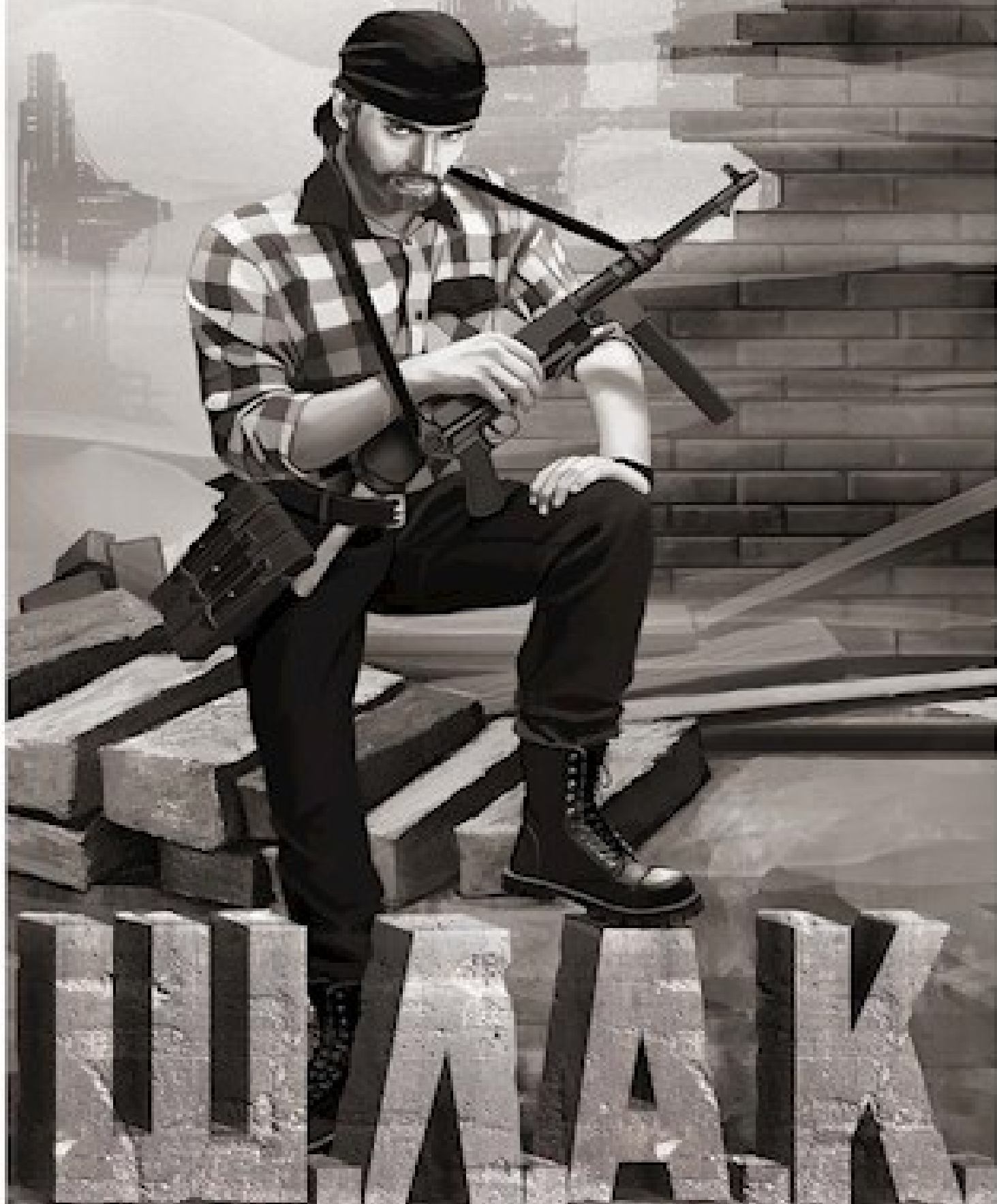

Олег Велесов

Мой номер 240.127.188, и я — собственность Загона. Люди в этом мире самый ценный ресурс, их жизнь, а вернее, кровь, даёт возможность другим править мирами. Я — ШЛАК тот, кто находится в самом низу цветовой шкалы ценностей. Сегодня моя задача выжить и спасти семью. Чего потребует Загон завтра — не знаю, но если я выживу, то он обязательно чего-то потребует.

Машины трянуло, кто-то выругался:

— Эй... Не дрова везёшь.

Я открыл глаза. Во рту сухость, руки скованы за спиной наручниками. Куда я... Где... Пахло прелой землёй и табачным дымом. Вдоль борта сидели люди. Лиц не видно, только берцы и обшарпанные приклады автоматов.

Машина... Скорее всего «шишига», лишь она может урчать, как довольный кот, переваливаясь на кочках бездорожья. С нечто подобным приходилось сталкиваться на срочной службе. Не лучшие воспоминания. Всё, что связывало меня с армией, хотелось забыть. Время, потраченное впустую.

Я повернул голову. Перед глазами возникла рожа. Широкий лоб, узкие скулы, тонкие губы. Выражение глумливое, над правой бровью татуировка в виде скрипичного ключа.

— Ожил? Слышь, Колтун, а ты говорил, что до самой базы не очнёшься.

Я попытался подняться, но тут же получил каблуком по голове.

— Лежи смирно.

Затылок заломило от саднящей боли. Но не это сейчас меня беспокоило. Плевать на боль. В душе нарастала тревога. Где жена и дочь? Последнее, что отпечталось в памяти — крик Данары и пальчики Киры, вцепившиеся в мою брючину. Потом резкая боль. А перед этим...

По реке плыл человек. Он загребал одной рукой, вторая безжизненно трепыхалась вдоль тела, поднимаясь над поверхностью лишь когда пловец делал очередной гребок. Первой его заметила Данара.

— Женя, смотри! Кто-то плывёт.

Она выпрямилась, указывая на пловца. Полуденное солнце очертило силуэт, и я невольно залюбовался. Моя красавица жена... Семь лет брака и рождение дочери ничуть её не изменили: тонкая талия, ровные бёдра, точёный восточный профиль. Я в очередной раз позавидовал самому себе и перевёл взгляд на реку.

Пловцом оказался молодой мужчина. Бритая наголо голова, оттопыренные уши. Дно в этом месте повышалось, и он уже не плыл, а брёл по воде, всё так же помогая себе одной рукой, а вторая продолжала безжизненно болтаться. Выбравшись на берег, он опустился на колени и задышал глубоко и с всхлипами. Плечи поднимались в такт дыханию, натягивая прилипшую к телу майку военного образца. А ещё берцы. Как он плыл во всём этом?

— Папа, кто это? — прижалась ко мне Кира.

— Я позвоню в скорую. — Данара схватила телефон, и с сожалением выдохнула. — Разряжен.

— Возьми мой, — сказал я. — Кажется, он на заднем сиденье или в бардачке. Я посмотрю, что с парнем.

Дочь ухватила меня за руку.

— Папа, я с тобой.

В её глазах светилось любопытство. Она понимала, что происходит нечто такое, с чем ей ещё не доводилось сталкиваться в своей крохотной жизни, и хотела прикоснуться к этой неизвестности, попробовать её на ощупь.

Я не стал лишать её нового опыта.

— Только осторожно, котёнок, хорошо? Не отходи от меня.

— Да, папа.

— Нет-нет! — встревожилась Данара. — Идём со мной, папа справится без нас.

— Не справится! — пальчики Киры вцепились в мою брючину.

Данара закусил губу, но настаивать не стала и побежала к машине, а мы с Кирой медленно подошли к парню. Он продолжал стоять на коленях, словно потерянный, и лишь увидев меня, испуганно дёрнулся.

— Спокойно, — я поднял обе руки. — Мы поможем тебе.

Но парень испугался не меня. Он смотрел чуть в сторону, за наши спины. Я начал поворачиваться, чтобы проследить его взгляд. Закричала Данара — боль...

...грязный пол грузовика, скованные за спиной руки.

Где Данара? Где моя дочь?

Беспокойство переросло в тревогу, тревога — в страх. Если с ними что-то случилось...

Я подтянул ноги под себя и, опираясь лбом об пол, постарался подняться.

— Да лежи ты спокойно!

В лицо прилетел каблук, и в голове помутилось.

— Колтун, слышь? Почему они всё время пытаются встать? Ему говоришь — лежи, а он встаёт? — снова удар. — Тебе же говорят: лежи! — ещё удар. — Значит, надо лежать. Понял?

В ушах загудело, как провода в поле. Глаза залила кровь. Моя. Никогда меня не били вот так, до крови. Драка — не лучший способ решить проблему. Всегда можно договориться, и я прошептал:

— Прекратите, пожалуйста...

— Что сделать? Прекратить? Слышь, Колтун? Он просит прекратить. Ха!

Каблук прошёлся по рёбрам, я захрипел.

— Успокойся уже, Музыкант.

Голос прозвучал тихо, но повелительно.

— А чё он дёргается?

Над моим лицом зависла рифлёная подошва, качнулась и исчезла.

— Ладно, шлак, дыши глубже.

Остаток пути я лежал смиренно. Лишний удар берцем не поможет узнать, где я и что с моими девочками. Но они живы, да, да, они живы, иначе... Не знаю, что иначе, но они живы.

Машина остановилась. Несколько минут простояли в тишине, потом послышался механический шум отъезжающих ворот, и мы поехали дальше. Водитель повернул направо, налево, дал задний ход и надавил тормоз. Борт откинулся, люди начали выпрыгивать. Музыкант ухватил меня за воротник и выдернул из кузова. Я едва не воткнулся головой в асфальт. Музыкант удержал меня, вздёрнул на ноги и придавил к кузову.

— Стой здесь и не дёргайся.

То, что дёргаться — себе вредить, я уже осознал. Теперь понять, куда меня привезли. Огляделся. Впереди три ангара, чуть дальше двухэтажное кирпичное здание под шиферной крышей. Возле него УАЗ и два чёрных джипа с мощными серебристыми кенгурятниками. Вокруг территории трёхметровый бетонный забор, колючая проволока, через каждые сорок пятьдесят метров вынесенные за периметр вышки. А дальше верхушки сосен.

Левее парковки — бетонный КПП, более похожий на долговременную огневую точку, и

автоматчик с собакой у ворот. Ещё два автоматчика неподалёку в курилке. Одеты в цифровой камуфляж, серые берцы, на поясе дополнительно нож и полицейская дубинка.

Первая пришедшая мысль в голову — база военизированного подразделения, ЧОП или ЧВК. Зачем им я? И зачем им мои девочки? Если мы нарушили какие-то границы... Какие тут могут быть границы? Мы на этой речке каждые выходные отдыхаем. И не мы одни.

Подошёл крепыш с калашом на плече, стукнул ладонью по дверце водителя.

— Кравченко, езжай на четвёртый участок, подхвати группу Толяныча. Только предьявы им не кидай, а то они сегодня нервные. Музыкант, а ты отведи шлак к Широкову.

— Почему я?

— Потому что я так сказал. Или непонятно что?

— Понятно. Чё ты сразу наускаливаешь, Колтун? Просто спросил...

Музыкант развернулся и прикладом двинул мне по рёбрам, потом ещё раз. Бил он целенаправленно в одно место, с садистским наслаждением. В боку щёлкнуло, я согнулся от боли.

— Да ладно, не придуривай, — хмыкнул боевик, — я легонько. Двигай к администрации.

Прижимая левую руку к рёбрам и вздрагивая на каждом шагу от нарастающей боли, я поплёлся к кирпичному зданию. Возле ангаров стояла охрана. Ещё несколько человек на небольшом полигоне упражнялись в ведении боевых действий. Под команды инструктора бойцы падали на землю, перекатывались, вскакивали, бежали вперёд на полусогнутых.

Вооружённых людей было много. Почти у всех калаша и обязательный атрибут — резиновая дубинка. Комаров они ими отгоняют? Или меж собой потешные бои устраивают? Вряд ли кто-то из гражданских сюда сунется, а если попробуют, то охрана на воротах мгновенно завернёт, а особо ретивых мордой в пыль уложит. Так что дубинки на поясах смотрелись как отживший своё артефакт.

Возле администрации был выложен полукруг из мешков с песком, накрытый сверху брезентом. Из узкой бойницы высовывался ствол ручного пулемёта. Я напрягся. Пулемёты, вышки, инструктора — всё это говорило о серьёзности организации, и значит, попал я тоже серьёзно.

Ствол пулемёта дёрнулся и перенаправился на нас. От ощущения опасности меня начало подташнивать.

Музыкант поднял руку.

— Креол, под дозой что ли? Шлак к командиру веду. Колтун велел.

Ствол вернулся на прежний вектор.

Внутри здания сидел дежурный. Он развалился в офисном кресле, вытянув ноги и сложив руки на груди. В углу висела камера, направленная линзой на вход. Ещё одна камера, закреплённая на стене за спиной дежурного, таращилась на массивную железную дверь возле лестницы. На столе стоял термос.

Я почувствовал, что хочу пить; можно компот или чаю, а лучше чашечку ристретто, потому что вместе с ним подают стакан чистой холодной воды. Ристретто меня взбодрит, а вода утолит жажду.

— Куда? — не меняя позы, спросил дежурный.

— Вы все с утра обдолбались что ли? — скривился Музыкант. — Креол вовсе под передозом, стволом в рожу тычет. Куда я со шлаком идти могу?

Дежурный зевнул.

— Скучно.

— Тогда вали в полевую группу, там не соскучишься. — Боевик толкнул меня в спину. — Двигай на второй этаж.

Лестница перешла в длинный полутёмный коридор. Табличек на дверях не было, Музыкант указал на третью дверь по ходу. В кабинете за столом сидел мужчина в таком же камуфляже, как и остальные. Глядя на него, я бы не сказал, что он начальник, отличие заключалось лишь в открытой нагрудной кобуре, из которой торчала рукоять револьвера. И ещё на левом рукаве был нашит шеврон в виде направленного острым углом вниз зелёного треугольника.

Мужчина сосредоточился на экране ноутбука, и с ожесточением давил на клавиши. Не ошибусь, если скажу, что он играл. Об этом свидетельствовали негромкие звуки выстрелов и разрывов.

— Командир, ещё один шлак, — открывая дверь, сказал Музыкант.

Широков в раздражении поставил игру на паузу и спросил:

— Где подобрали?

— На речке, второй участок.

— Я же предупреждал, чтобы возле базы никого не трогали.

— Он видел того барана, что сбежать пытался. Даже поболтали о чём-то. Колтун сказал, надо брать.

— О чём говорили?

Вопрос адресовался мне, и я замотал головой.

— Ни о чём не говорили. Ни о чём! Мы просто отдыхали. Забрались подальше, чтоб не мешал никто. А мальчишка этот... Ну, тот парень, который плыл... Мы только подошли. Я спросил о чём-то, не помню о чём, и сразу удар. Я не знаю, кто это был!

Из-за непонимания ситуации и страха за близких я начал истерить. Голос дрожал, срывался. Мне и самому хотелось сорваться и бежать. Но куда? Где я?

— Он не один? — нахмурился Широков.

Музыкант закрутил головой.

— Ещё ребёнок и сучка кусачая. Солёный её за лифчик дёрнул, так она ему чуть пол пальца не отхватила.

Старшего подробности не интересовали.

— Где они?

Музыкант пожал плечами.

— Колтун сказал, себе возьмём. А чё, не пропадать же добру. Сучка ничё так, при фигуре, да и рожица приятная. Парни решили порезвиться. А ребёнок...

Я ударил его головой. Первый раз в жизни я ударил человека. Удар получился не сильный и не точный, лишь скользнул лбом по скуле. Даже синяка не останется. Музыкант ошалело уставился на меня:

— Да ты!..

Он передёрнул затвор.

— Стоять! — хлопнул ладонью по столу Широков. — Успокойся, придурок. Оружие на предохранитель.

Музыкант задыхался.

— Командир, ты же видел... Ты видел! Да? Его за это...

— Завалишь шлак, вместо него под станок пойдёшь. Я не шучу. Найди Колтуна, пусть

зайдёт. А ты в расположение вали. Чтоб до завтра я тебя не видел!

Уходить Музыкант не хотел. Ладонь нервно поглаживала затворную коробку, но слова командира до сознания всё же дошли. Он рыкнул, как тигр в клетке, и выскочил из кабинета, хлопнув дверью.

Широков снял с меня наручники.

— То, что за девок своих Музыканту по роже смазал, молодец. Уважаю. Но если ещё раз дёрнешься на моих людей, сломаю пальцы на руках, и так со сломанными отправлю в Загон. А там без пальцев долго не протянешь. Уяснил?

— Уяснил, — я облизнул пересохшие губы. — Скажите... Скажите пожалуйста, где я? Где мои... дочь и жена?

Широков вернулся на своё место за столом.

— Бросай все эти «пожалуйста». Вежливость тебе не поможет, а проблем добавит. И про свою прежнюю жизнь тоже забудь. Кончилась она.

Он смотрел жёстко, и сомнений в его словах не возникло. Сама ситуация не позволяла в этом сомневаться. Час назад я стоял на берегу реки и смотрел на жену, а сейчас смотрю на прожжённого боевика, который пообещал, что дальше будет только хуже. Насколько хуже — не знаю, но убивать меня ему было не выгодно, факт.

Широков подвинул ноутбук ближе к себе и сказал:

— Давай полностью: имя, фамилия, адрес. Документы с собой есть?

— В машине остались...

Вошёл крепыш, которого я видел на парковке. Музыкант называл его Колтуном.

— Командир, звал?

— Звал. Документы его где?

Колтун сунулся к нагрудному карману.

— Забыл, командир. С утра проблемы сыпятся, как птичье дерьмо на голову. Сначала на полигоне разборки, потом этот мудака сбежал. Теперь Толянч в рацию орёт, что у них узик сдох.

— У него всегда что-то ломается.

— Да потому что Толянч этот дебил конченный, давно его надо с группы снимать. Я к нему Кравченко отправил, пусть на буксире тащит.

Продолжая жаловаться, Колтун вывалил на стол кипу документов. Широков просмотрел каждый, кивнул:

— Ладно, разберёмся. Отведи шлак в больничку.

Как я уже начинал понимать, шлак — это не попытка оскорбить, а устоявшееся обозначение людей вроде меня. Выходит, я не один такой.

Колтун дёрнул меня за рукав.

— Топай.

Мы спустились на первый этаж. Колтун стукнул в дверь с табличкой «Медчасть».

— Док, ещё один шлак. Осмотреть надо.

Он открыл дверь шире и толкнул меня.

— Заходи.

За столом сидел худошавый мужчина в белом халате и, склонившись над столом, писал. Не глядя на меня, сказал быстро:

— Садитесь на кушетку. Минуту, пожалуйста.

Я прошёл к окну, сел, Колтун остался у двери.

— Перед каждой отправкой столько писанины, — словно оправдываясь, буркнул он. — Ну-с, давайте посмотрим.

Он попросил меня открыть рот, оттянул веко, замерил давление. Обычный ни к чему не обязывающий и ничего не решающий беглый осмотр. Поставил галочку напротив фамилии, дескать, проверен, и ступай дальше.

— Снимите рубаху.

Я снял. Левая сторона груди распухла и окрасилась в багрово-чёрные краски.

— О, милейший, да у вас ребро сломано, — покачал головой доктор и взглянул на Колтуна. — Кто над ним так постарался?

— Музыкант.

— Ваш Музыкант натуральный садист.

— Да ладно тебе, док, забинтуй и дело с концом. Ему уже утром под станок идти. А там какая разница, выживет он или загнётся? Мы бабки за единицу получаем.

— Вот именно: выживет или загнётся, — повторил доктор, и уже мне. — Я бы наложил вам ортопедический бандаж, молодой человек, но, боюсь, руководство не оценит таких расходов на шлак. Поэтому ограничимся тугой повязкой. Это частично снимет болевые ощущения, но для полного заживления потребуется время. Ограничьте физические нагрузки. А питание... Чем они там питаются? — повернулся он к Колтуну.

Тот скривил рожу, как будто тошнит.

— Ясно. Тогда только ограничение нагрузки. Поднимите руки.

Он перебинтовал мой торс, потом вынул из деловой папки несколько листов и положил на стол.

— Заполните, пожалуйста. Карандаш возьмите в пенале.

Листы оказались тестами, группы вопросов вразнобой, иногда схожие по смыслу, но чаще вообще бессмысленные. Я корпел над ними минут сорок. Всё это время доктор и Колтун болтали о непонятном, пили чай. Я попросил воды, доктор, не глядя, кивнул на кулер в углу. Я присматривался к нему с первой минуты, но без разрешения подойти не решался. Не в моей привычке брать чужое или без спроса. Налил стаканчик, выпил, налил ещё. После четвёртого, доктор повернул голову в мою сторону. Я замер.

— Пейте, пейте, мне воды не жалко, — и, склонившись к Колтуну, добавил. — Не жилец.

Было это продолжением их разговора или слова касались непосредственно меня, непонятно, но в области сердца неприятно кольнуло.

Закончив с тестами, я вернул карандаш в пенал и сказал:

— Всё. Можно ещё воды?

Доктор кивнул, а сам бегло пробежался глазами по листам. Посмотрел на меня и снова, но уже внимательнее просмотрел тесты. Я спросил тихо, чтобы не услышал сопровождающий:

— Скажите, к вам сегодня проводили женщину и девочку? Девочке шесть, женщина азиатской внешности...

Он ответил быстро и так же тихо:

— За подобные вопросы ни вам, ни мне несдобровать. Но помните: отсюда все рано или поздно попадают в Загон. Все, — и уже громче. — Напились? Больше я ничем помочь не могу. Колтун, уводите.

Из медицинского кабинета проследовали на склад. Каптёр окинул меня

профессиональным взглядом и выдал семейные трусы, чёрные брюки, клетчатую рубашу, берцы и чёрную бандану. Всё новое, из чего можно сделать вывод, что я нужен им не просто живой, но и более-менее здоровый.

Со склада мы вернулись на лестничную площадку, где сидел дежурный.

— Открывай подвал, — велел Колтун.

Дежурный звякнул связкой ключей, отомкнул замок и потянул дверное полотно на себя.

Пахло плесенью и мочой. Колтун отшатнулся, зажимая нос пальцами.

— Придурки, вы хоть чистить их после себя заставляйте. Задохнуться можно. Или хлорки насыпьте.

— А на кой? — ничуть не реагируя на запах, пожал плечами дежурный. — Пускай привыкают. В Загоне лучше не будет.

— Да хрен с этим Загоном. О себе подумайте. Нравится дерьмом дышать?

— У меня чувствительность понижена. Нос сломали, когда боксом занимался, теперь специально приноживаться надо.

Колтун качнул головой и подтолкнул меня к проёму.

— Давай туда. А ты свет включи.

Под низким потолком загорелась тусклая лампочка, осветила узкий проход, облезлые стены и уходящие вниз ступени. Я посмотрел на Колтуна. Он отреагировал резко.

— Чё вылупился, урод зашлакованный?! Вниз пошёл! Или думаешь, я тебя провожать буду?

Он толкнул меня в спину, я едва не скатился. Успел выставить руки в стороны, упереться в стены. Сломанные рёбра отозвались болью. За спиной хлопнул металл, с потолка посыпались пыль и ошмётки меловой побелки, лампочка погасла.

Продолжая держаться за стены и нащупывая ногой ступени, я спустился до ровной площадки. Запах стал крепче, вентиляция отсутствовала напрочь. Это не подвал, это подземная тюремная камера. Температура на уровне экватора, воздух сухой, словно выжатый, и от этого снова захотелось пить.

Впереди мигнул огонёк. Он двигался рывками, то поднимаясь, то опускаясь, а потом замер. И сразу раздался негромкий надорванный возрастом голос:

— Прошу вас, идите на свет. Провод не очень длинный, я не могу вас встретить. Только осторожно, потолки низкие. Если вы высокого роста, лучше нагнуться.

В тусклом свечении удалось разглядеть мужчину. На вид давно за шестьдесят, щуплый, на кончике носа простенькие очки, одет в то же, что выдал мне каптёр. Особая примета: седые кучерявые волосы, напоминающие шапку зрелого одуванчика. В его возрасте это выглядело смешно — человек-одуванчик, но смеяться совсем не хотелось.

— Здравствуйте, — поздоровался мужчина. — Не буду говорить, что рад вас видеть, ибо в нашем положении это выглядело бы чересчур цинично. Но раз уж вы сюда попали...

В руке мужчина держал переноску. Света она давала не много, я видел круг диаметром три метра, в который попадал кусок земляного пола и полосатые края матрасов.

— Я здесь назначен отвечать за порядок, — начал объяснять мужчина. — На мне всё: общежитие, питание, общение с поступающим шлаком. Староста, если одним словом. Обращаться ко мне можете по фамилии: Тавроди. Я наполовину грек, папа родом с Пелопоннеса, мама из Красноярска. А вас как?

— Евгений.

— Что ж, Евгений, пойдёмте, я покажу вам место.

Он развернулся, и, подбирая свободной рукой провод, повёл меня вглубь подвала. Свет выхватывал из темноты сидевших и лежавших на матрасах людей. По большей части это были мужчины, лица многих указывали на асоциальный статус, и все были одеты одинаково: клетчатые рубахи, чёрные брюки, дешёвые берцы. Единственная женщина, попавшая в круг света, была одета точно так же.

Тавроди подвёл меня к свободному месту.

— Вот здесь можете расположиться.

Он подсветил, и я увидел грязный матрас, промятый и надорванный по краю. Вместо подушки свёрток непонятного происхождения тряпья, одеяла нет. Лежанка не из лучших, но ничего другого всё равно не предложат.

— Давно вы здесь? — спросил я, не особо рассчитывая на ответ.

Однако мужчина не стал скрываться.

— По-разному. Есть такие, кто уже больше двух недель. Кормят плохо, два раза в день, на воздух не выводят, вместо туалета — яма. Но скоро всё завершится. Завтра под станок.

Это сочетание «под станок» я слышал уже третий или четвёртый раз, и оно не вызывало тёплых чувств.

— Что это может значить?

— На органы разберут, — буркнули из темноты.

Тавроди закусил губу, но опровергать версию сидельца не стал. Похоже, среди жителей подвала она была основной, и каждое её упоминание вызывало содрогание.

— Никто точно не знает, одни домыслы, — наконец ответил Тавроди. — Логика в нашей ситуации не работает. Если в рабство, то зачем так долго держать? На работы не гоняют, сидим как кукушата в гнезде, стращаем друг друга. Если в медицинских целях... — он сглотнул. — Тогда кормили бы лучше, да и... Понимаете, — он перешёл на шёпот, — тут находятся такие люди, чьи внутренние органы скорее принесут вред пациенту, чем пользу. Так что версию с органами я не поддерживаю, хотя большинство склоняются именно к ней.

Уверенности его слова не вызывали, оставался элемент недосказанности, но думал я сейчас не об этом. Собственная судьба меня не интересовала совсем, мысли были заняты семьёй.

— Много вас?

— Вместе с вами пятьдесят один.

— Сегодня ещё кого-нибудь приводили?

— Парня. Избитый весь.

— Лет двадцать, бритый наголо?

— Так и есть. Ваш знакомый?

— А женщину и девочку?

— Нет, больше никого не было. Женщин мало, да и те все возрастные. Моложе пятидесяти не найдёте никого. А детей вовсе нет.

— Понятно. А парень тот где? Можете провести меня к нему?

В душе появилась хрупкая надежда. Если это тот самый, то он должен знать, где Данара и Кира, или хотя бы мог видеть, куда их увезли. Он один из них, один из этих боевиков. На нём был цифровой камуфляж. Что они между собой не поделили, исключительно их дело, меня оно не касается, но мои девочки — это моя ответственность. Я обязан им помочь.

Парень лежал у дальней стены. Он не спал. Едва Тавроди поднёс лампу, он попытался приподняться на локтях, но не смог и только шумно выдохнул. Лицо опухло, вместо глаз

щели, губы разбиты в лепёшку. Били его сильно, но, если честно, жалости к нему я не испытывал, хотя никогда жестокосердием не отличался.

На майке легко читался позывной: «Бритиш».

— Привет. Ты Бритиш, правильно?

Тот моргнул.

— Сегодня утром я видел тебя у реки. Я хотел помочь, но не успел. Какие-то люди меня оглушили и привезли сюда. Я должен знать, что это за место и кто эти люди?

Бритиш опустил голову.

— Послушай, парень, я потерял жену и дочь. Я не знаю, где они, что с ними, что вообще здесь происходит. Полный туман. И случилось это по твоей вине. Ты что-то не поделил со своими, а крайними оказались мы. Моей дочери шесть лет, у моей жены бронхиальная астма, она даже в магазин без ингалятора не выходит. Она умрёт, понимаешь? Я должен помочь ей, но не знаю как. Расскажи мне, что здесь происходит. Где мы?

— Это ничего не даст, — прошамкал парень, с трудом разжимая губы.

— Ты рассказывай, а уж я сам решу, даст или нет.

Он сделал несколько глубоких вдохов и попросил:

— Уберите свет...

Тавроди отодвинул лампу. Парень снова вздохнул.

— Отсюда нельзя выйти. Никак. И семье своей ты не поможешь. Я не знаю, где они. Я всего лишь охранник, моё дело ворота открывать. Закусился с одним придурком, хотел сбежать. Не вышло. И у тебя не выйдет. И семью не найдёшь. Гражданским отсюда выход заказан.

Вряд ли он лгал, смысла не было. После того, что с ним сотворили его же сослуживцы, любые контракты о неразглашении информации сходили на нет. Он не врёт, однозначно. Возможно, не договаривает, но не врёт.

— Чем здесь вообще занимаются?

— Я не знаю. Завербовался в прошлом месяце. Сидел на КПП, нажимал кнопку. Платили хорошо. По документам, это частное охранное предприятие. Существует постоянная охрана, их человек семьдесят, и два десятка вахтовиков. Мы только ворота открываем да чистоту наводим. Нас даже до внутренней охраны не допускают...

Он замолчал.

— Только...

— Что «только»?

— Охраняют странно. Видел, как вышки стоят? Вертухаи чаще смотрят внутрь, как будто боятся нападения изнутри, а не снаружи. И патрули всё время на подступах и вокруг ангаров. Я спросил одного, Музыкант погоняло, мудака конченный, чё, мол, творится? А он мне по роже смазал, типа, вопросов лишних до хера задаю. Я ему леща, он за калаш. Кое-как растащили. Только он пообещал, что всё равно меня достанет. Этот Музыкант... Ночью в казарме сказали, что он уже завалил двоих, и ничего ему за это не было. Списали на несчастный случай. Ну, я и решил валить. Тупо так попал...

Попал он, конечно, серьёзно, наравне со мной и всеми, кто в подвале. А вышки действительно были вынесены вперёд, но вопросов их положение у меня не вызывало. Может быть, я плохо разбираюсь в охранных мероприятиях или в построении защитных линий, но по такому же принципу строились крепости прошлого, а они однозначно предназначались для отражения нападений снаружи, а не изнутри. Так что здесь Бритиш

что-то путает.

Но бог с этими вышками, меня беспокоит, где мои девчонки, а не что у них с охраной творится.

— Бритиш, ты помнишь, что было на берегу?

— Забудешь... Отхреначили прям там. Содома с Гоморрой такого не вытворяла. Эта сука, Музыкант, больше остальных старался. Тебя шокером ткнули и в шишигу потащили, а меня в буханку кинули. И твоих туда же. Но что дальше было, не спрашивай. Я вырубился, очнулся уже на матрасе.

— Так и есть, — подтвердил Тавроди. — Его солдаты принесли и швырнули на пол. Это уже мы его на матрас положили.

— А что в ангарах, знаешь?

— Нас к ним не пускали. До КПП и обратно разводящий водил. Даже из столовой по команде выходили. Как в армии. Только здесь ещё строже. У тех, кто во внутренней охране и в полевых группах, доступ выше, и зарплаты на порядок наваристей. Они наверняка больше знают, но не скажут. Здесь за лишнее слово язык отрежут не задумываясь.

Бритиш каждую фразу сопровождал передёргиванием плеч. Это показывало его неуверенность, и теперь я точно понимал, что он что-то недоговаривает или принижает свою роль. Бойтся за свой язык, несмотря на то, что вместе с нами отправится завтра под пресловутый станок.

Определить время, находясь в подвале, невозможно, ни часов, ни окон. Но приходит пора, и ты понимаешь, что всё-таки пора. Лязгнул замок, по ступеням зашаркали подошвы ботинок, и вместе с яркими лучами фонарей темноту разрезали голоса:

— Подъём, шлак! На выход!

На спящих людей посыпались удары дубинок. Вот, оказывается, для чего они нужны. Я успел подхватиться до того, как добрались до меня. Пристроился за чьей-то спиной и семенящей походкой, ссутулившись и прикрывая ладонями сломанные рёбра поспешил к лестнице. Мельком заметил Бритиша, его поддерживали двое в клетчатых рубашках.

На улице нас выстроили в две шеренги. Сзади, с боков стояла охрана, перед нами доктор и Широков. Доктор зевал и сонными глазами смотрел в небо. Командир покачивался на пятках, что-то говорил. Над землёй стелился плотный туман, прикрывая тела до колен. После сухого подвала расцветная влажность заставляла дрожать от холода. Многие зажались и почти не слушали, что Широков говорит. Я вылавливал из его речи только отдельные слова, которые никак не могли сложиться в общую картину. Да и не понятно, к чему они все. Если инструкция... Какие тут могут быть инструкции?

Я нервно оглядывался, искал Данару, но наткнулся только на злые лица боевиков. Колтун, дежурный, доктор. Музыкант. Боевик провёл по мне пустым взглядом и отвернулся. Он уже и не помнил меня. К чему помнить тех, кто через несколько минут отправится куда-то, непонятно куда, возможно, на смерть?

От этой мысли внутри похолодело. Смерть вряд ли, глупо одевать смертников во всё новое. Но если даже и так, плевать, лишь бы с Данарой и Кирой всё было хорошо.

Широков замолчал, полетели команды, замахали дубинками. Как стадо баранов нас погнали к крайнему левому ангару. Ворота были распахнуты, над туманом приподнимались высокие ряды ящиков и коробок. Между ними вглубь ангара вёл широкий проход. Кто-то попробовал юркнуть в сторону, спрятаться за ящиками. Его выволокли и дубинками выбили

из спины пыль и желание повторять подобное.

В конце стоял металлический контейнер по типу морских. Большой. В него легко мог зайти танк и ещё место для полевой кухни осталось бы. Нас загнали внутрь, сверху опустилась герметичная крышка, и мы оказались запертыми в крошечной темноте. По телу прокатилась волна дрожи, то ли страх, то ли зачатки клаустрофобии, а скорее всего и то, и другое. Что они задумали? Рядом кто-то всхлипнул, кажется, женщина. Следом закричал мужчина:

— Выпустите! — и забил кулаками по стенке.

Через секунду по стенам били не менее двух десятков кулаков. Крышка поднялась, в контейнер ввалились боевики. Послышались смачные удары дубинок, всхлипы, плачь. Я резво отступил в угол, присел на корточки, зажал ладонями больной бок.

Сквозь крики пробился голос Широкова:

— Дебилы! Вас же предупреждали, что это ненадолго. Пять минут — и всё закончится. Хотите, чтоб вам ноги переломали? Переломаем! Насрать, в каком виде вас доставят, лишь бы ещё дышали.

Слова подействовали лучше, чем удары дубинками. Крики стихли, боевики вышли из контейнера, крышка снова захлопнулась.

Пол под ногами завибрировал, от него вибрация передалась стенам. Из края в край прокатилась неоновая волна, заставив тела содрогнуться. В голове помутилось, исчезла ориентация. Где верх, где низ, лево, право? Рядом кого-то стошнило. Это оказалось заразительным, рвотные звуки наполнили всё пространство контейнера.

Желудок рванул наружу, я подался вперёд, но тошнить было нечем, со вчерашнего утра ничего не ел. Снова прокатилась неоновая волна, но уже в обратную сторону. Возникло ощущение замедления. Всё тише, тише, тише...

Вибрация прекратилась, запахло озоном. Крышка медленно поднялась, и из тьмы мы выпали в длинный зал с высокими потолками без окон. Тёмные неровные стены, коммуникационные трубы, кабеля, жёлтые лампочки над головой. Ни ящиков, ни боевиков в камуфляже. По бокам выстроились люди в одинаковых коричневых футболках, образуя живой коридор. В руках знакомые резиновые дубинки и яркие фонари. Они принялись поделовому подталкивать нас дальше, выкрикивая:

— Осмотр! Осмотр! Шевелись!

За ними стоял врач. Он осматривал каждого, командуя:

— Поднять руки... Перед собой... Пальцем до носа... Присесть... Следующий.

Одних он отправлял направо, в новую очередь, к другим присматривался внимательнее, спрашивал о чём-то и указывал в сторону бокового коридора. Их тут же подхватывали под руки два здоровых охранника и уводили. Над коридором висела проржавевшая по краям металлическая вывеска «Четвёртый выход».

— Что с рёбрами? — спросил меня врач, и охранники сделали шаг вперёд.

— Прикладом схлопотал.

— Сними рубашку.

Он разрезал ножницами повязку, надавил пальцем на опухоль. Я дёрнулся.

— Больно? А здесь? Сильно болит?

— Нормально.

— Ещё раз руки подними. Что чувствуешь? Боль есть?

— Нормально, — повторил я. — Пульсирует.

— Пульсирует?

— Сколько полных лет?

— Тридцать один...

Врач снова надавил на опухоль, при этом пристально глядя мне в глаза. Он явно метался между тем, куда меня отправить, направо или налево. Я бы предпочёл налево, к четвёртому выходу. Что-то пыталось подсказать, что жизнь там намного проще. Больница, губастые медсёстры. Но врач махнул направо.

— Ладно, иди пока.

Новая очередь вела к столу, за которым сидел человек в деловом костюме. Он задавал анкетные вопросы и забивал ответы в планшет.

— Имя, фамилия... Возраст... Профессия... Следующий... Имя, фамилия... Возраст...

Писал он быстро, не глядя на очередников.

— Имя, фамилия?

— Евгений Донкин.

— Возраст?

— Тридцать один год.

— Профессия?

— Бариста.

— Что за хрень? — писарь поднял голову.

— Специалист по приготовлению кофе, в том числе с использованием латте-арт.

— Какой нахер арт? Повар что ли?

— Скорее, бармен. Но работаю не с алкогольными напитками, а с кофе.

Писарь секунду смотрел на меня непонимающе, потом отмахнулся.

— Ладно, запишу как повар и бармен, а там пусть сами разбираются.

Я хотел спросить, кто должен разбираться, но охранник толкнул меня в спину.

— Не задерживай!

За следующим столом сидел молодой мужчина в таком же костюме. На столе стоял ноутбук и прибор, похожий на металлодетектор. Рядом в коробке лежали гаджеты.

— Левую руку запястьем вверх.

— Зачем?

— Исполнять!

Он приложил прибор к моей руке, кожу обожгло, но терпимо. На запястье отпечатался шприхкод. Я подул на него. Вокруг полос расплзалась краснота. В голове возникла ассоциация с порядковым номером у заключённых в немецких концлагерях. Да и сама атмосфера походила на тюремную, не хватало только повязок со свастикой у охраны и баннера: «Добро пожаловать в Ад!».

— Для чего это?

— Идентификация, — коротко пояснил мужчина.

Вынул из коробки планшет, навёл на меня. Вспыхнула короткая вспышка. На экране появилось моё лицо: профиль, фас, с правой стороны короткая информация и номер — 240.127.188-СЗ.

— Теперь это твой, — тыкая пальцем в номер, сказал мужчина. — Желательно заучить наизусть. Планшет береги, через него будут приходить полезные сообщения. Это твоя связь с Конторой. В общем, разберёшься. Следующий!

Размерами планшет был чуть больше моего айфона, оставшегося в машине. Он как раз

помещался в грудной карман рубашки, как будто специально подгоняли размерами.

Охранник жестом велел отойти к стене, где уже собрались те, кто прошёл осмотр раньше. Всего человек пятнадцать. Каждый держал в руках планшет. Кто-то листал страницы, просматривая информацию. На рабочем столе были выставлены ярлыки, оставалось только кликнуть нужный. Ничего нового, всё, как на телефоне.

— Опять говно прислали, — услышал я презрительное.

У стены, скрестив руки на груди, стояли двое охранников. Один в коричневой майке, другой в синей. Говорил тот, что в синей.

— Сколько всего? — спросил коричневый.

— Пятьдесят.

Пятьдесят? Почему пятьдесят? Должно быть пятьдесят один. Так говорил Тавроди. Кстати, где он? Ни его, ни Бритиша после того, как вышли из подвала, я не видел. Хотя нет, уже здесь охрана уводила Тавроди в боковой коридор. И пацана тоже. Получается, кого-то оставили на базе.

После завершения осмотра снова подошёл врач. Халат был расстегнут, на кармане рубашки виднелся логотип: перевёрнутый треугольник, а внутри круг с рваными краями, словно отметина от пули. Врач попросил нас встать полукругом и сказал:

— Моя фамилия Дряхлов. Я проведу для вас небольшой ликбез, чтобы вы не косились по сторонам и не удивлялись, если вдруг окажетесь за периметром или того хуже, у края Смертной ямы. Место, куда вы попали, называется Загон. Это не тюрьма, как мог кто-то подумать, но и не курорт. Лентяев и тунеядцев здесь не любят. Панибратства тоже не терпят, к старшим по статусу нужно обращаться вежливо. Вы — шлак, находитесь в самом низу цивилизационной цепочки. Обезьяны в сравнении с вами короли. Одеты вы соответственно статуса: в клетчатые рубахи и чёрные брюки. Выше стоят те, кто носит коричневые цвета, дальше вверх по лестнице синие и зелёные. Над всеми вами находятся люди, которые по праву рождения или делом доказали обществу свою полезность. Это положенцы. Я один из них. На кармане моей сорочки вы видите логотип Смертной ямы, — он указал на треугольник. — Это означает, что я являюсь сотрудником и одним из руководителей фермерского хозяйства. Это даёт мне дополнительные права. Если будете вести себя правильно, со временем тоже сможете повысить статус.

— Кто его определяет?

Дряхлов повернулся на голос.

— Общее руководство осуществляет группа людей, официальное название которых: Контора. Они же за определённые заслуги повышают или понижают статус сотрудников. Контроль осуществляется посредством видеосистем и некоторых иных способов, раскрывать которые в мои полномочия не входит. Сейчас вас распределят по жилым блокам. Планшеты все получили? Следите за сообщениями. От Конторы будут приходить предложения о сотрудничестве, советую принимать их как можно быстрее. В Загоне существуют три формы сотрудничества: обычное, стандартное и особое. Любое сотрудничество оплачивается в стагах, потратить их вы сможете в торговых лавках при своём жилом блоке либо в Петлюровке. Советую как можно быстрее изучить Внутренний свод правил, это позволит избежать многих ошибок. Ещё вопросы есть?

— Мы здесь... навсегда? — несмело спросила женщина рядом со мной.

Дряхлов усмехнулся.

— Да, вы здесь навсегда.

— У меня дети остались... — по щекам женщины потекли слёзы.

— Никто не запрещает вам завести новых. Можете трахаться, жениться, разводиться, устраивать повальный блуд, гей-парады. В отношении своих интимных мест у вас полная свобода. Можете уши себе отрезать и засунуть в задний проход, никто и пальцем не шевельнёт остановить вас. Но если в пределах Загона вы попытаетесь кого-то убить, пусть даже самого себя, то вас ждут очень, очень, очень суровые последствия. Трижды «очень» произнесено не просто так. Жизнь — это та ценность, которая является непререкаемой. Она целиком и полностью принадлежит Загону, и только Загон имеет право забрать её.

Осознание подобных новостей требует времени. Нам предлагалось полное интимное раздолье, но всё прочее ограничивалось Внутренним сводом правил и стенами Загона, в том числе и наша жизнь. Отныне она принадлежит местным властям. Что это, если не

концлагерь? Только с некоторыми послаблениями.

— А как с кормёжкой?

Спрашивал мужик лет сорок: короткая чёрная борода с просвечивающей по краям сединой, тяжёлое лицо, сутулые плечи. Его в шкуру мамонта облачить, и вот тебе готовый питекантроп.

— С кормёжкой? — Дряхлов щёлкнул пальцами. — Всё зависит от вас. Кто хорошо работает, тот хорошо ест. Знакомая формула? При каждом жилом блоке имеется столовая, голодными не останетесь. Но если захочется разнообразия — а вам его обязательно захочется — придётся постараться. Поэтому не упускайте возможность заработать лишний стат.

— Как эти статьи выглядят?

— В виде цифр на счёте вашего планшета. В некоторых поселениях за пределами Загона так же принимают оплату в стагах.

— А есть и другие поселения?

— В этом мире есть всё. Есть даже то, о чём вы подумать не смеете.

Последнее он сказал не с целью напугать нас, а как нечто обыденное.

Питекантроп хмыкнул:

— Чего же такого мы не смеем подумать?

— Какой торопливый юноша, — доктор покачал головой. — Я бы посоветовал тебе не спешить сталкиваться с тем, с чем никто из местных жителей сталкиваться не хочет. Всему свой черед.

— Советы свои можешь засунут туда, куда уши отрезанные суёшь. Люди хотят знать в какую парашу нас рожей сунули...

Охранник в коричневом оттолкнулся от стены и ударил питекантропа дубинкой меж лопаток. Тот охнул, упал на колени, охранник перехватил дубинку за оба конца, сунул ему под подбородок, сдавил. Мужик захрипел.

— Я же предупреждал, — констатировал Дряхлый, — хамство здесь не терпят. Это не дикое поселение, это вполне цивилизованное место. Нам присущи недостатки, никто от этого не застрахован, но мы боремся с ними, искореняем всеми силами. Ясно? Или требуются дополнительные объяснения?

— Не требуются, — прохрипел питекантроп.

— Что надо сказать?

— Больше не повториться... Правда...

Дряхлов кивнул, и охранник убрал дубинку.

— Ещё вопросы? Давайте последний, и будем закругляться.

— Куда нас забросило? — не особо надеясь на ответ, спросил я. — Загнали в контейнер на какой-то полувоенной базе, а вышли в подземелье. Только не надо утверждать, что контейнер — это лифт и нас спустили вниз на пару этажей.

— Лифт? Да, так и есть. Лифт. В другую параллель. Только движение у него одностороннее. Обрато наверх вас никто не поднимет. Всё, на этом ликбез окончен. Вы считаете, что время в дороге заняло пять минут, но в реальности прошло около полусуток. Чувствуете, как проголодались? Вас проведут в жилые блоки. Их восемь. Ваши данные уже загрузили в общую систему управления, так что не бойтесь, без ужина не останетесь.

Я мельком глянул на экран планшета: 19–11. Из подвала нас выгнали рано утром, пусть в шесть. Плюс двенадцать часов, час на прохождение осмотра. Так и есть, всё сходится. То

есть станок — это пропуск в какой-то иной мир. Врач обмолвился о другой параллели. Альтернативный мир? Фантастика?

Дряхлов щёлкнул пальцами и, не прощаясь, направился к четвёртому выходу. Синий охранник встал перед нами и кивнул вглубь коридора:

— Вперёд.

Коридор тянулся не по прямой, а забирал вправо и вверх. Похоже, бывшая шахта, а коридор — главный штрек, только давно оставленный проходчиками и переделанный под новые нужды. Ширины хватало, чтобы разъехаться двум грузовикам, на полу оставались отверстия от костылей, когда-то удерживающие шпалы. Часть коммуникаций отходили в боковые тоннели. Кабелей и труб становилось меньше, воздух пропитался свежестью.

Закончился коридор широкой площадкой, кто-то из охранников назвал её заслоном, далее находился огромный зал. Местные архитекторы соорудили стену из бетонных блоков с амбразами, оставив лишь проход метра три шириной, который при необходимости перекрывался выдвижными воротами. Возле амбразур стояла охрана в камуфляже, один поглаживал по цевью пулемёт Дегтярёва. У стены лежали два гранатомёта советского производства.

Неплохо они тут забаррикадировались. Против кого?

Из коридора мы вышли в огромный зал с высокими узкими окнами, забранными древней стеклянной плиткой. Свет сквозь них пробивался тусклыми отблесками, поэтому дополнительно под высоким потолком висели на цепях длинные плафоны с лампами дневного света. Помещение походило на брошенный производственный цех. Ничего лишнего, только надписи углём и мелом на стенах и многометровый широкоформатный экран на противоположной стене. Под ним механические ворота, немного в стороне лестница, уходящая под потолок, и кирпичная коробка фабричной проходной, на ступенях которой пристроились двое коричневых.

За стенами цеха находилось открытое пространство, не уверен, что лес или поля с лугами, но точно не подземелье. Какой-нибудь город или промышленная зона. Вправо уходил очередной коридор, но более узкий. По нему мы прошли шагов двести, постепенно спускаясь под землю. Возле каждого промежуточного прохода на стенах висели таблички со стрелками и названиями, словно уличные указатели. Один раз навстречу попался коричневый патруль: двое с дубинками. Кроме того, у каждого на поясе висела открытая кобура с электрошокером и подсумок.

Люди в клетчатых рубашках тоже попадались, но если продолжить сравнение с концлагерем, то на заключённых они не походили. С виду обычные работяги, не цветущие, но и не побитые обстоятельствами и непосильным трудом. Некоторые очень даже упитанные. Я обратил внимание, что у всех, независимо от цветов одежды, с левой стороны были нашиты бирки с именами.

Дважды мы останавливались у широких проходов арочного типа. На табличках значилось: первый жилой блок, второй жилой блок. Охрана называла имена и указывала на проход. Мой черёд пришёл возле третьего. Синий глянул в планшет и произнёс:

— Евгений Донкин.

Я поднял руку.

— Тебе сюда. Остальные дальше.

Прежде чем войти, я перекрестился. Всё, что произошло со мной за последние сутки, казалось чужим и неправильным, какой-то фантастический фильм, только я не смотрел его,

а участвовал. Я стал одним из его героев, и если сценарист вдруг решит, что без головы я буду смотреться импозантнее, то мне обязательно отрубят голову. Сомнений в этом не возникло. Вот только я не хочу лишаться головы.

Ладно, давай посмотрим, что там в следующей серии.

Жилой комплекс походил на бесплатную ночлежку — бесконечно длинный зал пещерного типа, заставленный трёхъярусными нарами. Нары стояли компактными комплексами по десять койко-мест в ряд и два в ширину. Между собой соседние нары отделялись дощатыми перегородками. На столбах краской были намалёваны цифра и заглавная буква. Проходы между комплексами не более двух метров шириной. Шум, вонь, теснота. Пока я пробирался вдоль рядов, пытаюсь сориентироваться и понять, как в этом столпотворении найти свободное место, меня несколько раз обругали и крепко приложили по спине ладонью. Над головой сохло тряпьё, плакали дети, визжала женщина. Голова кружилась от криков и запахов.

Многие нары закрывали от посторонних взглядов тканевые шторы, там, где они были раздвинуты, ничего необычного не наблюдалось. Смятые одеяла, подушки. В глубине в изголовье небольшой шкафчик. С чистотой явные проблемы, хотя некоторые жильцы даже тут старались как-то благоустроить своё жилище, оживляя его рисунками и разного рода безделушками.

Кто-то дёрнул меня за брючину.

В проходе стоял мальчонка. От силы лет пять, чумазый, взлохмаченный. Он протягивал ладошку.

— Дай!

Голосок тихий, но требовательный. Я растерялся. Мальчонка напоминал Киру. Она пусть и старше, но тоже требовательна, иногда ножкой топает, добиваясь своего. И вчера точно так же хваталась пальчиками за мою брючину.

— Чего тебе дать?

— Дай!

С соседних нар протянулась волосатая рука, ухватила мальчонку за ворот и втащила под штору.

— Опять, гадёныш, попрошайничаешь? Жрал ведь только что. Спи, пока багету тебя не скормил.

Нары заскрипели под тяжестью переворачивающегося тела. Я постучал по лесенке, ведущей на верхние ярусы.

— Уважаемый, подскажешь, где местечко свободное найти?

Из-за занавески высунулась опухшая морда. Один глаз заплывший, другой мутный, как у слепца.

— С новой партии? К старосте иди, Ровшаном кличут. Он места распределяет.

— Где искать этого Ровшана?

— Закуток у него возле столовки, не промахнёшься.

Считая разговор законченным, мужик задёрнул штору.

Я двинулся дальше по проходу. Теперь ещё столовку надо искать.

Навстречу пробежала женщина и юркнула под нары, перекатившись в следующий проход. За ней ковылял пожилой мужик в рубаше с оборванными пуговицами. Повторить маневр женщины он не мог, нога не позволяла, и заорал, глядя под нары:

— Сука! Я заплатил!

— Это долг за прошлый раз, — с хохотом ответила женщина. — Теперь в расчёте.

Колченогий выпрямился, губы кривились в злобе.

— Сочтёмся, сучка драная. Один хер подловлю.

Проходя мимо, он толкнул меня, задев локтем сломанные рёбра. Я зашипел. Колченогий посмотрел на моё вспотевшее лицо.

— Чё встал, как парализованный? Заняться нечем? Иди, отсоси у Ковролина, он сегодня при бабках.

На кармане было вышито «Костыль». Подходящее имя для его негнущейся ноги.

— А ты уже отсосал, раз таким живчиком бегаешь?

Не знаю, что на меня нашло, никогда не позволял себе хамство в ответ на хамство. Отчим всегда говорил, что любую драку можно решить словами, а тут конкретный наезд с моей стороны. Но за последние сутки столько навалилось, и то ли нервы сдали, то ли заразился местным сумасшествием, но молчать сил не было, да и желания, честно говоря, тоже.

Хотя лучше бы смолчал, ибо ответка прилетела мгновенно. Костыль вбил мне в подбородок крюк левой. Я взмахнул руками, как крыльями, завалился назад и уже падая, приложился затылком о столб.

Вырубился наглухо. Когда открыл глаза, увидел ноги снующих по проходу людей. Кто-то не вполне дружелюбно затолкал меня под нары, чтоб не мешал движению. Это вместо помощи. Бесчувственный здесь народ. Я приподнялся, повёл челюстью. Хорошо он меня. Но вроде не сломано, двигается. И зубы целы. Только вкус крови на языке.

Придерживаясь за опорные столбы нар, я выбрался в проход, посидел немного, потряхивая головой и приходя в себя, и пошёл дальше. Бок разболелся невыносимо, он уже не просто пульсировал, а стремился к маленькому ядерному самоподрыву, плюс к нему добавились ломота в затылке и общая заторможенность. Если дело и дальше так пойдёт, до утра я не доживу. И тогда рухнет главная заповедь Загона, утверждающая, что жизнь человека — вещь непререкаемая. Или этот Дряхлый имел ввиду только свою жизнь и жизни таких же положенцев, как он?

Столовую я нашёл случайно. Вход в неё был прикрыт дополнительным рядом нар, стоящих перпендикулярно остальным. Нары были двухъярусные и шире обычных, видимо, VIP-зона местного значения. Сторона, обращённая к общим рядам, была заколочена досками, и поначалу я принял их за искусственную перегородку. Кто-то выкрикнул имя, названное мутноглазым, я повернул на голос и увидел более широкий и чистый проход. Слева открывался зал с длинными обеденными столами, а прямо стояла конторка — грубо сколоченный стол и табурет, на котором сидел настолько жирный мужик, что оставалось удивляться, почему табурет под ним до сих пор не сложился. К стене приткнулся электрический самокат.

Староста сосредоточенно водил пальцем по экрану планшета. За жирными щеками глаз не разглядеть, подбородок ложился на грудь прыщавым наслоением, зелёная майка настолько плотно обхватывала плечи, что растянулись нити на швах.

— Привет. Ты Ровшан?

Толстяк нехотя процедил.

— Ну?

— Я из новой партии. Мне бы место и поесть. Поможешь?

Староста облизнул пухлые губы, продолжая протирать пальцем экран.

— Кхе... И чё, бегом можно?

— Сам решай. Я первый день на вашей кухне, не знаю, кому бегом можно, кому шагом.

Одному посоветовал, так он мне проездной под нижнюю полку выписал.

Я потёр подбородок.

Ровшан наконец-то взглянул на меня.

— С кем ты так неосторожно?

— Кажется, Костыль. Послал меня к какому-то Ковролину для интимных переговоров, я послал в ответ.

— Костыля? — в голосе Ровшана промелькнуло уважение. — Однако, смельчак. С Костылём никто так не разговаривает. Он хоть и медлительный, но если дотянется, приложит от души. А Ковролин обычный глагол. Держит под собой проституток и нюхачом приторговывает. У них с Костылём постоянные тёрки. Недолюбливают друг друга.

— Если у них такая нелюбовь, зачем меня в свои дела впутывать?

— Местная традиция. Ковролин только на мальчиков заглядывается, вот к нему и посылают.

— Вроде как на три буквы?

— Ага, вроде.

Замечательно, у них тёрки, а я крайний. Зато теперь более-менее расклад ясен, буду осторожней.

— Так что насчёт места?

— Цены, стало быть, такие, — староста сложил руки на животе. — Место на третьем ярусе — двадцать статов в неделю. Тут два минуса: слишком высоко и жарко. Четвёртый год обещают дополнительную вытяжку установить, но всё никак не сподобятся. Устал уже с ними ругаться. На втором ярусе — пятьдесят. Это потому что нары сдвоенные. Выход на обе стороны получается, хошь туда, хошь сюда спускайся, и прохожие внезапно на тебя из прохода не валятся. Эти места в основном семейные берут, ну и говнюки при бабках вроде Ковролина. Нижний ярус — десять статов. Тут сам должен догадаться, все радости общежития и внезапных встреч в одном пакете, поэтому скидка. Усвоил?

Замечательно. С бесплатной ночлежкой я поторопился. Она получается ох какая платная. Дряхлов говорил, что за сотрудничество Контора платит от десяти до трёхсот статов в день. Неуверен, что мне сразу начнут платить по верхней ставке, так что коммуналка получается кусачая.

— У меня нет статов. Не заработал ещё.

— Не беда. В случае неплатёжеспособности Загон предоставляет пятьдесят статов беспроцентного кредита каждому жителю. Ты, главное, от сотрудничества не отказывайся, и Контора тебя оплатой не обидит. В моём блоке две с половиной тысячи шконок, из них две сотни пустуют. Есть людишки, которые вдвоём и втроём шконку снимают, экономят. Могу к ним подселить. Но вариант не из лучших. Это уже конченные нюхачи, у которых следующая остановка — яма. Тебе куда больше хочется?

— Компания мне пока не требуется. Можно что-нибудь не дорогое и ближе к выходу?

— Без вопросов, — Ровшан ткнул в экран, вытаскивая на рабочий стол список свободных мест. — Номер тринадцать «А». Первый ярус, до выхода рукой подать. Не суеверный?

— Нет.

— Тогда с тебя десять статов. Давай запястье. Тебе штрих-код должны были нанести

при осмотре. Это твой паспорт и кредитная карточка. Не потеряй.

Я протянул ему левую руку, он навёл планшет, отсканировал штрих-код и самодовольно хмыкнул:

— Ну всё, теперь это местечко у тебя никто не отнимет. О продлении не беспокойся, Контора сама спишет статьи в конце недели. Если кто наедет, бывает такое, сразу ко мне. Разберёмся. И ещё тебе совет: пришей бирку с именем на карман. Это общее требование ко всем. Пару раз предупредят, потом на принудиловку отправят.

— Принудиловка — это что?

— Это, брат, геморрой высшего разряда. Лучше триппером переболеть, чем неделя принудиловки, — и пояснил. — Наказание в виде бесплатного сотрудничества.

— Понятно. А как насчёт поужинать?

— Это сюда, — кивнул Ровшан в сторону обеденного зала. — Меню у нас разнообразное, но шиковать не советую, бери комплексный обед. При твоих финансовых возможностях это самый доступный вариант. Всего-то три стата.

— А если кредит закончится, что делать?

— На ферме продлят, не волнуйся. Но лучше до этого не доводить, поэтому не ленись. Загон лентяев не любит.

Первое, на что я обратил внимание, заходя в обеденный зал, расписание работы. Столовая начинала обслуживание посетителей в пять утра и заканчивала в одиннадцать вечера. Планшет показывал четверть десятого. Большинство столов были свободны, лишь кое-где сидели припозднившиеся клиенты, да возле раздачи один стол оккупировала молчаливая компания.

Я взял чистый поднос, прошёл к стойке. Повариха посмотрела на меня устало и нехотя поднялась со стула.

— Чего тебе? Комплексный?

Я кивнул. Выбор был не богатый и не знакомый. В двух котлах исходило паром что-то зелёное, вроде бы суп и каша, рядом на подносе прикрытый целлофаном нарезанный хлеб. Кусочки до того тонкие, что сквозь них на свет смотреть можно. Дальше ещё два котла — с перловкой и щами, за ними пустые стаканы и титан, надеюсь, с чаем. Вот и весь выбор, хотя Ровшан обещал разнообразие.

Повариха щедро наложила в алюминиевую тарелку зелёной каши, в другую налила супу. Хлеб вниманием обошла, и кивнула на титан.

— Чаю сам нальёшь.

Да, я не обманулся, это действительно был чай. Не крепкий и не сладкий, но чай. И горячий.

— Можно два стакана?

— Чаю хоть обпейся, он бесплатный, за остальное три стата. Давай запястье.

— А хлеб?

Хлеба очень хотелось. Зелёная еда аппетита не вызывала; я принял к ней пособачьи, запах кисловато-сладкий и вместе с тем едкий. А хлеб — он настоящий. Ржаной, с прожаренной корочкой. Каждая пора видна невооружённым глазом. Не хлеб — сказка.

— Хлеб — три стата. Расценки забыл или новенький?

— Из последней партии.

На лице поварихи отразилось сочувствие.

— Тяжко небось? Ну ничего, привыкнешь. Поначалу всем тяжко. Ты только от сотрудничества не отказывайся, иначе ох как...

Недоговорив, она покачала головой и вернулась к стулу.

Подхватив поднос, я прошёл к ближайшему свободному столу. Суп на вкус оказался так себе. Жидкий, как бульон. Ложка не понадобилась, я не съел его, а выпил. С кашей пришлось повозиться. Она прилипла к зубам, к дёснам и на вкус казалась подгоревшей. Ради эксперимента, я перевернул тарелку вверх дном, и содержимое не вывалилась.

— Эй, клетчатый, ты из новой партии что ли?

Из-за стола, за которым сидела молчаливая компания, поднялся здоровяк в коричневом.

— Да, сегодня прибыли.

— А тебе не объясняли, чем коричневая майка отличается от твоей чёрно-белой робы?

— Пониженным статусом. Я должен быть вежливым.

— Вот именно — вежливым. Кто позволил тебе сесть за соседний стол? Твоё место в дальнем углу. Жрёшь быстро, ходишь с опущенной головой, потому что ты — кто?

— Кто?

— Опущенный!

Он заржал, сотрапезники тоже заржали, один подавился хлебом и закашлял. Сосед со всего маха хлопнул его по спине, едва не припечатав к столу.

— А ты кто? — взыграла во мне обида. — Глава опущенных?

Здоровяк тоже подавился, только смехом. Он булькнул, вытаращил глаза. Подельники поднялись, уставились на жоака, ожидая приказа.

Опять перестарался. Может быть, этот здоровяк и не Костыль, боксёрскими приёмами не владеет, но их четверо, а я один, и бить они меня все вместе будут.

Я перехватил ложку чашкой в ладонь, сжал покрепче. На крайняк, ткну первому, кто подойдёт, в глаз черешком. Или в горло. Проткнуть не проткну, но травмирую. Что ж за день такой, без люлей шагу не сделать. Или здесь всегда так?

В другую руку взял пустую тарелку. В каком-то фильме видел: надо швырнуть противнику предмет в лицо, он отвлечётся, и тут же бить ножом, в моём случае — ложкой. И обязательно держаться возле препятствия, чтоб со всех сторон не зашли.

Хороший сценарий, только не исполнимый. Двое обошли стол слева, двое справа. Хочешь, не хочешь, а зажали. Я обернулся к одним, выставил ложку перед собой, повернулся к другим. Нет, тут ни тарелка, ни ложка не помогут. Сейчас надавят одновременно и набьют моську до неузнаваемости.

— Привет, Гришуня. Беспредельничаешь?

Напротив остановился мужчина. Худой, как оглобля, и выше меня на полголовы. Лицо тоже худое, хищное, сплюснутый нос, волосы до плеч. На вид далеко за сорок, под полтос. Рубаха как у меня — клетчатая. Он только что поел и нёс посуду на мойку.

— Шёл бы ты мимо, Гук. Тебя наши дела не касаются.

— Да мне тебя жалко. Ты же грамотный, Гришуня, читал Свод. За провокацию можно в яму на принудиловку отправиться.

— На принудиловку? — здоровяк на секунду растерялся, но тут же мотнул головой и вернул лицу выражение бесконечной дурости. — А кто докажет?

— Ты совсем рехнулся? А камеры по углам нахера натыканы? — незнакомец махнул рукой, я проследил за его жестом, но никаких видеокамер не увидел.

— И чё мне с твоих камер? Они звук не пишут, иди, докажи, что не он первым меня козлом назвал.

— Козлом тебя называть не обязательно, это и так все знают. Важно другое. Ты уверен, что не пишут?

— Все так говорят, — в голосе Гришуни появилась неуверенность.

— За что ты так Контору не уважаешь? Тебе лапшу на уши повесили, и ты её с гордостью носишь. Умывайся иногда, дорогой.

Здоровяк сжал кулаки, но в драку лезть не спешил, и напоминать незнакомцу, что у того клетчатая рубаха тоже не торопился.

— Ты в Загоне человек уважаемый, Гук, лапшу тебе прощаю. А за новичка зря вписался. Не в своё дело влез. Я этому шлаку сейчас рожу за грубость располокую, и конторщики меня поддержат.

Он сделал грозное лицо, сдвинул брови, но Гук на это только рассмеялся.

— Ты ещё глупее, чем я думал. Для конторщиков ты плевков на полу. Они при верном раскладе Ковролина не поддержат, а уж тебя и подавно. Шёл бы ты хабар с нюхачей собирать. А парня оставь. Он новичок, наших дел не ведаёт. Если ты его под Смертную яму

подведёшь, с тебя самого шкуру заживо снимут. Забыл Таракана? Так я напомним, мне не сложно.

Боевой порыв Гришуни и компании сдулся. Гук говорил о чём-то таком, что ни одному из них не нравилось. И боялись они не камер на стенах, которых я так и не увидел. Крепыш с ножевым шрамом на щеке буркнул:

— И то верно, Гришунь. С Тараканом тогда реально жёстко обошлись, я видел. Оно нам надо?

— Замолкни, Луц, — здоровяк скрипнул зубами. — Лады, Гук, уговорил. Умеешь ты уговаривать. Все пожрали? Валим отсюда.

Я сел доедать кашу. Аппетит пропал, в горло зелёные комья лезли плохо, приходилось запихивать. Гук отнёс посуду, налил себе чаю, подсел ко мне. За то, что спас меня, спасибо ему большое. Однозначно сейчас бы валялся под столом с разбитой мордой и доломанными рёбрами. Я так и сказал: спасибо. Он не услышал, только кивнул в спины уходящему Гришуне.

— В глаголы лезет, авторитет на мелочи зарабатывает. Сильный, но не умный. Не против, что я возле тебя пристроился?

Нельзя быть против человека, который только что тебя выручил, да и поговорить с кем-то, кто знает местные порядки тоже важно. Вопросов было много, и все они ждали ответов.

— Глаголы — это беспредельщики?

— Типа того. Блоковая преступность. Проституток крышуют, нюхачом приторговывают, мелочь трясут. Шпана, короче. На тебя ещё не раз наедут. Просто держись поостроже. Начинают давить — дави в ответ, но не груби, не давай повода придраться к словам. Правильно себя поставишь — отстанут. В каждом блоке таких банд пять-шесть, и каждая мнит себя великой. У них на банданах обязательно знак какой-нибудь. Череп, кости, ножи, ещё какая-нибудь хрень. В детстве мультиков про пиратов насмотрелись, вот и рисуют себе разных Роджеров. Увидишь, узнаешь. С ними конторщики должны бороться, Ровшан и его команда, но им это нахер не надо. Зачем Ровшану лишние заботы? К тому же глаголы ему еженедельный оброк приносят или барщину отработывают, он вообще в шоколаде получается. Так что в этом вопросе у него защиты не ищи.

— Тебя послушать, так он крёстный отец в блоке.

— Он хитрый. Начинал как Гришуня, с мелочи, потом в конторщики перешёл, подставил прежнего старосту и на его место сел. Сам никого не прессует, а если человек не понравился, спорить начинает, подсылает к нему того же Ковролина, тот вопрос решает кардинально. Шлак в отстой, у Ровшана в блоке тишина. Контора довольна.

— А что за Смертная яма? Все о ней говорят и все боятся, но никто толком не объясняет.

Я потянулся за чаем.

— Яма? Это, брат, самое большое дерьмо, в которое можно вляпаться. Официально — производственная ферма, а в народе — Смертная яма или просто яма. Говорить о ней не любят, чтобы беду не накликать. Я тебя как новичка предупреждаю: никого о ней не спрашивай. Примета плохая, можно в харю схлопотать. Время придёт, сам всё узнаешь. Скажу только, что рано или поздно, каждый в неё попадёт.

— Кладбище?

Гук кивнул.

— Типа того, только друзей и родственников лучше не навещать. Тебя как зовут? —

съехал он с темы.

— Донкин Евгений.

— Здесь не принято фамилии использовать. Можно, конечно, никто не запрещает, но лучше не надо. В Анклаве у красных ещё сойдёт, там у них свои порядки, а внутри Загона жизнь по-другому устроена. Например, я — Гук. Есть Чук и Гек. Слышал о таких?

— Читал.

— Вот. А я между ними — Чук, Гук и Гек. Нравится? Сам придумал. А ты... Донкин? Я бы предложил упрощённое Дон. Или можешь придумать что-то иное, что больше по нраву. Один зашлакованный потребовал называть его Навуходносором. Представляешь, как это выговаривать, особенно тем, кто плохо знаком со Священным писанием?

— Дон вполне подойдёт. Ребята во дворе так меня называли. Да и в армии тоже.

— А служил где?

— При складе ГСМ.

— Части материального обеспечения? Здесь это не котируется.

— А кто котируется?

— Те, кто на спуск нажимал. Снайпера, пулемётчики. Особенно с реальным боевым опытом.

— Да мне вроде тоже показывали, куда нажимать.

— Показывать и нажимать — разные вещи. Но ты не расстраивайся, и тебе применение найдут. Ты, кстати, одежду промаркируй, иначе стащат. Сегодня же промаркируй, или не раздевайся. Вообще, возьми за правило всё свое маркировать. Под шелухой вежливости здесь такая грязь скрывается, что лучше в неё не закапываться.

Насчёт вежливости это точно. Может быть, где-то за пределами блока она ещё работала, но внутри у этой машины колёсики давно сломались, а то и вовсе никогда не крутились.

— А что насчёт разноцветных маек?

— Майки, халаты, футболки, банданы — это всё... Как тебе объяснить... Это не цветовая дифференциация штанов, это много шире. Это — шкала ценностей, и чем светлее цвет, тем ты ценнее. Два самых дешёвых цвета — клетчатый и коричневый. Разницы между ними почти никакой. Повезёт заключить контракт на стандартное сотрудничество, Контора на автомате поднимет тебе статус, переключит с чёрно-белого режима на коричневый. Если будешь тратить в течение двух недель от пятидесяти статов в день, тоже повысят. Возможностей подняться много. И слететь тоже много. Стуканёт Ровшан наверх, что Гришуня на тебя наехал и спровоцировал драку, Гришуню понизят, а Ровшану премия прилетит.

— Сколько?

— Не знаю, там от информации зависит и от доказательной базы, но по-любому неплохо. Контора стукачество поощряет, ей это выгодно. И народу тоже выгодно, лишний стат не помешает. Здесь если не каждый на тебя настучать готов, так через одного точно. Видишь, как повариха смотрит? Если б Гришуня тебе рожу начистил, она бы стопудово сообщение в Контору отправила. Это и есть видеокамера. И звук она тоже неплохо пишет.

Повариха по-прежнему сидела на своём стуле, скучала, но глазками по сторонам водила.

— А как синюю майку получить?

— С этим сложнее. Контракта с Конторой мало, надо профессию подходящую иметь: врач, программист, или настолько понравиться Конторе, что она обратит на тебя внимание и

начнёт продвигать. А вообще, знаешь, не спеши ты вверх по цветной лестнице. Можно потом так скатиться и удариться... Посиди внизу, осмотришься. Глядишь, жизнь не такой уж и плохой в чёрно-белом варианте окажется.

Я бы не прочь последовать совету Гука и осмотреться. Наверх никогда не стремился, потому и подался после университета в баристы, хотя путей было множество. И в армию сходил, и волонтером поработал. Но сейчас ситуация получалась иная: я должен найти своих девочек. Они остались там, на базе, а все рано или поздно попадают в Загон. Все. Вернуться назад не получится. Как сказал Дряхлов, дорога здесь с односторонним движением. Не знаю, с чем это связано: касается это только шлака или в принципе нет возможности вернуться? Однако если подняться до определённого цветового уровня, уверен, появиться шанс что-то изменить, как минимум получить больше информации и на что-то повлиять. Снизу я влиять не смогу.

Сейчас примерный расклад ясен. Пункт первый: стать охранником. Вряд ли это нечто обременительное, и точно самое доступное. Дубинка на поясе, сопровождение прибывающего шлака, постовая служба. Вот к чему стоит присмотреться, а дальше будем разбираться.

— Гук, как стать охранником?

Долговязый неодобрительно покачал головой.

— Не услышал ты меня. Вроде бы умный парень, а глухой.

— У меня причины есть.

— Какие?

— Очень веские, Гук, поверь. Целых две, и обе весомые.

— Ну как знаешь. Я тебе свои взгляды навязывать не стану. Хочешь обжечься — обжигайся. А может и повезёт тебя. Короче, следи за сообщениями. Контора периодически предлагает обычные и стандартные контракты, надо успеть принять их. Синий цвет — успел, красный — жди следующего, — он вздохнул. — Весь наш мир построен на цветовой гамме и её оттенках.

— А что насчёт особых?

Гук посмотрел на меня поверх стакана.

— Особых? — он усмехнулся. — Рано тебе об этом думать. Но если вдруг случится такое, не вздумай отказываться. За отказ может прилететь хороший штраф. А если выполнишь, считай пара недель красивой жизни обеспечены. Если выживешь.

Тринадцатое место я нашёл быстро: первый комплекс шконок от входа, первый ярус, третье от края. Занавеска сдвинута, внутри бардак и явная недостача. Матрас и тонкое одеяло на месте, подушка отсутствовала. Шкафчик в изголовье без дверки и пустой. На всякий случай зафиксировал картинку на планшет. Если Ровшан придерётся, вот доказательство, время под фоткой тоже поставлено.

Я свернул одеяло, бросил под голову. Ни раздеваться, ни разуваться не стал, как советовал Гук. Лёг — и понял, что спать не хочу. Вторые сутки на ногах, но сна ни в одном глазу. Это от нервов. Чтобы не терять время в бесполезных метаниях и подсчёте мифических овец, занялся изучением планшета. Размер примерно десять на восемнадцать, тютелька в тютельку помещается в карман рубашки и ещё позволяет клапан застегнуть. Включается нажатием клавиши сбоку. Зарядка... Батарея заряжена полностью, насколько её хватает, не знаю. Зарядного устройства нет, но на стене у головы тонкий провод с разъёмом. Подходит.

Дальше...

На рабочем столе несколько ярлыков. В верхнем левом углу значок книги с гусиным пером, под ним капсом «КОНТОРА». Самый первый — самый главный. Надавил, открылось окно. С десятков разделов. Напротив графы «Сообщения» — число 24 жирным курсивом. Двадцать четыре непрочитанных сообщения! Кинулся читать — официальная лента: изменения статуса, предупреждения, напоминания. Ничего интересного. Открыл меню, убрал галочки с новостных статей, оставил только предложения о сотрудничестве.

Следующий раздел «Отдел кадров». Сначала заставка в виде графической девушки в офисной обстановке. Сплошной шаблон вплоть до милейшей улыбки и очков на кончике носа. Текст на полстраницы:

Отдел кадров программы «Контора» приветствует Вас, Евгений Донкин. Мы рады предложить Вам стандартный контракт по сотрудничеству на любую из нижеприведённых профессий: **шахтёр, охранник, старатель, строитель, конторщик, врач, программист, научный сотрудник, деятель культуры** (список может меняться). Нажмите на любую из перечисленных профессий двойным кликом и заполните анкету. Свой ответ мы дадим в ближайшее время. Спасибо, что воспользовались нашей услугой.

Как-то чересчур приторно, но доступно. А Гук говорил, что надо следить за сообщениями.

Я кликнул на «старатель». Профессия для меня незнакомая. Они золото моют или алмазы добывают? Тогда чем это отличается от обобщённого «шахтёр»? Вроде бы в мире принято и тех, и тех называть одинаково.

Клик вывел на страницу, где контуры офисной девушки сообщили:

Набор производится по личному договору со старшиной артели. Следите за нашими сообщениями.

Вот как. В чём-то Гук оказался прав. Как минимум одна из профессий требует отдельного договора и сообщения.

Я кликнул на «Охранник». На заставке появился brutальный мужчина в синем камуфляже, со скрещенными на груди руками и сардонической ухмылкой. Под ним два раздела: внутренняя охрана, внешняя охрана. Я нажал внешнюю...

Отказ! Отказ! Необходимо предварительно получить учётную категорию в арсенале! Наличие собственного оружия **ОБЯЗАТЕЛЬНО!**

Вот как. Собственное оружие. Всё намного сложнее, чем я думал. Оказывается, у меня есть право иметь оружие. Только где его взять?

Выругавшись сквозь зубы, я выбрал внутреннюю охрану. Открылась анкета. Две верхних строки были заполнены: имя и профессия. Я навёл курсор, удалил прежнее имя и ввёл новое — Дон.

Выскочило окно:

Желаете сменить имя?

да нет

Да.

Имя изменено. Лимит на смену имени исчерпан. При необходимости в новой смене, обращайтесь в службу поддержки.

Окно исчезло.

Имя в верхней строке сменилось. Теперь я официально стал Доном. Следующие вопросы звучали как обычная анкетная штамповка для организаций полувоенного толка:

пол, возраст, где служил. Потом начали вкрадываться вопросы психологической направленности, некоторые повторялись, но уже другими словами. Отвечать я старался максимально честно, хотя многие моменты моей прошлой жизни проверить было невозможно.

Отправив анкету, получил сообщение:

Ваша заявка на соискание должности охранника внутренней службы будет рассмотрена в срок, предусмотренный законом о сотрудничестве.

Что ж, будем ждать. И надеяться.

Я закрыл «Отдел кадров» и перешёл к «Внутреннему своду законов». Длинный талмуд параграфов в большинстве своём начинался со слова «Запрещено». Я пробежал глазами несколько строк. Запомнить всё нереально, надо иметь фотографическую память, но основное уяснить удалось. Убийство и провоцирование убийства в зависимости от последствий наказываются Смертной ямой, либо принудительными работами в оной. Могилы они там что ли копают? Что конкретно представляет собой яма — ни слова, подразумевалось, что житель Загона должен знать это без пояснений.

Следующий ярлык был подписан как «Сервис», по сути, частные объявления, в обложке указывалась цена за разовый показ — от пяти статов в сутки. Услуга пользовалась спросом, объявления были выделены в отдельные группы: куплю, продам, разное. Взгляд зацепился за интим. Палец замер над иконкой. Нажать, не нажать? Нажал — и застрял на полчаса.

Предложения были самые разнообразные, многогендерная Европа отдыхает. Но меня привлекала только женская часть.

Анжела — я лучшее, что тебе доводилось встречать. 301.002.760.C3.

Какое завышенное самомнение. Лучше моей Данары нет никого. Ни одна женщина с ней не сравнится.

Ты так ещё не пробовал J и всего-то за тридцать статов. 100.296.326.C3.

Ого, даже смайлик есть. А личные номера видимо для связи, чтоб договориться о времени и месте.

Пять статов — и делай со мной что хочешь. 098.541.443.C3.

Исходя из того, что комплексный обед стоит три стата, цена более чем приемлемая, только, боюсь, не каждому такая дешёвизна придётся по нутру. Впрочем, когда приспичит, а на счету пусто... Кстати, сколько на моём?

Я открыл «Финансы».

На счету: 0

Долг: 13 статов

Доступный кредит: 37 статов

Внимание! У вас осталось шесть дней, чтобы погасить долг.

Последняя фраза не просто красная — она мигала, предупреждая об опасности.

Вернулся на прежнюю страницу, открыл раздел «Разное». Хотел посмотреть, что ещё народ предлагает. Среди множества однотипных объявлений наткнулся на предложение о маркировке. Цена не указывалась, но доверительное слово присутствовало: «недорого». Открыл чат, ввёл указанный номер и написал:

Требуется маркировка на одежду. Имя: Дон. Третий блок. Место тринадцать «А».

Отправил сообщение, выключил планшет. На сегодня всё. Первый день, первая ночь, за перегородкой храп. Где-то кричат, поют, никаких законов о соблюдении тишины. Тяжко мне здесь придётся.

Кто-то бесцеремонно тряс меня за плечо. Опять, наверное, Кира. Она жаворонок, встаёт с первыми лучами солнца, и у неё сразу появляется ворох вопросов, на которые ответить могу только я.

— Детёныш, давай попозже. Папа спит...

— Тебе что ли маркировка нужна?

— Что?

Я перевернулся и увидел пожилую женщину. Глаза обшаривали мою одежду, каждую складку и шов, словно оценивая. Господи, я же не дома...

— Раздевайся.

— В смысле? Полностью?

— Трусы можешь оставить. Их не скрадут.

Ещё не проснувшись, я начал торопливо стаскивать одежду. Женщина сгребла её в кучу, сверху водрузила берцы и буркнула:

— Жди. Через час принесу.

Чтобы скоротать время, я открыл на планшете библиотеку. Выбор книг оказался на удивление огромным. Полный набор классики, как отечественной, так и иностранной, плюсом к тому журнальные подписки, современная фантастика, детективы, любовные романы — на любой вкус. Сделал несколько закладок на будущее. Появится возможность — почитаю.

Поступило несколько предложений о сотрудничестве. Я читал их как набор шарад, слова вроде бы понятные, а смысл угадать не получается. И ни одного намёка об оплате, о том, в чём конкретно предстоит участвовать.

Предложение по сотрудничеству: наведение порядка в общественных помещениях

Принять:

да нет

Поколебался мгновенье, махнул рукой и нажал да. Синий цвет сменился на мигающий красный.

Отказ! Отказ! Предложение устарело.

Устарело? Быстро. Значит, пользуется повышенным спросом. Но почти сразу прилетел следующий заказ.

Предложение по сотрудничеству: сбор крапивницы

Принять:

да нет

Нажимать не стал. Новое непонятное слово «крапивница». Наверняка куда-нибудь пошлют, но голым же не пойдёшь. Подожду.

Спустя два часа я начал беспокойно выглядывать из-за занавески и осматривать коридор. Людей было мало, и никто не походил на ту тётку, которая унесла мою одежду. К концу третьего часа сомнений в том, что я стал жертвой банального развода, не осталось. Бросился искать объявление, но похожих было не меньше десятка, да и не факт, что хоть одно из них имело отношение к той женщине. Я даже номер её не помню. Баран! Глупейшая ситуация: сижу на матрасе в одних трусах, и ни влево, ни вправо не дёрнуться.

Впервые в жизни возникло желание кому-то набить морду. Не эмоциональный порыв,

как с Музыкантом, а реальная жажда свернуть нос набок. И даже факт, что этот «кто-то» женщина лет пятидесяти, на останавливал жажды мести. Я ей доверился, а она меня кинула. Ей не нос, ей шею сворачивать надо!

Я спрыгнул с нар, и как был в трусах и босый, двинулся по коридору к столовой. Терять было нечего, поэтому пёр как танк, с наглой мордой. На меня косились, но без особого любопытства. Готов поспорить, что подобные прохождения в блоке случаются нередко.

Искать тётку бесполезно, поиски ничего не дадут. В одном только нашем блоке две с половиной тысячи койко-мест, а всего жилых блоков восемь, и сколько в них народу — большая загадка. Ровшан должен помочь. Если в Загоне существует видимость местного управления, то он обязан заниматься решением подобных вопросов.

Ровшан пил чай. Не те бледные помои, которые я наливал из титана, а настоящий. Рядом стояла жестяная коробка с иероглифами и бутерброды с сыром на тарелочке. Увидев меня, староста ничуть не удивился, а в ответ на жалобу изрёк равнодушным тоном:

— Знакомая ситуация.

— Знакомая? И всё? А что дальше?

Меня слегка поколачивало. Надо идти, что-то делать, возвращать мои вещи. Не могу же я в таком виде разгуливать по блоку, и сотрудничество принять не могу. А он спокойно прихлёбывает китайский байховый, как будто ничего не случилось, и ест бутерброды с сыром.

— Ты на меня не дави, клетчатый, — напомнил он мне о цветовой вертикали власти. — Я тебе не фокусник, чтобы штаны твои из шляпы вынуть. Конторе плевать на дебилов, позволяющих себя разводиться, сыщиков в моей команде нет.

— Ага, понятно. То есть, отныне я кандидат в Смертную яму. Замечательно! Ты за мой счёт план решил выполнить?

Про план я брякнул от балды, но Ровшану мои слова не понравились.

— Не кипишуй, сядь.

Он указал на стул по другую сторону конторки и постучал пальцем по столешнице. На звук из-за портьеры выскочил хлыщ в коричневом и согнулся в полупоклоне.

— Тёщу найди, — тихо сказал староста.

Хлыщ исчез.

— Решим вопрос, — это уже мне. — В том, что позволил себя накрывать, моей вины нет. Я за действия разной швали ответственности не несу. Но помочь людям готов всегда, особенно таким перспективным, как ты.

— А я перспективный?

— Доверие вызываешь. Вонь поднимать не стал, ко мне пришёл, стало быть, башка на месте, извилины в правильном направлении закручены. Сейчас человек придёт, дела твои с одежкой порешает. Не бесплатно. Но как чучело по Загону бегать не будешь. А вот и она. Привет, Тёща.

К конторке подошла тётка. Я чуть не подпрыгнул.

— Да это же та сука, которая одежду мою спёрла!

Ровшан с видом записного прокурора глянул на воровку.

— Твоя работа?

Тёща смотрела на нас глазами невинного младенца:

— Ты о чём, Ровшан? Я этот шлак впервые вижу.

Тон искренне-удивлённый, такому только глухой не поверит. У Ровшана со слухом

хорошо, поверил, вот только сдаётся мне, что он и есть главный разводила в местном заповеднике.

— Да она это, — скрипнул я зубами.

— Кроме слов иные доказательства есть? Обвинить можно кого угодно, но если не докажешь, она обвинит тебя в оговоре, и мне придётся это подтвердить. А наказание в Загоне одно — яма. Ну так что, будешь настаивать на обвинении?

Тёща стояла, как ни в чём не бывало. Ещё бы, презумпция невиновности. Это же я её вину доказать должен. Но доказательств ноль. Номер её я не помню, объявление на странице не висит. А если и висит, то что с того? Объявление не доказательство. Надо было сфотографировать её или на видео снять. Обе функции в планшете существуют.

— Не буду.

— Вот и правильно. Зачем привлекать к себе лишнее внимание Конторы? А Тёща тебе вещички обеспечит. Не новые, конечно, новые ты не купишь, но вполне приличные. Так ведь, Тёща?

Вернуть свою одежду я уже не надеялся, оставалось решить вопрос цены.

— Почём?

— Уверен, что не дорого. Ты же у нас новичок, со стагами проблема, а инвестиции в Загоне не приветствуются. Сколько у тебя на счету?

— Тридцать семь.

— Тёща, хватит на комплект?

— Найду.

— Десять минут у тебя.

Тётка ушла, а Ровшан вдруг заинтересовался моими рёбрами.

— Чё за хрень? От Костыля подарок?

Опухоль расползлась по всему боку, кожа в некоторых местах почернела и сочилась сукровицей. При каждом резком движении боль в рёбрах пробивала тело током, и я лишней раз старался не дёргаться.

— Да нет, это ещё там, на базе, придурок один.

Ровшан прикусил губу.

— Как же тебя пропустили? Доктор должен был забраковать при осмотре.

— Да нормально всё. Пульсирует только. Заживёт.

— И счёт у тебя пустой, нанограндов не купишь, — не слушая меня, говорил Ровшан. Глаза блестели, как будто открытие сделал. — А доктор кто был?

— Дряхлов.

Блеск померк.

— Дряхлый человек солидный. Это не обычный шлак, у него связи... — Ровшан рассуждал сам с собой. — Давай так поступим. Тёща тебя оденет, ты на место возвращайся, а завтра свяжемся. Я с людьми перетру, подлечим твои рёбра.

— Мне сидеть не по карману. Статов ноль, на комплексный обед не хватит.

Ровшан написал что-то на бумажке.

— Держи. А потом на место иди, как договорились. Наедет кто, сразу на меня ссылайся, отстанут.

На бумажке значилось одно слово: «Накормить». Хорошее слово, только хотелось бы знать, с чего Ровшан таким щедрым сделался. Талон в столовку дал, с травмой помогает. Но больше всего насторожила фраза, что при осмотре меня должны были забраковать. Доктор

не забраковал, теперь Ровшан собирался заработать на этой информации, и думал, кому выгоднее её продать: самому Дряхлову или кому-то ещё.

Вернулась Тёща, выложила передо мной комплект одежды. Брюки штопанные, на правом колене заплатка. У рубахи обшлага истёрты, проще закатать, чем починить. Ботинки — не берцы даже — пусть и моего размера, но разношены до такой степени, что болтались на ноге, и никакие шнурки не могли их удержать. Ну и как это носить?

— Другому бы и за полтинник не отдала, — скривилась Тёща в ответ на мою реакцию. Как будто это не она меня обокрала. — А тебе за тридцать семь. Носи и будь доволен. Номер твой нанесла с изнанки, хотя и без него никто не позарится.

На клапане кармана было неаккуратно вышито жёлтыми нитками: Дон. Если она такая честная, откуда узнала, что вышивать надо?

— Тебе кто имя моё подсказал?

— В проходах слышала. Люди говорят, какой-то извращенец по имени Дон гольшом разгуливает, детей пугает. Кроме тебя некому.

— Номер тоже они подсказали?

Её лицо осталось непроницаемым.

Ладно, ловить эту швабру за руку бесполезно. Попал, значит, попал, в следующий раз умнее буду.

С талончиком заявился на раздачу. Выбор был богаче, чем вчера вечером. Кроме уже привычной зелени, которую поедали большинство обитателей блока, в лотках лежал рис, макароны, греча, отдельно жареная рыба, бефстроганов с подливой, котлеты. В небольших котлах три вида супов. Повариха приняла талончик, сунула в карман и спросила равнодушно:

— Чего тебе?

— А можно выбрать?

— Выбирай.

Я взял харчо, макароны с бефстроганов и два пирога с капустой. Подумал, и взял третий. И чай, разумеется. Прошёл с подносом в середину зала, игнорируя завистливые взгляды обедающих, и всё это от души навернул. Третьи сутки не ел по нормальному.

Один пирог я съел, два спрятал за пазуху. Неизвестно, что дальше будет, на ужин, похоже, рассчитывать не приходится.

После обеда вместо того, чтобы сидеть на нарах и ждать завтрашнего дня, отправился путешествовать. В планшет была заложена карта Загона. Показаны были только жилые блоки и эвакуационные выходы: первый, третий и четвёртый. Первый выход находился за последним блоком, на карте он был закавычен как «Рабочий». Не знаю, что это означало, возможно, где-то там находились шахты, во всяком случае, основные потоки сотрудников направлялись туда. Третий, тот, что с огромным экраном, назывался «Радий». Название совершенно нейтральное, с лёгкостью подойдёт театру, стадиону, цирку, особенно учитывая его размеры.

Четвёртый не обозначался никак, просто эвакуационный выход номер четыре. Туда отводили забракованных. Если продолжить логическую цепочку, начало которой озвучил Ровшан, то именно там должна находиться Смертная яма, или ферма, как её называли многие. И там же располагался станок, доставивший нас в это место. Меня он интересовал более всего, потому что Данару и Киру тоже должны доставить в нём.

Людей в коридорах почти не было. Навстречу прошли двое коричневых с дубинками. Один задержался, оглядываясь на меня, второй подхватил напарника под локоть, дескать, не

наша забота этот клетчатый, и брезгливо сморщился на мою обновку.

Я уже пожалел, что отправился в коридоры. Рёбра разболелись, пришлось прижиматься к стене и стоять, дожидаясь, когда боль утихнет. Кто-то прошептал с пренебрежением: нюхач. Не понятно, что именно он имел ввиду: наркомана или сам наркотик. И то, и то называлось одинаково.

Добравшись до Радия, я снова прижался к стене. Возле проходной собрались охранники и несколько клетчатых. Среди них мелькнула долговязая фигура Гука. Он только что поднялся по ступеням к проходной и исчез в дверях. Охранники в руках держали дробовики, у некоторых через плечо был перекинут патронташ.

— Эй, — услышал я, — поторопись, а то без тебя уедут.

За спиной стоял коричневый.

— Куда уедут? — не понял я.

— За крапивницей, куда ещё? Или ты не на сбор?

— Нет.

— Тогда какого хера тут мотаешься? Кино сегодня не показывают.

— Мне нужно к четвёртому эвакуационному выходу.

— В яму собрался? — он подошёл ко мне вплотную и заглянул в глаза. — На нарика вроде не похож. Эй, Сурок, здесь клетчатый какой-то странный. Прикинь, первый раз вижу, чтоб по собственной воле на ферму пёрлись. Вот же придурок.

Подошёл охранник в синем. В правой руке обрез трёхлинейки, на поясе подсумок с запасными патронами и кобура, из которой выглядывала рукоять нагана. Рывкнул:

— Штрихкод предъявил! Быстро!

Я протянул запястье. Он отсканировал, и попеременно глядя на меня и на экран планшета, сказал более миролюбиво:

— Из вчерашней партии. Подтверждённых заявок на сотрудничество нет. Ты чего тут забыл, блаженный?

— Мне четвёртый выход нужен.

Сурок приставил ствол обреза к моему животу, надавил.

— Тебя как новичка предупреждаю по-человечески: четвёртый выход — зона особого контроля. Пройти туда можно либо с подтверждённым предложением к станку, либо на ферму. Любая иная попытка проникнуть в зону считается диверсией и наказывается принудителкой. Сегодня на станок предложений нет, выходной у него. Понимаешь? Но если будешь настаивать, то я дам тебе возможность и двух провожатых туда попасть. Будешь настаивать?

— Нет.

— Молодец. Следующий момент. На сбор крапивницы сегодня недобор по сотрудничеству, и у тебя есть шанс помочь своим товарищам-отсосам в сборе урожая. Сейчас я тебе отправлю предложение, ты его подтверждаешь и топаешь на проходную, а я резко забываю, что ты мечтал добраться до четвёртого выхода. И это не просьба, это твоя реальная возможность барахтаться в шлаке дальше.

— Мне Ровшан велел на нарах сидеть, ждать его, — попытался отбрыкаться я.

— Ровшан? — синий повернулся к первому. — Это который? Староста из третьего блока? Да пошёл он нахер этот Ровшан. Нажрал рожу как жопу и думает, что красивый, а сам подражателя никогда не видел. — Сурок передвинул ствол ниже и надавил чуточку сильнее. — Сейчас ты сделаешь так, как я сказал, а в следующий раз, если следующий раз

наступит, прежде чем куда-то идти попробуй шевельнуть извилинами.

Он выбил дробь по клавиатуре, и у меня запиликало уже знакомое сообщение:

Предложение по сотрудничеству: сбор крапивницы

Принять:

да нет

Я промедлил секунду и нажал «да». Переть на рожон, когда в пах ствол уткнулся, не лучшая идея.

Вам необходимо явиться к третьему эвакуационному выходу в течение пятнадцати минут. Опоздание будет засчитано как преждевременный отказ от сотрудничества. Штраф десять статов.

Не успел я дочитать пояснение, как планшет снова загудел.

Уточнение предложения по сотрудничеству на сбор крапивницы: предусмотрена двойная смена

Подтверждение:

да нет

Да.

Сурок хлопнул меня по плечу.

— Вали к выходу, блаженный, — и велел коричневому. — Прогуляйся по коридору, надо ещё десяток отловить, а то сегодня совсем мало.

Каждому, кто подходил к проходной, выдавали тяжёлый нож по типу мачете и кусок ткани сложенный в несколько слоёв и прошитый по краям. Охранник назвал это респиратором, но по виду оно больше напоминало медицинскую маску, только более громоздкую и нелепую. Использовать его по назначению никто не спешил. Тесак я сунул за ремень, а маску сложил и спрятал в карман брюк.

Изнутри проходная походила на укреплённую позицию. Когда-то это место действительно было проходной, но сейчас окна были заложены кирпичом, остались только узкие щели. На полу стояли два льюиса — привет от Первой мировой, на столе запасные диски к ним. Вооружение не аховое, в современной войне толку от него чуть, но учитывая толщину стен, держаться можно долго.

На улице я едва не ослеп. Отвык от солнца. Проморгавшись, увидел огромную площадь, несколько железнодорожных путей, разворотную площадку, грузовые вагоны. В стороне находилось депо, из которого выползал паровоз с двуглавым орлом на решётке. Из трубы валил дым, стучали колеса.

По контуру площадь была обнесена терриконами высотой с трёхэтажный дом, да ещё с бетонными башенками по гребню. Крепость.

Я прикрыл глаза от солнца, рассматривая детали.

В основании терриконов зияли чёрные провалы, обложенные блоками. От проходной сложно было разглядеть, что кроется в провалах, но, похоже, что какие-то склады. Неподдалёку маячил одинокий часовой.

— Не стой, — подтолкнул меня охранник. — Давай на посадку.

У невысокой платформы стояли шесть вагонов, из двух первых выглядывали люди. Я подошёл ко второму, попытался взобраться на площадку, рёбра снова застонали от боли. При такой нагрузке я их никогда не залечу. Какого чёрта поперся к этому выходу? Надо было дожидаться, когда Ровшан договорится с доктором.

— Мужики, помогите подняться, — попросил я.

Никто не откликнулся.

— Приятель, а ты какими судьбами?

Из дверей первого вагона выглядывал Гук. Значит, в Радию я действительно видел его.

— Чего смотришь? Не узнаёшь?

— Узнаю.

— Иди сюда. Вместе поедem.

Он спустился на платформу, подставил мне руки, посадил и запрыгнул в вагон.

— Поизносился ты с последней встречи.

— Зато лишился остатков былой наивности, — невесело отшутился я.

— Когда-то это должно было случиться. Что за рёбра держишься? В блоке накостыляли?

— Повредили при перевозке.

— Покажи.

Я расстегнул рубаху. Гук долго смотрел, прищурившись, потянулся к опухоли пальцем, но дотронуться не решился. Покачал головой.

— Гнилое дело. Тебя как через осмотр пропустили?

— То же самое мне Ровшан сказал.

— Ровшан видел? Надо же, и в Контору не стуканул.

— Может и стуканул.

— Не стуканул. Иначе бы тебя здесь не стояло. Кто медиком на осмотре был?

— Дряхлов.

— Дряхлый жёсткий мужик, странно, что пропустил.

Гук состроил задумчивую мину, а из меня выплеснулось давно назревающее раздражение:

— Ты можешь сказать, какого дьявола тут происходит? Что вы все туману напускаете? Пропустил, не пропустил, глаза щурите. Ну, сломаны рёбра — и что?

— Сломаны? Хе... — хмыкнул Гук. — Застёгивай и никому не показывай, — он приложил палец к губам и сказал тише. — С такими травмами сразу в яму отправляют. Для того осмотр и существует. Тех, кого выбраковывают, прямым ходом уводят на ферму. Охрану там видел? Вот почему четвёртый выход рядом со станком. И тебя должны были увести. Но Дряхлый конкретно накосячил. Может, пожалел, дескать, молодой ещё. Теперь Ровшан мутить против него начнёт.

— Он обещал вылечить...

— Я тебя умоляю. Какое вылечить? В Загоне йод на царапины жалеют. Надо стандартный контракт заключить, чтобы на что-то надеяться. Для остальных любое лечение — ферма.

— Да что ж там такое?

— Словами не объяснить, многие не верят или не осознают. Показывать надо. Я покажу, потерпи каплю. И рядом держись, не отходи далеко.

Вагон дёрнулся, загремела сцепка, меня бросило на боковую стенку. Гук погрозил неведомому машинисту кулаком.

— Осторожнее нельзя? Люди всё-таки.

Из глубины вагона ответили:

— Шлак...

Вагон снова дёрнулся, просвистел паровоз, и платформа начала отползать. На ходу

запрыгнули трое охранников, один крикнул весело:

— В окна не высовываться! Кто выпадет, подбирать не будем.

Шутник, его мать.

Набирая скорость, поезд вошёл под террикон. Мелькнули бронированные ворота, рельсы начали забирать влево. В дверном проёме я увидел пустырь. Несколько клетчатых фигур с косами выводили под ноль всю растительность. В стороне стояла охрана с автоматами. Дорога пошла по дуге вправо, пустырь кончился, началась промзона. Через пару километров появились панельные пятиэтажки. На первых этажах магазины. Я прочитал некоторые вывески: «Хлеб», «Молоко», «Галантерея». На обочинах ржавые остовы автомобилей, бытовой мусор, трава, кусты, груды битого кирпича, столбы с оборванными проводами.

Между домами мелькнула тень. Вроде бы крупная собака. За ней ещё одна. Остановилась, уставилась на меня и тут же прыгнула за угол. Я видел её секунду. Странная порода, похожа на дога, только тело абсолютно голое, без шерсти, тёмно-багрового цвета. Мускулистые ноги, широченная пасть и красные угольки глаз. И экстерьер другой, как будто тяжесть пригнула псину к земле, и она вынюхивала что-то.

— Видел? — указал я Гуку на просвет между домами.

— И не раз.

— Что это?

— Пёсотварь. Мутант собаки.

— Мутант? Здесь радиация?

— Здесь крапивница, приятель. Это похуже любой радиации.

Я открыл было рот задать новый вопрос, но Гук опять приложил палец к губам и сделал жест ладонью: смотри.

Город пролетал за дверью теплушки со скоростью сорок километров в час. Насыпь поднималась над землёй метра на полтора, обзор был неплохой, и кроме домов и пёсотварей, клянусь, пару раз я видел людей, или кого-то их напоминающих. Охранники, скрестив ноги по-турецки, играли в карты, не обращая внимания на то, что находится за пределами стен вагона. Клетчатый тоже было не до постапокалиптических пейзажей, и, похоже, я единственный, кому это было интересно.

Паровоз загудел, показалась платформа, обложенная по периметру шпалами, скрипнули тормоза. Из последнего вагона на ходу выпрыгнули несколько человек в камуфляже, броне и с тактическими ранцами за плечами. Разглядеть их я не успел.

Путь разделился две ветки. Одна пошла вдоль городской окраины к горизонту, вторая повернула налево. Поезд прибавил скорость и вошёл в поворот. Показались далёкие контуры Загона: изгибы терриконовых стен, башенки-доты. Настоящая крепость. Только от кого она защищает? От проказы? От мутантов? От других людей?

По обе стороны от насыпи встали заросли. Сразу и не поймёшь чего. Однозначно — травянистое растение. Высотой с человека, зонтичные венчики с мелкими голубыми цветочками. На толстом стебле мясистые листья похожие на крапивные. И дурманящий пряный запах, словно гвоздика.

— Респираторы! — резко крикнул Гук.

Охранники бросили карты, клетчатые очнулись от забытья и принялись натягивать маски. Я тоже натянул. Кожа под тканью мгновенно покрылось испариной.

— Крапивница, — кивнул на заросли Гук. Голос его доносился глухо. — Если надышимся пылью...

Последние слова я не расслышал. Паровоз пронзительно загудел, застопорился и через сотню метров встал, прогрохотав сцепками по составу. Охранник, тот, который весёлый, велел оставаться в вагоне, а сам, используя стационарную лесенку, взобрался на крышу и долго вглядывался в колышущееся море зарослей. Я слышал, как он топал берцами, доски прогибались под тяжестью. Потом он склонился головой вниз и махнул рукой:

— На выход.

Справа часть зарослей была вырублена метров на триста вглубь. Под ногами валялись высушенные солнцем стебли. Я стоял, не до конца понимая, что нужно делать. Гук подсказал.

— Срезай листья, клади в мешок, неси в вагон. Подсчёт простой: один мешок — четыре стата.

Он ритмично начал срубить со стебля листья сверху вниз. Сначала с одной стороны, потом с другой, сильным ударом срубил стебель под корень и уложил его верхушкой к дороге. Взаялся за следующий.

Суть действий я уловил с первого раза, сжал крепче рукоять тесака и начал рубить сверху вниз. Работа не сложная, но муторная. Минут через десять заломило поясницу, плюсом к тому рёбра на каждый наклон отзывались дикой пульсацией. Листья хоть и сочные, крупные, величиной с ладонь, однако мешок наполнялся медленно. Лицо заливал пот. Оттираться приходилось рукавами, отчего они быстро промокли и уже не впитывали пот, а растирали его по лбу. Маска тоже пропиталась потом, воздух приходилось втягивать в

себя с силой. Несколько раз я порывался снять её, но Гук тряс пальцем: нельзя. Налетело комарьё, закружилось над головой, полезло за воротник. Перед глазами поплыли круги, а ведь мешок наполнился только на четверть.

Я выпрямился и ещё раз присмотрелся к Гуку. Тот продолжал работать размеренно. С его ростом срубить верхние листья было проще, мне приходилось тянуться к верхушке на носочках, но не это главное. Я обратил внимание, как он сражается с потом и комарами. Наклоняясь, он просто встряхивал головой, длинные волосы метались по плечам, сбрасывая всё наносное.

К тому времени, когда Гук отнёс к вагону первый мешок, у меня набралась едва треть. Гук кивнул ободряюще:

— Привыкнешь. Пара недель, и уже мне тебя догонять придётся.

Пару недель я не протяну. Меня или комары сожрут, или рёбра прикончат.

По окончании первой смены мы погрузились в вагоны, поезд сдал назад, в безопасную зону, где каждому выдали бутылку воды и новый респиратор.

— Могли бы и покормить, — посетовал я, прикладываясь к бутылке. Вода была тёплая и отдавала торфом.

— А листья на что? — буркнул мужчина рядом, почёсывая бороду.

— А что листья?

— Их едят, — пояснил Гук. — Помнишь кашу?

До меня дошло.

— Та зелёная вязкая смесь и суп...

— Ага. На вкус так себе, зато полный состав витаминов и микроэлементов. Некоторые умудряются из листьев муку делать и пироги печь.

Вторая смена далась тяжелее. Я с трудом набил два мешка, часто садился на корточки, отдыхал. Поясница стала деревянная, комары долбили только меня. Слава богу, охранники не понукали. Один стоял на крыше первого вагона, оглядывал заросли, двое других прохаживались вдоль состава, не обращая на нас внимания.

— Движение! — крикнули сверху.

Я как раз тянулся к верхушке очередной крапивницы. Гук схватил меня за руку, потащил к вагону.

— Ты чего?

— Ногами чаще перебирай!

За две смены мы успели вырубить заросли полукругом метров на пятьдесят дальше. Не знаю, много это или мало, но три крайних вагона были забиты мешками под завязку, четвёртый наполовину. Предупреждение охранника услышали не все, и он проорал:

— Оглохли, дебилы?! Движение!

Мы почти добрались до вагона, когда я услышал испуганный вопль, и следом закричал весёлый:

— Язычник! — и уже истерично. — Быстро! Быстро! К составу!

В зарослях кто-то был, верхушки крапивницы тряслись, разбрасывая вокруг себя бледно-синие облака пыльцы. Сборщики бежали к насыпи, бросив мешки.

От последнего вагона метнулась тень. Я не успел разглядеть кто это, вроде бы человек. Гук ударил меня под колени, я неуклюже свалился и над головой громыхнул выстрел. За ним второй, потом третий, четвёртый. С насыпи скатилось тело. Это не человек, это...

Охранник передёрнул цевьё и, не отнимая приклад от плеча, навёл ствол на упавшего.

— Минус один!

Я таращился на убитого. Обезьяна? Нет, это... Это вообще не может быть чем-то реальным, скорее, ночной кошмар. Кожа лягушачьего цвета с крупными серыми пятнами. По телу и морде рассыпаны гнойники, готовые вот-вот лопнуть. Глаза большие, круглые, пасть широкая, словно полоснули ножом от уха до уха. Рот безгубый, мелкие острые зубы. Но самое непонятное — язык. Длинной сантиметров сорок, оканчивающийся пластиной. Он вывалился из пасти, как нечто ненужное, и распластался по земле дохлой змейкой.

— Гук, это... — зашептал я.

Долговязый давил мне на плечи, прижимая к земле.

— Это и есть то, что ты должен сначала увидеть.

Возле паровоза снова загромыхали выстрелы. На корточках мы перебрались к вагону. Я прижался спиной к колесу и обхватил колени. Что происходит? Тело язычника валялось в пяти шагах от меня, и я никак не мог отвести от него взгляд, словно впал в ступор. Как природа могла создать такое чудовище? Это не Земля, нет, это чужая планета, а мы на ней в качестве захватчиков — ресурсы и всё прочее. И вот эти инопланетяне, эти язычники мстят нам за вторжение... Твою ж артиллерийскую батарею!

Выстрелы стихли, с крыши раздался облегчённый возглас:

— Ушли! Все живы?

Гук похлопал меня по плечу. Глаза блестели, как будто он лично участвовал в охоте и застрелил инопланетянина.

— Респираторы нужны для того, чтобы не превратиться в это, — легким кивком он указал на труп. — Чистая пыльца крапивницы, приникая в легкие, попадает в кровь, разносится по всему телу и начинает процесс трансформации человека в тварь. Эту называют язычником. Из-за языка. Он длинный, у некоторых доходит до метра. На конце костяная пластина, острая, как бритва, а то и острее. К ней лучше не притрагиваться, останешься без пальцев. Есть другие твари: раздражатели, лизуны, багеты. Кормятся крапивницей, друг другом и нами. Мы в приоритете. По внешнему виду различаются легко. — Гук облизнул губы. — Ты, наверное, думаешь, что это какой-то космос, Венера там или созвездие Псов. Ничего подобного. Это наша родная Земля. То ли будущее, то ли прошлое, то ли что-то параллельное. Народ к единому мнению до сих пор не пришёл, хотя вся эта хрень длится уже лет сто. — Гук снова облизнулся. — Из крови мутантов добывают особое вещество — наногранды. Очень ценное вещество. Настолько ценное, что золото в сравнении с ним меркнет. Введённые в кровь человека, наногранды на некоторое время ускоряют реакцию, регенерацию и ещё кучу всего вплоть до продления жизни. Представляешь, какая война за них идёт? Завалить мутанта не так уж просто, а нанограндов требуется много, поэтому Контора додумалась до того, что выращивает собственных мутантов. Вот что происходит на ферме — там людей превращают в тварей. Именно поэтому жизнь в Загоне самая большая ценность. Из мёртвого человека мутанта не вырастить, а ослабшему или умирающему подсыпают пыльцу, он вдыхает её и мутирует. Потом партиями выкачивают из него кровь. Надолго таких доноров не хватает,дохнут, и Контора создала систему сотрудничества. Хочешь хорошо жить — сотрудничай, зарабатывай статус, статьи. Без статусов не купишь ничего, ослабнешь — и шагом марш в Смертную яму. Наркоту тоже Контора поставляет. Выпаривают венчики крапивницы, сушат, перетирают в порошок и передают старостам блоков, а уже те распространяют его через глаголов. Наркоманы — главные пациенты фермы. Поэтому всю ассоциалку с Земли гонят к нам.

Бомжи, наркоманы, уголовники, проститутки — добро пожаловать в Загон. А ещё одинокие старики, неизлечимо больные.

Гук поднялся, взял пустой мешок.

— Ладно, ты пока переваривай, а я пойду заниматься собирательством. Норму надо выполнить, иначе всем штраф прилетит. Слышь, уважаемый, — это он уже охраннику. — Не тревожь парня, пусть посидит. Он впервые такое видит.

Охранник не ответил. Минуту спустя к телу язычника подошёл весёлый, в руке конструкция, похожая на велосипедный качёк, только шире по диаметру и с тремя трубками. К верхней была привёрнута прозрачная мизинчиковая колба, нижняя заканчивалась длинной медицинской иглой, средняя болталась как аппендикс.

Охранник повернул голову мутанта на бок и вонзил иглу в сонную артерию. Несколько раз потянул рукоять качка, послышался характерный шум центробежного механизма. Тело мутанта дернулось в конвульсиях, из средней трубки засочилась мутная жижа.

На кончике верхней трубки зависла на мгновение серебристая капля и как бы нехотя свалилась в колбу. Губы охранника расплылись в улыбке, и он крикнул напарнику:

— Сегодня ещё и с премией!

Когда серебряная жидкость перестала капать, колба заполнилась на треть. Охранник поднёс её глазам.

— Семнадцать карат, не меньше. Сколько сейчас по курсу?

— Двести семьдесят за карат.

— Нормально скатались. Каждый раз бы так.

— погоди радоваться. Если вернёмся с потерями, штраф платить придётся.

— Брось, какие потери? Все целы.

— День ещё не закончился, сплунь.

До конца смены нападений больше не было. Я смог подняться, набрал половину мешка, но его не засчитали, Контора платила только за полные. Подвёл итог: четыре мешка в первую смену, два во вторую, всего шесть, по четыре стата за мешок. Двадцать четыре стата. С моим долгом в пятьдесят монет результат неплохой. За один день закрыл половину кредита. Хотя с учётом того, что Гук собрал девятнадцать мешков, достижение так себе.

Но дайте срок, я тоже научусь. Мне бы только рёбра залечить.

Закончив работу, все, включая охранников, разделись до трусов и выколотили одежду. Я отошёл подальше, чтобы никто не увидел мои рёбра.

В Загон возвращались дольше, чем ехали к полю. Разворотных площадок не наблюдалось, паровоз двигался задом, толкая набитые крапивницей вагоны перед собой. Мелькнули пара стрелок, выводящие на обводной путь, но машинист ими не воспользовался.

Покачиваясь в такт тряске и прислушиваясь к однообразному стуку колёс, я чувствовал, как по телу катится слабость. Одежда промокла, спину охватил озноб. Сейчас бы под горячий душ, смыть с себя всю гадость, а потом горячего чаю с малиной и под одеяло. Данара так лечила нас с Кирой, когда вернувшись зимой с горки, мы начинали кашлять и шмыгать носами.

Но сейчас Данары рядом нет, и Киры тоже нет, и где они, я не знаю. Может быть, их уже переправили в Загон, а может, до сих пор держат на базе. Но доктор успел шепнуть, что в Загон попадают все, значит, их тоже рано или поздно переправят сюда. Надо узнать о них, найти. Мы должны быть рядом друг с другом. Я буду работать, собирать крапивницу каждый день, мои девочки ни в чём не будут нуждаться. Я поднимусь по этой чёртовой разноцветной

лестнице... А для этого нужно знать об этом мире всё.

— Гук...

Долговязый сидел, обхватив колени руками, и клевал носом.

— Чего?

— Ты давно здесь живёшь?

— Это не жизнь, — он зевнул. — Четверть века скоро. Мне двадцать три было, когда я сюда попал, меньше, чем тебе сейчас.

— Ого! — я приподнялся от удивления. — Давно. И тебя до сих пор не отправили на ферму?

— Кручусь. А с чего ты вдруг заинтересовался?

— Спросить хотел. Что дают наногранды? Ты говорил, улучшают возможности организма на какое-то время. И всё? Ну, пусть я буду двигаться быстрее. И что дальше? Какая от этого польза?

— Польза? Наногранды — единственный ресурс, который поставляют через станок на Землю. Мы все тут живём и умираем ради них. Человечеству наконец-то удалось заполучить препарат, способный вылечить любую болезнь. Регулярный приём нанограндов омолаживает организм. Можно выглядеть на двадцать пять в шестьдесят, и жить вечно. За это некоторые люди на Земле готовы отдать всё, вплоть до чужих жизней. Взамен мы получаем продовольствие, боеприпасы, оружие, чтобы продолжать добывать наногранды. Они нам, мы им — и так до бесконечности. Такой вот круговорот пользы между мирами.

— Что-то я не чувствую пользы от этого круговорота.

— А ты здесь не для этого. Ты здесь ради обеспечения непрерывности круговорота. А пользой пользуются те, — Гук указал пальцем на крышу вагона, — кто руководит процессом. Этим людям далеко до фонаря цвет твоей майки. Для них цвет вообще не имеет значения. Для них ты никто. Шлак. Как и оба наших мира. Закон капитализма — прибыль. Это всё, что их интересует.

— А крепость вокруг Загона от кого защищает? От нашествия мутантов? Или шлак сторожит, чтоб не убежали? Но тогда пулемёты внутрь разворачивать надо.

— Никто из Загона в здравом уме не побежит. Ещё не факт, что тебя отправят в яму, а вот стать мутантом за пределами Загона или их добычей дураков нет. Ты иногда новости в планшете открывай, там об этом много пишут. И видеороликов хватает. Крепость защищает не от тех, кто внутри, а от тех, кто снаружи.

— А за пределами Загона есть ещё что-то?

Гук усмехнулся.

— Есть ли жизнь за МКАДом, нет ли жизни за МКАДом... Что ты видишь вокруг?

Состав только что проехал мимо платформы. Заходящее солнце подкрасило крыши домов красным.

— Брошенный город.

— Это Развал, — Гук ностальгирующее вздохнул. — Большой город. Раньше он назывался по-другому. Когда крапивница докатилась до этих мест, часть населения успела укрыться в угольных шахтах и основала Загон, другие разбежались по округе. Мы называем их дикарями, они нас — загонщиками. Отношения напряжённые, но всё же до войны не доходит, так, мелкие стычки. Контора пытается подмять их под себя, навязывает свои правила, позволила создать Петлюровку. Заигрывает, одним словом. Кто-то принимает их игру, кто-то нет. Но при всей своей любви к свободе, они всё равно зависят от нас. Кроме

Загона существуют другие станочные поселения. Двести восемьдесят километров к юго-западу находится Прихожая. Такая же хрень, как у нас, только название другое. На западе — Водораздел. Есть ещё несколько крупных поселений на востоке. Все они наши конкуренты по добыче нанограндов, и у каждого имеется свой станок. С восточными соседями отношения напряжённые, но чаще сотрудничаем, а вот с Прихожей и Водоразделом идёт вяло текущая война. Они выносят свои внешние посты к Полыннику, это пригород Развала, и пытаются взять его под свой контроль. Время от времени проверяют нас на прочность, нападают на артели, на внешние посты. В прошлом году подогнали бронеплощадку и обстреляли крепость.

— А мы?

— А у нас оборонительная концепция. Да и не сами они нападают. Набирают наёмников на Земле, обещают золотые горы, а о том, что движение одностороннее, не говорят. Те подписывают контракт, а уж здесь деваться некуда, проживание надо отрабатывать... Чё-то ты слишком бледный.

— Взбледнулось.

— И лицо потное. Жара-то спала. — Гук придвинулся ближе и спросил настороженно. — Озноб не бьёт?

— Немножко.

К горлу подкатил кашель, я прикрыл рот рукой, прокашлялся.

— Комара проглотил, — попытался отшутиться.

Гук смотрел не мигая.

— Респиратор снимал?

— Нет.

— Нет?

— Правда не снимал. Это всё из-за рёбер. Болит жутко. И пульсируют. Достало уже. Мне отдых нужен, пару дней. Подождать, пока рёбра срастутся. Ровшан обещал...

— Про Ровшана забудь... Ты проверял его? — Гук завис надо мной. Лицо стало злым, как будто я украл что-то.

— Кого?

— Респиратор! Где он?

Я протянул маску. Гук осмотрел её, проверил на свет и вдруг ткнул пальцем, пронзая насквозь.

Остаток пути ехали молча. Гук ничего не сказал, но и без слов было понятно, что я надыхался пылью.

Как быстро всё началось, и как быстро закончилось. Данара, я подвёл тебя, прости. Кира, солнышко... Я уничтожил себя сам, а заодно и семью. Надо было сидеть на шконке тихо, а не ползать по Загону. Шлак! Глупый, тупой!

Я посмотрел на проплывающие в дверном проёме бараки. Выпрыгнуть? Скорость небольшая, охрана следом не полезет, побоятся. Забьюсь в подвал, не сожрут пёсотвари, сам стану тварью. Рожа в гнойниках, длинный язык. Буду гонять сборщиков крапивницы. Кто-нибудь пристрелит, выкачают кровь. Шикарная перспектива.

На подъезде к крепости поезд застопорился. Состав медленно въехал под своды тоннеля. Прыгать поздно. Да и какая разница, где подыхать.

На платформе стоял Сурок. Когда мы вышли из вагона, он спросил:

— Все целы?

Я покосился на Гука. Долговязый может сдать меня и поднять статус. Я не обижусь, конец всё равно один, а он хоть немного приподнимется. Коричневая майка не вот какой большой плюс, но с чего-то начинать надо.

— Все, — ответил весёлый. — Подстрелили одного язычника, взяли семнадцать карат.

Он встряхнул колбой с нанограндами.

— Нормально, — Сурок махнул рукой. — Отправляй в Контору. А шлак по блокам.

На планшет пришло сообщение.

Поступило: 24 стата

На счету: 0

Долг: 26 статов

Доступный кредит: 24 стата

Внимание! У вас осталось пять дней, чтобы погасить долг.

Ага, скоро погашу. Кровью.

Гук ушёл вперёд. После проходной я догнал его, пошёл рядом. Когда мы свернули к жилым блокам, он повернулся ко мне.

— Я не смогу тебе помочь. Тебе никто не поможет. Даже наногранды.

— Я не прошу помощи... Странно ощущать себя живым покойником. Каково это — быть мутантом?

— Не был, не знаю.

— А сам процесс трансформации видел?

— В чате иногда ролики выкладывают, но Контора их быстро удаляет. Неприятное зрелище и мучительное. По времени длится от двух до трёх недель, кто в итоге получится: лизун, язычник — предсказать невозможно. На каком этапе меняется сознание и вообще меняется ли, тоже не понятно. На ферме есть научный отдел, они бьются над этими загадками, но как далеко зашли, неизвестно. Отчётов никто не выкладывает, — он сардонически усмехнулся. — А мутанты сами ничего не говорят.

— А может я простыл? Поэтому озноб.

— Может и простыл, — согласился Гук, хотя уверенности в голосе не было. — Два-три дня. Если кожа начнёт менять цвет, значит, не простыл.

Больше он ничего не стал говорить и прибавил шаг. Я отстал. Доплёлся кое-как до блока, упал на шконку и закрыл глаза. Обманывать себя тем, что и в самом деле простыл, смысла не было. Да и где тут простынешь? Температура комнатная, не холодно, не жарко. На улице лето. Хорошо бы приснилась Данара...

Жёсткая ладонь накрыла рот. Кто-то сел на ноги, руки придавили к нарам. В глаза ударил яркий свет фонарика. Я замычал, дёрнулся, но держали крепко. Обшарили карманы, вынули планшет. Незнакомый голос произнёс:

— Он. Забираем.

Двое подняли меня, усадили на шконку. Запястья сдавили наручники. Третий предупредил:

— Будешь орать, пришибу.

Голос всё тот же. Я кивнул: не буду орать. Да и что толку? В блоке разного рода воплей круглосуточно — не переслушаешь. На них никто внимания не обращает.

— Двигай.

— Куда?

— Прямо по проходу.

Фонарик погас, я увидел мужчину в камуфляже, из-под которого выглядывал краешек зелёной майки. Голова выбрита до блеска, тонкие седые усики.

— Никуда он не пойдёт.

Бритый повернулся на голос. К нам подходили люди, в руках бейсбольные биты. Впереди коренастый мужик, похожий на борца. Смятые в лепёшку нос, уши. Он щерился и по-бычьему нагибал голову.

Бритый развернулся к нему всем телом.

— Нюхача перебрал, Ковролин? Или не узнал меня?

Так вот он каков: Ковролин, местный глагол, любитель мальчиков, вечный недруг Костыля, от которого я схлопотал за излишнюю самоуверенность. Он единственный был без биты, но пальцы держал сложенными лодочкой. Не удивлюсь, если там вдруг обнаружится что-то вроде заточки.

— Узнал. И что?

Смелый, однако. Ни грамма не пасует перед зелёной майкой.

— Тогда должен понимать, что я не на танцы пришёл. Ты видимо забыл, я — фермер, а это — мой донор.

Он похлопал меня по плечу.

Вот в чём дело. Этот человек пришёл забрать меня на ферму. Гук всё-таки доложил в Контору. Правильно. Я всё равно конченный. Глупо отказываться от возможности повысить статус.

— Ты меня за недоумка не держи, Матрос, — сквозь зубы процедил Ковролин. — Я знаю, кто ты есть и чем занимаешься. Но у Ровшана на этот шлак свои планы. Не трогай его.

— А если трону?

— Ровшан будет недоволен. Это его земля, он здесь командует.

— Контора здесь командует!

— Ты не Контора. Ты сейчас под Дряхлого пляшешь. Чтобы взять донора, надо запрос старосте блока сделать, а с фермы сегодня запросов не было. Так что ты здесь по своей инициативе, и я имею полное право тебе кости переломать.

Бойцы за его спиной напряглись. Если они ринутся в атаку, от Матроса и его подручных останется шевелящаяся куча мяса, и тогда они сами донорами станут.

Матрос выхватил пистолет. В моделях я разбираюсь плохо, но что-то из современного, во всяком случае, не Макаров, и уж точно покруче палок. Бойцы попятились, Ковролин оскалился.

— Не шали, Матрос, волына тебя не спасёт. А за выстрелы в жилом блоке Контора с тебя по полной спросит.

Занавески на соседних нарах начали сдвигаться. Привлечённые разборкой люди выглядывали в проход, в руках замелькали планшеты. Кто-то проговорил недовольно: да угомонитесь уже, ночь на дворе! На него зашикали. Всем было интересно, чем дело кончится, и никто не подумал, что начини Матрос стрелять, пули могут полететь в них.

Бритый передёрнул затвор.

— Придётся, не придётся, какая разница? — он вдруг развернул пистолет рукоятью вперёд и протянул его глаголу. — Хочешь, тебе отдам? На!

Ковролин замешкался на секунду, потянул руку к пистолету, но тут же одёрнул и скривился в наигранной ухмылке:

— Я не дурак. Возьму, а ты в Контору стукнешь. А мне пушка в блоке по учётной категории не положена. За неё я сам донором стану.

— Не того боишься. — Матрос щёлкнул предохранителем и убрал пистолет в кобуру. — Вы, ребята, не на ту высоту планку подняли. Ровшан решил Дряхлого через этот шлак слить, — он развернулся и всадил мне кулак в рёбра.

В голове помутилось от боли. Я попытался вдохнуть, но воздух застрял где-то в гортани. Застонать тоже не получилось, только сопли из носа закапали. Или кровь. Да, кровь. Об пол разбилась полновесная капля и расплзлась бурой кляксой.

— Ровшан решил, что Дряхлый раскис, проморгал брак при осмотре. Но это ложь, в тот момент он был здоров. Рёбра ему потом сломали, за хамство. Они подтвердят, — Матрос кивнул на высунувшиеся из-за занавесок рожи, и снова всадил мне по рёбрам.

Я скрючился, упал на колени и попытался укусить воздух, чтоб хоть немножко вобрать его в себя. Матрос сгрёб мои волосы в горсть, вздёрнул голову и проговорил медленно:

— А если у кого ума хватит видео снять и в Контору отправить, так в яме свободных мест много. Каждому хватит.

Огоньки камер погасли.

Продышавшись кое-как, я попытался выпрямиться, но к горлу подкатила тошнота, изо рта струйкой потекла желчь. Силы ушли, и стало похер: яма так яма, главное, быстрее. Избавится от этой боли...

Матрос махнул помощникам, те поволокли меня к выходу. Ни Ковролин, ни кто-то другой не попытались их остановить.

Кончился Женя Донкин.

В коридоре было пусто. Матрос повернул к Радию. Сначала я как-то двигал ногами, потом перестал. Помощники Матроса пытались подгонять меня, один даже решил развести на слабо, но облегчать им жизнь я не мог, да и не собирался. Отхерачили, теперь пускай таскают.

В Радию тоже было пусто, шаги и моё пыхтение эхом отражались от потолка. Возле заслона стоял Сурок. Он узнал меня, причмокнул сочувственно, или показалось, что причмокнул, но по-любому радость во взгляде отсутствовала. За два дня жизни в Загоне я

успел узнать, что фермеров здесь не любят. Когда меня подтащили, синий заглянул в амбразуру и жестом велел охраннику открыть ворота.

Клацнул металлом накидной засов, и охранник сдвинул ворота ровно настолько, чтобы один человек мог протиснуться боком.

— Шире открой! — зашумел на него Матрос.

— Не положено, — прозвучал спокойный ответ.

Спорить Матрос не стал, видимо, наличие зелёного статуса не позволяло командовать охраной заслона. Матерясь, фермеры протолкнули меня в щель и поволокли дальше. Я чувствовал, что уже могу идти сам, но помогать им по-прежнему не хотел.

Над четвёртым выходом горела дежурная лампочка — тусклый огонёк в царстве ночи. Мы шли на неё как корабль на маяк. Странно, что Контора экономит на электричестве, могли бы включить ещё пару ламп; затраты для Загона мизерные, зато лбами стукаться не придётся. Я посмотрел влево, в глубине угадывались очертания контейнера, доставившего меня в этот мир. Несколько часов назад я мечтал попасть под своды четвёртого выхода, и вот мечта сбылась. Я здесь. Только мне почему-то этого уже не нужно. Как интересно устроена жизнь.

Выход вывел нас на широкую площадку, обнесённую бетонным забором. По углам стояли фонари, разгоняя ночную тьму. В их свете были видны ящики, связки толстой арматуры. Справа ворота, возле них выстроенные в ряд грузовые электроплатформы — невысокие транспортные средства похожие на телеги с низкими бортами. С другой стороны трансформаторная будка, над ней провода, уходящие к терриконам. Слева коробка цеха, похожего на Радий, за ним кирпичная труба высотой с десятиэтажный дом. У ворот и у входа в цех дежурила фермерская охрана. В отличие от внешней и внутренней охраны эти были экипированы лучше: калаша, каски, бронежилеты. Из карманов разгрузки выглядывали запасные магазины, с боку подсумок с гранатами. Не иначе на войну ребята собрались.

Внутри цеха стоял бронетранспортёр, развернув башню к дальней стене. В стороне, куда был направлен пулемёт, я увидел широкий проход ещё одной старой выработки, к ней меня и потащили. Штольня тянулась с заметным уклоном вниз. Пахло крапивницей. Отныне этот запах я запомню навсегда, вот только недолго помнить осталось.

Через сотню метров пол выровнялся. В стенах появились забранные решёткой камеры, к запаху крапивницы примешался тяжелый дух испражнений. В некоторых камерах сидели люди, в других что-то отдалённо их напоминающее. Одни ходили от стены к стене, иные кидались на решётки, рычали. Кто-то просил помочь.

Смотреть на эти метаморфозы было и противно, и страшно. Человеческие глаза и расползающиеся по голым телам пятна чешуйчатой кожи, гнойные волдыри, стоны, плач, злобные хрипы. По спине нескончаемо катились мурашки. Матрос с подручными на формирующихся мутантов не реагировали, привыкли. Иногда шутили. Шутки звучали кощунственно. За такое неплохо бы настучать по харе, а лучше выхватить у Матроса пистолет, загнать всю троицу в клетку и послушать, на какие темы они будут шутить там.

Штольня вывела к внутренней пещере, другое слово подобрать было сложно. Объёмная, округлой формы, неровный потолок. Это не могло быть творением рук человеческих, но только природы. Вокруг по стене тянулась открытая искусственная галерея, соединяя этот выход с несколькими другими, а внизу... Я понял, почему ферму чаще всего называли Смертной ямой.

Пол пещеры опускался на глубину примерно десяти-двенадцати метров, и там

шевелились десятки тварей. Чёрные, багровые, бледные, с матово-блестящей кожей. Под потолком работала вытяжка, но вонь, исходившая снизу, всё равно одуряющее била по мозгам. Я как будто получил кувалдой по голове, отпрянул, зажал нос, а Матрос хлопнул меня ладонью по спине:

— Привыкай к новому дому.

Из ближнего коридора вышел мужчина в рабочем халате и направился к нам.

— Куда его? — спросил Матрос. — Сразу на обработку?

— В общую камеру. Дряхлый хочет осмотреть его утром.

Мы сделали полукруг по галерее и остановились перед очередной решёткой. Матрос навёл планшет, щёлкнул замок, решётка открылась. Подручные втолкнули меня внутрь.

Я наступил на чью-то руку, сонный голос прошипел:

— Шлак! Какого хера? Смотри, куда ступаешь.

Я прошёл дальше. На полу лежали люди: мужчины и женщины вперемешку. Под потолком светился плафон, тела под его светом выглядели искусственными. Несколько человек шептались, сбившись в кучку, кто-то спал. Тот, на кого я наступил, обиженно сопел и пытался снова уснуть.

Я нашёл местечко, присел. Боль в рёбрах унялась, напоминая о себе лишь редкими толчками. В голову закралась мысль: все мы здесь обречённые. Приговорены Конторой к трансформации в мутанты. Можно ли считать это смертью? Или убийством? Или перевоплощением? Некоторые из тех, кто находился сейчас в камере, так или иначе умрут. Сегодня, завтра — неважно. Многие выглядели измождёнными, больными. Их бы подкормить, дать лекарства. Но Конторе выгоднее превращать людей в тварей и качать из них кровь, добывая наногранды, для чего и придумана система сотрудничества.

Со стороны это может казаться вполне логичным. Обессиливший человек неспособен приносить обществу пользу, и появлялся смысл пожертвовать таким человеком ради определённой цели. Выкачанные из тварей наногранды пойдут в обмен на продовольствие, оружие, что поможет выживать и защищаться остальным. Но всё это выглядело уместным лишь до тех пор, пока ты не оказывался по другую сторону решётки. Из камеры обречённых польза для общества видится в другом свете — в свете этого грязного плафона, который способен показать лишь искажённые страхом лица.

Я прижался к чьему-то боку, закрыл глаза. Страх во мне не было. Наверное, я единственный в этой камере, кто не боялся завтрашнего дня. Всех этих людей ещё можно вернуть к жизни, а у меня процесс обращения уже пошёл. Я не боюсь и даже как будто жду, когда появятся первые признаки. Вот удивятся фермеры, когда увидят их...

На ногу наступили, толкнули в плечо. От решётки прозвучало протяжно:

— Завтрак. Подходим по одному.

Народ потянулся на голос. Как быстро закончилась ночь. Несколько минут я сидел на полу, вытряхивая из себя остатки сна, потом поднялся и встал в общую очередь. Есть хотелось жутко, надеюсь, обречённых на трансформацию кормят хорошо. Кусок жареного мяса поднял бы мне настроение.

Сквозь решётку просунули лист крапивницы. Здесь даже кашу из них варить не утруждались, давали сырыми. Ели их, запрокидывая голову, чтобы не испачкаться сочащимся соком. Вкус горьковатый, но освежающий и достаточно сытный. Съев лист, я почувствовал, что если не наелся, то хотя бы притупил чувство голода.

Через час хлопнула решётка, в камеру вошёл Матрос.

— Кого назову, выходим.

Он прочитал с планшета пять имён, моего среди них не было. Через час вывели ещё пятерых.

— Повезло, — перекрестился мужичок, которому я наступил на руку.

— В чём повезло? В том, что раньше нас тварями станут?

— Дурной что ли? Эти на принудиловку пошли. Недельку поработают и назад отправят.

А нас с тобой...

Договаривать он не стал, и без того понятно, что подразумевалось в окончании.

— Что значит принудиловка? — толкнул я соседа.

— Штрафное сотрудничество. Дерьмо всякое убирать, кровь из тварей выкачивать.

— Откуда знаешь?

— От верблюда. На трансформацию по одному уводят.

На обед досталось по два листа, потому что камера опустела наполовину. Про меня как будто забыли. Я обошёл камеру, прижался к решётке. По коридору проходили сотрудники, некоторые в рабочих халатах, другие, как Матрос, в камуфляжах. Из ямы доносился рёв. К запаху я кое-как адаптировался, во всяком случае, уже не морщился, а вот рёв заставлял вздрагивать. Он был вызван яростью. Ни грамма страха или боли, сплошная ненависть. Один раз в движениях сотрудников появилась суета. Зазвучали крики, поднялась беготня. Раздался хлопок, за ним второй, потом через промежуток целая серия — и всё прекратилось.

— Отмучился, — в очередной раз перекрестился мужичок.

— В каком смысле? — обернулся я.

Мужичок сидел, прислонившись к стене и поджав под себя ноги. Худой, невысокий, но крепкий. Таких обычно сравнивают со стальной проволокой. Вроде бы не из толстых, а хрен согнёшь. Седая щетина и глубокие морщины сильно старили его, но каких-то физических недостатков я не заметил. Маркировки на рубахе не было, да и рубаха была не клетчатая, а с продольными выцветшими на солнце полосами.

— В каком смысле можно отмучиться? — вопросом на вопрос ответил он. — Хлопки слышал? Дробовик.

Говоря, мужичок причмокивал и сильно окал. Я подошёл к нему.

— Присяду?

— Да как пожелаешь. Место не куплено.

— Меня Дон зовут. А тебя?

Мужичок хмыкнул.

— Чего тебе до моего имени? Рассуют нас с тобой по отдельным камерам, как по отдельным квартирам, и в тварей обратят. А тварям имена ни к чему. Хех... Ладно, знающий народ меня Коптичем кличет.

Коптич — копчёный или закопченный. Лицо у него и вправду слегка подгоревшее, как будто блин жарили да перевернуть забыли. На лбу и щеках пигментные пятна. Такие лица запоминаются раз и навсегда.

— Рубаха на тебе странная.

— С чего вдруг странная? Хорошая рубаха. Это у загонщиков всё разноцветное. Чем цветастее, тем лучше. А нам чтоб крепкое, да чтоб не жало нигде.

— Кому вам?

— Дикий это, — прозвучало от противоположной стены. — Не видишь что ли?

Дикий? Гук говорил что-то о них. Потомки жителей Развала, не захотевших идти в Загон. Он-то как здесь оказался?

— Не знал, что дикарей тоже на ферму отправляют.

— А чего бы ни отправить хорошего человека? — прищурился Коптич. — Из нас твари не хуже вашего нарождаются. Кровь у всех красная, а нанограндики такие же серебряные.

— Ты так говоришь, будто не боишься.

— Не боюсь, — подтвердил Коптич. — И ты не боишься.

Резким движением он схватил меня за запястье и сжал. На миг лицо его окаменело, а зрачки стали вертикальными. Вглядеться и удостовериться в этом я не успел, Коптич отпустил меня и вернулся к образу мужичка с глубокими морщинами. Только на запястье остались обескровленные отпечатки его пальцев.

Щёлкнул замок. Я обернулся. В упор на меня смотрел Матрос.

— Вставай. Твоя очередь.

Моя, значит, моя. Встал, сделал общий жест прощания.

— Удачи всем. Рад был познакомиться.

Никто не ответил. Да я и не ждал ответа.

Меня провели в соседний коридор. В начале находился пост охраны. Двое с калашами сидели за кирпичным бруствером, и сверлили каждого взглядом. Дальше тянулись одиночные камеры. Некоторые были пустые, возможно, в одну из таких скоро поселят меня.

За камерами коридор плавно переходил в просторное светлое помещение. Несколько рядов лабораторных столов протянулись по всей длине. Компьютеры, колбы, спиртовки, микроскопы. Оборудование не самое современное, но однозначно доставленное через станок. Люди в белых халатах, никаких тебе цветовых различий. Положенцы. На меня внимания не обращали. Для них я всего лишь очередной шлак. Подопытная мышь.

В конце за стеклянной перегородкой сидел Дряхлый, читал журнал, помешивал градусником чай в чашке. С краю перегородки висела позолоченная табличка: «Руководитель научного отдела доктор медицинских наук Дряхлов С.И.»

Матрос постучал по стеклу.

— Семён Игоревич, привели.

Дряхлый отложил журнал. Я обратил внимание, название было на английском.

— Заводи.

Матрос втолкнул меня в кабинет, велел раздеваться. Я снял рубаху. Дряхлый склонился над моими рёбрами, осмотрел рану, надавил и спросил, как при первом осмотре:

— Больно? А здесь? Сильно болит?

— Нормально.

Мне действительно было нормально. Боли не чувствовал, опухоль спала, осталось несколько синяков и царапин. Хотя ещё ночью я загибался и едва ходил.

Дряхлый вернулся к столу, сел и целую минуту выбивал пальцами по столешнице марш строителей коммунизма. Потом взмахнул рукой.

— Ну, и за что тут Ровшан модератору предьяву кинул? Рёбра целы, повреждения незначительны. Обычный ушиб. Получается, зря человека забраковали и в доноры перевели. Угробили трудоспособную единицу.

— А в чём проблема? — хмыкнул Матрос. — Хотите я ему ноги переломаяю? Мне не трудно.

— Я понимаю, что тебе не трудно. Только смысл калечить донора, если его так и так на трансформацию укладывать? Да и с Ровшаном вопрос остаётся открытым. Он меня подставил. Ответ должен быть обязательно, иначе со всех сторон наезжать начнут.

— Тогда ещё проще, Семён Игоревич. Завтра шоу. У Мозгоклюя как обычно недобор. Вечером придёт людей просить. Выставим этого в числе кандидатов. Он здоровый, вон какие щёки. Мозгоклюй мимо него не проскочит.

Они говорили так, будто меня не было. Какое-то шоу, Мозгоклюй. Но из разговора чётко улавливалась ситуация: Ровшан за счёт моих сломанных рёбер хотел получить плюстик, и стукнул Конторе на Дряхлого, дескать, тот недоглядел и пропустил брак в блок. Кто-то из модераторов придержал сообщение и скинул его Дряхлому. Меня перевели из трудовых единиц в доноры, пришёл Матрос, инсценировал потасовку и доставил на ферму. Однако на месте выяснилось, что рёбра мои целы, и пострадал я ни за что. Вот ведь смех. Если бы оставили всё как есть или другой модератор на компе сидел, пришли бы проверяющие от Конторы, выяснили, что Ровшан поторопился с обвинениями, и тогда ему прилетело бы по

самые гланды. Но доктор перестраховался. В итоге все, кроме меня, остались при своих.

Меня однозначно спишут в утиль. Я никто. Шлак. Заморачиваться и переводить донора обратно в трудовую единицу никто не станет. Ни к чему эта путаница. Проще создать монстра и качать из него кровь. Тем более что я так и так монстр, только заметно это станет не раньше завтрашнего дня.

И ещё этот Мозгоклюй. Я уже слышал про него мельком, только не понял, что он за зверь такой. Вроде создатель какого-то шоу.

— Отведи донора назад, — Дряхлый указал на дверь. — Я подумаю, что можно сделать.

В камере вновь увидеть меня не надеялись. Коптич аж присвистнул:

— Да ты в рубашке родился!

— В клетчатой, — согласился я, присаживаясь возле него. — Коптич, ты слышал что-нибудь про Мозгоклюя?

— Шоу? — оживился дикарь. — Обожаю! Его в каждом поселении показывают. Я ни одного выпуска не пропустил. Можно делать ставки на победителя или хотя бы на этап.

— А в чём суть?

— Отбирают пятьдесят человек среди добровольцев, отвозят на северную окраину Развала, и за три дня они должны добраться до главных ворот Загона. Кто доберётся, получит много вкусного.

— А в чём подвох?

— На пути их ждут твари, ловушки, охотники. Редко, кто доходит до финиша.

— Насколько редко?

— Если кто-то один победит, это уже много. Тварей в городе хватает, и от свежего мяса они никогда не отказываются, тем более, если это мясо разгуливает в одиночку и без оружия. У охотников другой резон: за каждого зайца выплачивается премия.

— Зайца?

— Так называют участников шоу: шустрые зайцы. Чтобы победить, им надо шустрить и хорошо бегать.

— Дикари тоже могут участвовать?

— Конечно. Участвовать может кто угодно. А с чего ты вдруг заинтересовался?

— У Мозгоклюя недобор. Вечером придёт сюда добровольцев искать.

Коптич потёр подбородок.

— Точно знаешь?

— Я не просто так на прогулку ходил. Слышал кое-какие разговоры.

— Ну, здесь от добровольцев отбою не будет. Я бы и сам поучаствовал. Лучше попытаться и проиграть, чем вообще не пытаться. Не очень-то хочется превращаться в монстра.

Я бы тоже попытался. Путёвку в обратную сторону мне не получить, но и перспектива подыхать в образе монстра от кровопотери не радовала. Уж лучше погибнуть в борьбе, чем в яме. Только возьмут ли? Какие у этого шоумена критерии отбора?

— На шустрых мы не очень похожи. Как бы ни получилось так, что придёт, посмотрит и уйдёт.

— Не уйдёт. Мясо ему тоже необходимо. Для зрелищности. Ты вон какой упитанный, тебя точно возьмут. А я хоть и маленький, но проворный. Не заметит, в присядку перед ним спляшу. Так что не ссы, подохнем как мужики.

До ужина привели одиннадцать новых доноров. Троих приволокли как меня вчера и

швырнули на пол, остальные дотопали сами. В камере снова стало тесно. Коптич дремал, свернувшись калачиком. Спал он много, совсем не ценил оставшиеся до обработки часы жизни. Мне было не до сна. Прислушивался к разговорам соседей. Почти все они сводились к жалобам и истеричной ругани. Вычленить что-то познавательное было сложно, но иногда получалось. Краем уха я уловил, что в третьем блоке серьёзные разборки между Ковролином и Ровшаном. Ковролин пытался занять место старосты блока. Те трое, которых приволокла охрана, глаголы, у всех ножевые ранения, пострадали в драке с конторскими.

Информация интересная, видимо, Дряхлый сделал ответный ход, подговорил Ковролина пойти против Ровшана. Интрига, однако. Только мне это уже не поможет.

Решётка в очередной раз запахнулась и в камеру гурьбой ввалилась охрана.

— Встать! Встать! К стене!

Я вскочил, успел подхватить разоспавшегося Коптича. Тех, кто резвости не проявил, поднимали пинками. Лежачих бесцеремонно отволокли в дальний угол и побросали как брёвна друг на друга.

Вошёл мужчина в светлом костюме-тройке. На шею галстук, на обшлагах запонки, волосы зачёсаны на бок, прикрывая намечающуюся лысину. Глаза умные, вдумчивые, на щеках ямочки. Человек, привыкший улыбаться.

Коптич шепнул:

— Мозгоклюй.

За ним вошла ассистентка: полная дама в тяжёлом платье ниже колен, высоким воротником и старомодной сеткой прикрывающей волосы. Она держала у носа платок, морщилась и всячески демонстрировала свою брезгливость. За ней стоял Матрос, правая ладонь на рукояти пистолета.

Мозгоклюй сделал шаг вперёд, замер и несколько минут разглядывал нас. Увиденное ему не нравилось.

— Мне не хватает участников для завтрашнего шоу, — наконец заговорил он. Голос был мягкий, протяжный, идущий из глубины. Хорошо поставленный голос конферансье. — Это должны быть крепкие люди, способные побеждать. Кто боится и не способен вырвать удачу из лап дьявола, прошу, отойдите налево, остальные пусть встанут справа.

Левая сторона как один шагнула к нам. Пришлось вставать в два ряда. Мозгоклюй медленно двинулся вдоль строя и сразу указал на первых троих. Мы с Коптичем стояли почти в самом конце очереди, если и дальше так продолжиться, то в шоу нам не попасть.

Ассистентка семенила за шоуменом, не забывая придерживать платок у носа. Она бы и рада была сбежать, но Мозгоклюй периодически говорил, указывая на следующего кандидата:

— Элизабет, обратите внимание...

На что именно надо обращать внимание, не говорилось, но ассистентка послушно кивала, понимая босса с полуслова. На меня шоумен не посмотрел, а за Коптича зацепился взглядом.

— Этого тоже. Элизабет, здесь нужно что-нибудь не броское...

И пошёл дальше. Матрос ухватил меня за рубаху и вытянул верёд.

— Посмотрите, вот тоже неплохой экземпляр. Живучий, как кошка. Вчера еле ходил, а сегодня уже бегаёт. Завтра летать начнёт.

Мозгоклюй остановился. По лбу протянулись морщины, вмешательство в отбор начальника охраны он посчитал неуместным, но всё равно оглядел меня ещё раз.

— Слишком крупный, удобная цель для снайпера. Таких уже полный набор, — он бросил взгляд в конец строя, примеряясь к оставшимся. — Впрочем... какая разница. Берём. И хватит, пожалуй.

Он направился к выходу, в спину ему посыпались мольбы.

— Меня возьмите! Возьмите меня! Я сильный!

Их не слушали. Всех, кого отобрал Мозгокля, вывели из камеры. Хлопнула решётка, нас выстроили колонной и погнали сначала галереей, потом по коридору. Запах ямы отступал, дышать становилось легче. Возле ворот цеха остановились. Матрос подошёл к бронетранспортёру. Из люка показалась голова наводчика. Они переговорили, и только после этого Матрос махнул: идём. Выйти из фермы оказалось труднее, чем войти.

На рабочей площадке сустились фермеры в длинных чёрных халатах. Среди них были те, кого вывели сегодня утром из камеры. Возле штабеля с арматурой сверкала сварка. Я отвернулся, чтобы не наловить зайчиков[1], и усмехнулся: да я уже сам заяц.

Подъехал электромобиль с открытым верхом, формами похожий на Бьюик Центурион, с ржавыми пятнами на дверях и капоте. Мозгокля и Элизабет сели на заднее сиденье, водитель вывернул руль и покатыл к воротам. Нас погнали следом. За воротами пошли вдоль путей мимо гружёного углём состава. На соседних путях стояли такие же. Ветер гонял между ними чёрную пыль, скручивал в тонкие нити и швырял за терриконы.

По левую сторону от платформы стоял состав из двух вагонов: пассажирского и теплушки. Нас загнали в теплушку, задвинули дверь. Послышался недовольный голос ассистентки Мозгокля:

— Когда же отправление?

Ответил Сурок.

— К пустырю подходит встречный со сборщиками. Ждите.

Значит, время к шести часам. Я потянулся к окошечку. Оно было под самым потолком, мне пришлось вставать на носочки, и даже тогда удалось увидеть только крышу Радия, кирпичную трубу на горизонте и крохотный кусочек неба.

Дверь приоткрылась, и на пол бросили несколько бутылок с водой. Коптич схватил одну, отвинтил крышку.

— Тёплая... Будешь? — протянул он бутылку мне.

Застучали колёса, скрипнули тормоза. С правой стороны к платформе подъезжал поезд. Снова послышался голос Сурка:

— Все целы?

Похоже, он так каждый поезд встречает. Я приготовился услышать ответ весёлого, но тот молчал, и Сурок снова спросил, только уже не так громко:

— Сколько?

— Четверых.

— Вот... — Сурок смачно выругался.

Сегодня вернулись с потерями. Гук с ними? Вчера он неплохо заработал, мог и не поехать. Не хотелось бы, чтобы с ним что-то случилось.

Засвистел паровоз — это уже наш — и вагон дёрнулся. Небо в окошке сдвинулось и медленно поползло назад. В теплушке не было предусмотрено ни нар, ни хотя бы лавок, поэтому я лёг прямо на пол и заложил руки за голову. Тело покачивалось в такт рывкам, и это вызывало умиротворение. Впервые с тех пор, как я увидел перед собой рожу Музыканта и осознал потерю семьи, в душе возникло умиротворение.

Коптич сидел рядом, прислонившись спиной к дощатой стенке. На окно напоздла тень тоннеля. На несколько секунд стало темно, а потом на полу снова затрясся скошенный прямоугольник солнечного света.

— Долго ехать? — спросил я.

— А кто его знает? — буркнул дикарь. — Я как-то не очень привык в поездах кататься, всё больше пешком. Но вообще Развал большой город. Я однажды карту видел. Он тянется с юга на север. На юге Загон, на западе за полем крапивницы Полынник. Но туда нас не повезут. Шоу начинается на северной окраине. Старт в десять часов утра, и до десяти утра следующего дня надо добраться до первой контрольной точки. Но чем быстрее ты доберёшься, тем больше будет времени на отдых. Потом второй этап и третий.

— А если не доберусь до точки вовремя?

— На ногу зайцам крепят маячок с сорока граммами тротила и включают счётчик. Щёлкает он ровно двадцать четыре часа. Чтобы снять его, надо знать код, по-другому не получится. На контрольной точке счётчик обнуляют и устанавливают новый срок. Если успеешь дойти или надумаешь сбежать, случится маленький взрыв. Убить он тебя не убьёт, но без ступни останешься. Зрители очень любят, когда происходит отрыв ноги в прямом эфире. Кровища, вопли. Рейтинги зашкаливают. А потом ждут, когда на этого сапёра выходят твари и тоже в прямом эфире начинают поедать. Вокруг коптеры летают, снимают всё в мельчайших подробностях, — Коптич приложился к бутылке, обтёр губы. — Мозгоклюю свою работу хорошо делает, поэтому и живёт в особой зоне, а не в жилом блоке.

— Ты откуда такие подробности про Мозгоклюю знаешь? Ты же не загонщик, ты дикарь, — спросил рыжеволосый парень.

— Новости смотрю по видеочату. Мы может для вас и дикари, хотя я бы поспорил ху из ху, да только новости и у нас показывают. Мозгоклюю ваш лет пять назад был обычным шлаком, какой-то режиссер провинциального театра. Помыкался он с вашим гнилым сотрудничеством годик, да и отправил Конторе деловое предложение о развитии телевидения в конкретном регионе. Теперь Контора права на показы его шоу продаёт. И все покупают. Мозгоклюю извилинами шевелить умеет, нашёл, чем души человеческие расковырять.

— Ты фанат его что ли? Я вот таких подробностей не знал.

— Ага, фанатею так, что даже в Смертную яму попросился, чтобы в шоу поучаствовать.

— Не в десять, а в девять, — проговорили из другого угла.

Я присмотрелся. Мужчина лет сорока в серой рубашке и джинсах. Явно не из наших. И не дикарь, потому что на левом запястье был виден штрих-код.

— Ты о чём сейчас?

— Шоу начинают снимать в девять утра. Работают сразу три съёмочные группы, одна на старте, две на контрольных точках. В десять начало показа. Никто не будет давать такое в прямом эфире. Необходимо время, чтобы выбрать лучшие кадры и смонтировать.

— Ты режиссёр?

— Редактор. Два года работал в команде Мозгоклюя.

— Ого, вон как... А в яму за что попал?

Мужчина сдвинул брови.

— Лизке нагрубил. Противная она и наглая, как бульдог. Я её так и назвал — бульдожина. Разозлился, перенервничал. А она злопамятная и Мозгоклюем вертит, как флюгером. Это он с виду грозный, а на самом деле она его вот так за яйца держит, — он

продемонстрировал, как она это делает. — Вот он меня и спровадил в яму на радость ей. А сегодня специально выбрал, чтобы я шоу с изнанки увидел.

— Может оно и к лучшему. Вдруг победишь.

— Вдруг бывает знаешь что? — скривился редактор. — Лучше бы я месяц на принудилровке отсидел, а потом в жилой блок на сотрудничество ушёл. Год-два — и по новой поднялся. А теперь? Это всё, это приговор...

Он был готов заплакать, но сдержался.

— В шоу можно победить, только если на тебя готовы сделать ставку, — в голос вернулась сила. — Хорошую ставку! Фаворитов выбирают заранее, из числа наиболее перспективных добровольцев. Человек десять, не больше. Их две недели натаскивают инструктора из штурмовиков и старателей, учат, как тварей избегать, как от охотников прятаться. Только у них есть шанс хотя бы приблизиться к воротам. Ставки делаются не на победу, а на то, кто останется последним. А вот если зрителям этот последний понравится, то его могут дотащить до победы, — он махнул рукой. — А мы все однозначно смертники.

— Не торопись на кладбище, — не согласился Коптич. — Вы как хотите, а я помирать не собираюсь.

— Никого не волнует, что ты собираешься! — взвизгнул редактор. — Есть законы жанра, и по этим законам зрителя нужно держать в напряжении. В этом и есть наше предназначение. Иначе смотреть не станут. На первом этапе охотники сильно не усердствуют, валят только тех, на кого режиссер укажет, максимум пять-шесть трупов, да и то если слишком скучно, и никто из зайцев на тварь не нарвётся. На втором этапе действие начинает развиваться. Здесь последовательно кладут всех, кто не вошёл в круг фаворитов. Но пережить этап возможность есть, поэтому старайтесь избегать открытых мест, они наиболее удобны для передачи атмосферы убийства. Чем больше вокруг вас коптеров, тем выше шанс, что вашу искажённую страхом рожицу скоро покажут на экране Радия. Два коптера, это подготовка, а вот три уже сигнал — вас приговорили. В некоторых местах могут быть ловушки. Охотники загоняют в проулок, а там твари...

— Твари?

— Из ямы привозят багетов или язычников, держат в клетках, а в нужный момент выпускают. Убежать от них, кто в курсе, невозможно. Зайца догоняют, режиссёр позволяет его немного обглодать, а когда зрители насладятся агонией, камера отворачивается, рабочие команды забивают тварей, выкачивают кровь. Наногранды не должны пропасть. Тела потом увозят в яму на корм. Если б вы знали, сколько народу на шоу работает. Киногруппа, штурмовики, старатели. Ну а на третьем этапе начинается настоящая охота. И всё серьёзно. Передача реально идёт в прямом эфире. Многие положенцы первые два этапа не смотрят, не интересно смотреть на смерть, которая произошла час назад. А вот третий — уже настоящее. И ставки тут делают такие, что голова от цифр кружится.

Редактор замолчал, и никто не решился задать ему вопросы. Зря мы вообще его слушали. До этого момента ещё была надежда чего-то добиться, а теперь люди сидели задумчивые. Если в этом шоу действительно крутятся такие бабки, как сказал редактор, то у нас даже одного шанса выбраться живыми из этой передрыги нет.

Поезд двигался медленно. Я видел, как свет в окне меркнет, в теплушке становится темнее и прохладнее. Из угла донесся храп. У кого-то хватает нервов спать в такой ситуации.

Ко мне наклонился Коптич.

— Надо вместе держаться. Вдвоём точно выберемся. Ты как?

— Давай попробуем. Почему нет? Можно и редактора с собой взять. Он много знает.

— Не, он уже помер. Если его Мозгоклюй сюда определил, то он и первого этапа не осилит, а с ним и мы под откос пойдём. Не. А ты мужик твёрдый, хоть и замашки у тебя учительские.

Сквозь стук колёс вдруг раздался хриплый рёв. Резкий, гортанный, похожий на раздражённый медвежий. Никто не отреагировал, и только Коптич подскочил и прислушался.

— Слышал?

— Медведь вроде бы...

Даже в темноте я увидел, как судорожно бегают глаза дикаря, а губы складываются в сардоническую улыбку.

— Это ревун.

— Ревун, потому что ревёт, — констатировал я. — Исчерпывающее объяснение.

Коптич прижался ухом к стене теплушки, как будто так легче было расслышать рёв невидимой твари. Но хриплых звуков больше не повторилось.

— Ревун, это царь тварей. Всем тварям тварь, — он говорил с благоговением, почти шептал. — Если бы ты видел его. Красавец! Триста килограмм живого веса, два с половиной метра рост. Чёрный, как ночь, и лоснящийся. Клыки с палец, когти. Подвижный. Багет рядом с ним щенок. Убить сложно, восстановление почти мгновенное, потому что нанограндов в крови за полторы сотни карат. Представляешь?

Я не представлял. О полезных свойствах нанограндов я уже слышал, но как работает, например, регенерация не имел ни малейшего понятия.

— Ты такую уже убивал?

— Ревуна никто ещё не убивал.

— Тогда откуда знаешь, сколько в нём нанограндов?

Коптич не ответил. Поезд подъехал к платформе. В окне мелькнула вышка, в теплушку проник свет фонаря. Дверь отъехала, человек с карабином на плече громогласно объявил:

— Конечная. Выходим по одному.

Первым спрыгнул редактор, за ним рыжеволосый. Я высунул голову. Сразу за платформой тянулся забор из колючей проволоки, за ним трёхэтажное кирпичное здание. На фасаде вывеска крупными буквами: «Северный внешний пост». По периметру четыре вышки, между двумя дальними — деревянный барак. К нему мы и направились. Внутри стояли двухъярусные нары, как в жилом блоке, в конце за перегородкой сортир. Я надеялся, нас покормят, но всё тот же громогласный боец с карабином объявил, что до утра не будет ничего. Пришлось смириться.

[1] Если насмотреться на огонь электросварки, то возникает неприятное ощущение песка в глазах. На жаргоне строителей это называется «поймать зайчика»

Утром я первым делом осмотрел себя. Завершались вторые сутки, по словам Гука сегодня должны начаться метаморфозы. Сначала меняется цвет кожи.

Не поменялся. Тело по-прежнему покрыто среднерусским загаром, ровным, как одноимённая возвышенность. Ни пятен, ни высыпаний. Боли в рёбрах нет совершенно, да и синяка почти не видно. Я поднял руки, наклонился вперёд, назад, влево, вправо, присел. Тело слушалось идеально.

Принесли завтрак. Перед началом шоу я ждал чего-то впечатляющего, пусть не черепашьего супа и лионских устриц, но хотя бы кусок батона и яичницу. Подали зелёную кашу, а вместо компота лист крапивницы. Народ дружно застучал ложками. Я брезгливо поковырялся в густой массе. Есть хотелось жуть как, но зелёная еда аппетита не вызывала.

— Ешь, — требовательно проговорил Коптич.

— Не привлекает меня такая пища.

— Дурак. Для выхода за стены ничего лучше не придумаешь. Кроме сытости крапивница ещё и силу даёт.

— Допинг что ли?

— Про допинги не слышал, а вот крапивница любой пище фору даст. Не наногранды, конечно, с ними ничто не сравнится, но пользу почувствуешь.

Я почерпнул полную ложку. Противно, но всё-таки съел. Пережёвывая, спросил:

— А ты наногранды пробовал?

— Их не пробуют, их в вену колют. По-нашему — зарядиться. Стандартная доза четырнадцать с половиной карат.

— И что чувствуешь?

Коптич пожал плечами и ответил равнодушно:

— Опасность. Как будто третий глаз открывается. Интуиция работает, словно проклятая, повышается скорость, выносливость. Водка не рекомендуется, алкоголь для нанограндов угроза, они начинают его перерабатывать, увеличивается расход. По шарам не бьёт, а наногранды теряются — не выгодно.

— Долго доза работает?

— От ситуации. Но вообще около месяца. Если рану получил, то расход ускоряется. Я однажды пулю в печень схлопотал, вколол себе восемь карат, больше не было. Через три дня бегал. Правда, и нанограндов в крови не осталось.

— Они тебе сами об этом сообщили? — недоверчиво усмехнулся я.

— Когда в крови есть наногранды, на радужке серебряный отлив появляется. А когда он исчезает, значит, наногранды вышли. Такая вот биология.

— А почему именно четырнадцать с половиной карат?

— При меньшей дозе расход выше. Я не учёный, точно не скажу, как всё происходит, но если бы в тот раз вколол себе не восемь карат, а полную дозу, то и печень вылечил, и пару недель с нанограндами ходил. А выше смысла нет. Лишние наногранды просто не сработают. Организм их отторгает. Это у тварей в крови их может быть сколько угодно, а у нас все излишки выводятся естественным путём.

После завтрака каждому вручили пакетик с голубым порошком.

— Что это?

— Нюхач. Наркотик. — Коптич прищурился. — Целая доза будет. Щедро.

— Эквивалент нанограндов? — сумничал я.

— Эквивалент райского блаженства. Принимать не советую. Тут всё наоборот: заторможенность, усталость. Но для обмена сгодится. Этой фигнёй многие балуются.

Он спрятал пакетик в карман.

— Мой тоже возьми, — протянул я ему свою долю. — Никогда наркоманом не был и становиться не собираюсь. Пусть даже жить осталось на две понюшки.

— Ну, насчёт двух понюшек ты торопишься. Поверь, поживём ещё. И водочки попьём. И девок потискаем. Любишь девок? Попадём в Квартирник, я тебе такой шалман организую.

Он сказал это с большой долей уверенности, будто и в самом деле верил, что мы выберемся из этой передраги. Я недоверчиво сморщился: может и выберемся... если в этом шоу что-нибудь сломается.

В барак вошла группа техников и с ними Элизабет. Всех подняли, заставили построиться. Каждому к лодыжке левой ноги прикрепили стальной браслет с кодовым замком и зарядом тротила. Элизабет давала комментарии:

— Браслеты являются одновременно датчиком, указывающим ваше местоположение, и взрывчатым зарядом, который в девять ноль-ноль завтрашнего утра активируется. Отключить его может только наш техник, любое иное вмешательство приведёт к взрыву. Вы лишитесь ноги и станете лёгкой добычей монстров.

Она говорила спокойно, монотонно, как будто читала нравоучения, и медленно продвигалась от одного края строя к другому. Увидев редактора, приподняла уголки губ, но больше никак своего злорадства не проявила. На месте редактора я бы удавил её прямо здесь, ну или попытался. Терять ему всё равно нечего.

Пока ассистентка Мозгоклюя делала наставления, техники раздали планшеты, респираторы и новую одежду. Мне выдали тот же набор, что на базе: клетчатая рубаша, брюки, берцы, только всё новое. На бандане стоял логотип шоу — перечёркнутая морда зайца в треугольнике. Очень обнадеживающая картинка.

Переоделся я с удовольствием; тряпье, предоставленное Тёщей за тридцать семь статов, или жало, или болталось, а где-то и вовсе походило на лохмотья, так что обновка пришлась к месту.

Коптичу выдали нечто серое и мешковатое. На нём оно выглядело как с чужого плеча, но Коптич остался доволен, лишь посетовал, что нет пояса на куртке.

— Вам раздали специальные планшеты, — продолжила говорить мисс Лизхен. — В них заложена карта города и показана точка, до которой необходимо добраться. Для этого у вас есть сутки. Времени больше, чем достаточно. Но не забывайте, что для прохождения следующего этапа вам понадобятся силы, поэтому, чем быстрее вы доберётесь до места, тем больше времени будет на отдых перед вторым этапом. Особо хочу сделать акцент на том, что заряд на вашей ноге обязательно взорвётся, если его не обнулить. Любая попытка сбежать, не прийти вовремя на свою контрольную точку или как-то отключить устройство приведет к потере конечности. Последствия, надеюсь, всем понятны. Если кто-то думает, а такие случаи были, что лишившись конечности он получит медицинскую помощь и выйдет из шоу — не обольщайтесь. Выход из шоу только через ворота в Загон. Самострелов и прочий хитрозадый шлак в лучшем случае ждёт пуля. Дальше, — она сделала жест, и техники вручили каждому по два листа бумаги. — Это контракт, краткий перечень того, что вы можете...

— Подохнуть, — оскалился рыжий.

— ...что не можете и обязательства Конторы, — не обращая внимания на его реплику, продолжила Элизабет. — Подпишите. Один экземпляр останется у вас, другой нам. Прочтите на досуге, чтобы избежать недоразумений, но если у кого-то возникнут вопросы, то он может потеряться этим листком, потому что условия контракта неизменны.

Хорошее откровение, самое познавательное из всего, что ассистентка тут наговорила. Читать я не стал, поставил подпись, свой экземпляр сложил и спрятал в карман.

После инструктажа всех вывели на улицу. За колючей проволокой открывалась панорама на окраину города. Он начинался за пустырь, метров за триста от внешнего поста. Двух-трёхэтажные дома, асфальтовые дорожки. К востоку уходили тополиные заросли, справа тянулся железнодорожный путь. На пустырь от него уводила тупиковая ветка с разворотной платформой.

Мы прошли вдоль колеи, потом через заросший кустами дворик и вышли на съёмочную площадку. Операторы, софиты, девушка, подающая кофе. Обычная земная жизнь. Только по периметру вооружённая до зубов охрана, и не с дробовиками, как при сборе крапивницы, а с АК-200 с полной обвеской. По краям две спаренные зенитные установки на электрических платформах, похожих на упрощённые автомобили позапрошлого века. Всё, что я до сих пор видел на колёсах, если не считать бронетранспортёра у входа на ферму, ездило либо на электричестве, либо на пару, либо на конной тяге.

Коптич закусил губу.

— Не знал, что за кадром такие зубастики стоят.

— Против кого они зенитки приготовили? — вглядываясь в небо, спросил я.

— Точно не против тварей. Такие аппараты любую в брызги разнесут. Даже ревуна.

— Против кого тогда?

— Есть твари покруче, их иногда людьми называют.

Между двумя полуразрушенными зданиями была установлена сцена. Впереди рамка с декоративным занавесом, на заднем плане картинка: что-то вроде пастушьей пасторали. На её фоне выстроились девушки в бикини, в сетчатых чулках, с заячьими ушками и хвостиками. Мордочки раскрашены, губки накачены, ручки невинно сложены на лобном месте.

На краю сцены стоял Мозгоклой.

Во время отбора в общей камере он выглядел спокойным и вдумчивым, а сейчас превратился в аляпистого клоуна. На голове розовый цилиндр, подстать ему розовый смокинг с ядовито-жёлтыми лацканами и обшлагами. В руке чёрная трость с большим серебряным набалдашником, на ногах жёлтые ботинки с круглыми выпяченными носами.

Реально клоун. Можно даже добавить: злой клоун.

Но это то, что видел я с точки зрения уготованного к убою шустрого зайца. Зрители увидят картинку иначе. Достаточно вспомнить блеск в глазах Коптича. Мозгоклой предстанет перед ними светочем радости в утончённом мраке ежедневного сотрудничества. Шоу давало людям возможность снять психологическое напряжение и подпитаться позитивом. Смерть со стороны всегда наполняет особого рода радостью — это же не меня убивают! — и человек становится более покладистым. Иначе Контора ни за что бы не пошла на расход ценного ресурса. Полсотни потенциальных тварей — килограмм недополученных нанограндов! Натуральное расточительство.

Перед сценой собрались операторы. Мозгоклой говорил, тыча в них пальцем:

— Больше задниц. Больше! Крупным планом! Почему я должен повторять одно и то же? И спереди снимать не стесняйтесь. Не надо мне пошлого пуританства и ложной скромности. Всё должно быть максимально доступно и во весь экран, — он развернулся к девицам. — А вы не жмитесь, словно девственницы на первом свидании. Хотите назад в блоки? Больше страсти, больше жеманности. Подмышки побрили? Вы — сладкая надежда каждого зашлакованного в этом мире грязи и слёз!

Он вышел на середину сцены, перехватил трость и поднял над головой.

— Готовы? Музыка!

Ударил канкан. Девицы, задирая колени к подбородку, пошли по сцене. Мозгокляй крутанулся на месте и шагнул вперёд, выставив трость перед собой.

— Ты ждал меня? Мой зритель, я пришёл!

Девки позади него взвыли:

— Шоу Мозгокляй! Шоу Мозгокляй!

При этом они как лошади вскидывали ноги, демонстрируя едва прикрытые ниточками бикини прелести. Коптич потянулся к сцене, оскалился радостно, и не он один.

— Вот он я! Встречай меня!

— Шоу Мозгокляй! Шоу Мозгокляй!

Весь этот выпендрёж не вызывал ничего, кроме изжоги. Я показушно зевнул, а вот Коптич едва не подпрыгивал, не отрывая глаз от девок. Он причмокивал в такт их закидонам, облизывался и изворачивал шею, норовя проникнуть взглядом за ткань на нижних частях тела.

В воздухе крутились три коптера. Ещё три десятка стояли на траве возле зениток. На каждом по две камеры: одна снизу, другая спереди. Получается, съёмка будет вестись не только сверху, но и вплотную на уровне человеческого роста, снимая те самые жуткие картинки расправ, о которых говорил редактор.

— Стоп! — закричал Мозгокляй. — Теперь зайцы.

Элизабет замахала на нас руками:

— К сцене! К сцене!

Мы стали подниматься по одному. Первыми те, кто в городском камуфляже. Я так прикинул, что они и есть фавориты, среди них две женщины. Одна похожая на несущийся самосвал, на дороге у такой мадамки лучше не становится, сомнёт. Вторая худенькая, невысокая, по-кошачьи проворная. У всех брали короткое интервью: имя, возраст, почему пошёл на шоу. Девки при этом продолжали выплясывать канкан, и камеры поочерёдно переходили с добровольцев на них и обратно.

После интервью закамуфлированных уводили со сцены, давали последнее наставление и отправляли в путь-дорогу. Некоторым крепили камеру поверх банданы, чтобы у зрителя была картинка от первого лица. Фаворитов я насчитал семь человек.

Следующими пошли непривлекательные зайцы. Сначала добровольцы, потом мы. Когда я поднялся на сцену, Мозгокляй, указывая на меня, провозгласил:

— Тридцать седьмой! Вот он наш тридцать седьмой участник, вознамерившийся стать шустрым зайцем. Он шагнул к нам прямым из Смертной ямы. Сильный, гордый, совершивший жуткое преступление! Это он вчера возглавил нападение на старосту третьего блока и был приговорён справедливым судом к трансформации.

Твою мать, что он несёт? Какое преступление? Я в блоке двое суток не был.

— Но Контора даёт ему шанс искупить вину...

Я, наверное, выглядел очень бледно и глупо. Мозгоклюй швырнул трость.

— Стоп! — и набросился на меня. — Что ты стоишь как столб? Что ты ресницами хлопаешь? Не молчи!

— Да я не нападаю на старосту...

— Насрать! Хочешь назад в яму? — и повернулся к технарям. — Его что, не предупредили?

— Это не тот, — пискнула Элизабет. — Преступник следующий. Тридцать восьмой.

Следующим стоял рыжий. Мозгоклюй обшарил его глазами, сложил пальцами экран, примерился.

— Нет, оставим этого. Мне взгляд его нравится, низкий, исподлобья. Вот так и смотри в камеру, понял?

Я кивнул.

— Обойдёмся без слов. Только имя. И лицо крупным планом, в три четверти, — он подобрал трость. — Переснимем последний кусок.

Никогда не думал, что стану телезвездой. Коптич показал большой палец из-за спины рыжего. Рыжий сопел недовольно. Звездой должен был стать он.

После интервью меня подхватили техники, отвели к периметру. Думал, наденут камеру на голову. Не надели.

— Твоё направление, — указал один. — На месте подолгу не стоим, двигаемся. До контрольной точки семнадцать километров. Пошёл!

Он слегка подтолкнул меня, и я побежал трусцой. Но недалеко. Отбежал за соседнее здание и остановился. Нужно дождаться Коптича. Сцены отсюда не видно, только слышался усиленный динамиками голос Мозгоклюя. Он как раз объявлял сорокового. Значит, Коптич уже ушёл.

Я включил планшет: восемь сорок три. До начала трансляции час с лишним. В центре замигал жёлтый огонёк — мой маяк. Вокруг прямоугольники домов, линии дорог, перекрёстки. Карта схематичная, да и откуда здесь взяться спутниковой. Чтобы найти контрольную точку, уменьшил масштабирование. Она светилась красным. Семнадцать километров — много. Не помню, когда столько ходил. Разве что в детстве на тренировках.

Зашелестели кусты.

— Дон...

Я вздрогнул. Из кустов смотрел редактор. Он сидел на корточках и таращил глаза.

— Тебе чего?

— С вами хочу.

На дорожке показался Коптич. Заметив меня, взмахнул рукой.

— Молодец. Думал, не дождёшься. Рванёшь со страху. А нам спешить некуда. Неизвестно сколько тут тварей по развалинам шарится.

— Мы не одни, — поведал я, указывая на кусты. Редактор поднялся и вышел к нам.

— Какого хера? — взял с места в карьер Коптич.

— Я с вами, — твёрдо повторил редактор. — Одного меня Мозгоклюй убьёт, а сразу троих остережётся. Тем более дикарь и преступник. На вас у него планы. Раньше второго этапа вас трогать не станут, поберегут. Если только на тварь не повезёт наткнуться. Но от этого никто не застрахован.

— Ну и сука же ты, редактор! — закусился Коптич. — А если не остережётся? Выпустит на нас фермерского багета, и будем сосать друг у друга, пока он нас по

отдельности не сожрёт.

— Может, и будем, — кивнул редактор. — Не откажусь, если у меня перед смертью отсосёт кто-нибудь, пусть даже ты, Коптич.

— Да тебя, суку, за подобное... — замахнулся дикарь. Я взял его за плечо.

— Баста. Успокоились. Кто на поезд опоздал, тот к бабушке не едет. Втроём, значит, втроём.

— Тем более, контрольная точка у нас одна, — поспешно вставил редактор. — Я с техником договорился. За ним должок числился, он всё подстроил. Смысла разделяться нет.

— А точка разве не одна?

— На первом этапе пять точек. Это специально сделано, чтобы зайцы в группы не сбивались. В группе пройти легче. На каждую выводят по десять человек. До нашей семнадцать километров по прямой.

— По прямой в городе не ходят, — буркнул Коптич. — Где эта ваша точка?

Я показал ему на своём планшете, обрисовал как смог маршрут и расположение здания.

— Ага, знаю, где это. Там большая коробка с колоннами и широкой галереей. На площадке перед дверью неприличное слово написано.

— Ты писал?

— Почему сразу я? Кроме меня никто писать не умеет?

— Хорошо город знаешь? — спросил редактор.

— Хорошо его никто не знает. Но центральными улицами можно пройти куда угодно, даже карта не нужна. На длинных дистанциях это самый удобный путь.

— На центральных улицах проще попасть в ловушку.

— А во дворах проще нарваться на тварь. Или на стаю пёсо. Ты хочешь нарваться на пёсо?

Ответить редактор не успел, рядом зажужжал коптер. Звук, как будто шершень летал. Мы сидели под прикрытием кустов, он нас не видел, но продолжал настойчиво гудеть где-то над головой.

— Вот привязался, — сплюнул Коптич.

— Надо идти, — пригибая ветки и выглядывая, сказал редактор. — Сейчас пришлют второй коптер, дадут координаты охотнику. На старте всегда дежурит одна группа, чтобы подгонять отстающих.

— Тогда идите за мной, — поднялся над кустами Коптич. — Не отставайте. За отставшими не возвращаемся.

Дикарь быстрым шагом пошёл вдоль кустов. Редактор пристроился ему в спину. Коптер, заметив нас, снизился, разглядывая передней камерой каждого в отдельности, покружил минуту и рванул куда-то вправо, там намечалось что-то более интересное. Я глянул на время: девять двенадцать. Съёмки уже идут. Неужели первую жертву наметили?

— Коптеров нет, это хорошо, — на ходу проговорил редактор. — Поживём ещё.

— От коптеров можно спрятаться? — не оборачиваясь, спросил Коптич.

— Визуально можно. Забиться в подвал и сидеть. Но у оператора на экране наши маяки. Спрячешься, и что? Он всё равно тебя видит. Да и на месте оставаться нельзя, часики на бомбе тикают.

В этом он прав, часики тикают. Чувствовать на ноге браслет с тротилом не самая большая радость в жизни. Хочется взять пассатижи и вскрыть замок. Вдруг повезёт и не взорвётся? Хорошо, что пассатижей нет.

Коптич вёл нас строго на юг. Через каждые полсотни шагов я сверялся с картой. Улица, по которой мы шли, тянулась почти до самой точки. Только за пару кварталов до конечного пункта она упиралась в овал площади, и уже оттуда дороги расходились радиально во все стороны. Там предстояло свернуть на восток и широким проспектом добираться до администрации.

Всё идеально просто. И это настораживало.

Городская планировка окраин походила на тетрадный лист в клеточку. Прямые улицы разводили дома по ровным квадратам, и лишь ближе к центру начинали завиваться, выстраивая сложные фигуры. Это было вызвано сетью оврагов. Улицы плавно обтекали их, иногда пересекая мостами, если обходить было неудобно.

Архитектура тоже менялась. Сначала шли двух-трёх этажные здания, напоминающие сталинки и народную стройку. Жёлтая штукатурка на стенах свивалась в ленты и осыпалась, обнажая красный кирпич. Стёкла разбиты, крыши просели. Жутковато было смотреть на заброшенные дома, на пустые глазницы окон, на тёмные провалы подъездов.

Потом пошла пятиэтажная застройка. С торцов иногда красовались выложенные мозаикой социальные картины. От таких видений повеяло прошлым веком. На перекрёстке стояли автоматы для продажи газировки, на каждом было написано крупными буквами «Вода». Тут же покосившийся столб и разбитый светофор. На асфальте сохранились белые полосы пешеходного перехода. Ещё дальше на фоне безоблачного неба выделялись силуэты высоток.

Впереди показался подземный переход. Когда до него оставалось около ста метров, Коптич насторожился и поднял руку.

— Кого-то увидел? — подобрался к нему я.

Дикарь присел на корточки.

— Никого не увидел, обычная подстраховка, — ответил он. — Видишь переход? Нужно подождать, осмотреться. Сунемся, а там язычник. Что делать будем?

— Убежим.

— От язычника? Ты совсем шальной. От твари он убежать собрался. Слышал, редактор? Бегун ты херов. Это же тварь. Ты шаг, он три. Там нанограндов полсотни, преимущество изначально не в нашу пользу.

Дикарь говорил, а сам не сводил глаз с перехода. Редактор, воспользовавшись остановкой, присел на газон. С утра мы прошли километра четыре, а он уже дышал глубоко, с одышкой и вытирал пот подолом рубахи. Боюсь подумать, что с ним будет ещё через час. Как бы не пришлось на себе тащить.

Коптич с сожалением проговорил:

— Бинокля нет. У меня хороший был, шестикратное увеличение. Одна половина разбита, зато вторая пахала за обе. Я бы отсюда быстро рассмотрел, есть там кто или нет.

— А почему просто не обойти?

— Да потому что... Куда идти-то?

Он уткнулся в планшет, поводил пальцем по экрану и плюнул:

— Не понимаю я ни хера в этих электронных штуках. То ли дело своя, — он постучал по голове. — Спросили бы, как до Квартирника добраться или до посёлка Маньки Лютика, а с этой электрической доской ни докуда не дойдёшь. На, Дон, разбирайся, ты парень башковитый. Где точка?

Я бы не стал утверждать, что дружу с электрическими досками, но, похоже, Коптич

вовсе ничего не понимал. Сверился с картой. Судя по направлению, нужно нырять в узкий проулок слева. Вариант не лучше предыдущего. Проход зарос рябиной, и что дальше происходит, одному богу известно: может, логово тварей, может, фабрика по переработке зайцев. Ни то, ни другое не вариант для выживания. Но и на месте стоять нельзя, не на туристической прогулке. Над ухом зажужжал коптер, то ли опять подгонял нас, то ли настраивался на съёмку.

В проулок Коптич не полез, даже не стал подходить к нему. Прошёл вдоль фасада, не отводя взгляда от перехода, подобрал обломок шпакетника, перехватил его обеими руками и приложил к плечу, словно ружьё. Редактор следил за ним с удивлением, но вопросов не задавал. Я огляделся, увидел обломок кирпича, подобрал. Так, на всякий случай. Если шпакетина похожа на ружьё, то кирпич вполне сойдёт за гранату.

Приблизился коптер, оператора заинтересовали наши приготовления. Он спикировал, сделал полукруг и замер. Справа подлетел второй, теперь съёмка велась с двух сторон. Редактор занервничал, но он сам говорил, что два коптера, это ещё не страшно.

Коптич покосился на меня, увидел обломок.

— Не вздумай бросить, — шевельнул он губами.

— Зачем бросать? Ты всех перестреляешь.

Он оценил мою шутку коротким:

— Дурак.

А я оскалился. Чувства опасности не было. Ситуация смешная. Если кто из нас и дурак то это редактор. Он схватил меня за ремень, словно слонёнок за мамкин хвостик. Я не стал одёргивать: боится чувак, бывает. Я бы тоже боялся, но граната в руке придавала смелости, да и Коптич с ружьём неплохая защита.

Коптич быстро осмотрелся и перешёл с тротуара на проезжую часть. Кажется, и он понял, что опасности нет. До перехода оставалось шагов сорок, будь там кто-то, он бы уже проявил себя.

Темнота шевельнулась. На свет высунулась тёмно-багровая морда: стоячие уши, широкая пасть. Я почувствовал, как кожа на затылке натянулась. Пёсотварь! Клацнули зубы, заклокотал глухой рык. Вот тебе и смех. Коптич мгновенно встал в стойку, направив шпакетину предполагаемым стволом на переход. Из темноты высунулась вторая морда, немного погодя третья. Три пёсотвари! От западной окраины подлетел ещё один коптер, завис над переходом. Вот теперь стоит бояться. Режиссер нашёл хороший ракурс, и у нас появились все шансы засветиться сегодня в Радию.

— Не дёргаться, — прохрипел Коптич. — Пока стоим, они нас...

Редактор бросился к проулку. Пёсотвари с места рванули за ним. Все три промчались в двух шагах от нас. Даже ветром обдало, и теперь по-настоящему стало страшно.

Выждав двадцать секунд, Коптич дёрнул меня за рукав и прохрипел:

— За мной бегом.

Позади трещали ветки, два коптера с виражом ушли к проулку, третий взмыл вверх и затих. Раздался крик, пёсо догнали редактора. Кричал он долго, твари не сразу смогли добраться до горла. Пока его рвали, мы успели добежать до следующего перекрёстка. Коптич оглянулся:

— Куда?

Я махнул: прямо. Он плюнул и снова побежал, но уже медленнее, а потом и вовсе перешёл на шаг. Меня заела зависть. От бега я едва дышал, а он старше лет на пятнадцать, но

силы на нас обоих хватит. Шёл спокойно, даже шпакетину не бросил, нёс на плече.

Когда добрались до площади, часы показывали начало пятого. За семь с небольшим часов преодолели, согласно карте, двадцать два километра. Примерно по три километра в час. Для такого города и с таким, как у нас, вооружением — быстро. Всё по той же карте до контрольной точки оставалось четыре километра с копейками. А техник говорил всего семнадцать, но это если по прямой, через дворы.

Перед площадью нос к носу столкнулись со стаей багетов. Мы остановились передохнуть за киоском «Союзпечать», а они вышли между домами на проезжую часть. Сначала двое, потом ещё семь. Высокие. Первые двое с меня, остальные чуть ниже. Широкие плечи, цвет кожи багровый, как у пёсо, но чем выше к голове, тем светлее, и только голова полностью чёрная. Каждая мышца на теле видна отдельно и походила на скрученный жгут. Лоб узкий, подбородок низко опущен, отчего тварь казалась набычившейся. Рот нормальный, нос сплюснутый, мощные надбровные дуги. Два пальца левой руки, средний и указательный, сантиметров тридцать длиной и похожи на однолезвийный штык — багет, отсюда и название. Правая рука вполне себе человеческая, только пальцы узловатые и удлинённые.

До места, где они стояли, оставалось метров двадцать, и я мог рассмотреть их детально. Мощные и уверенные, как монстры из древних сказаний. Красавцы... Реально красавцы. Раз уж предстоит стать мутантом, то почему бы не багетом? В сравнении с язычниками, они просто само изящество и совершенство.

Мы сидели на корточках и почти не дышали. Багеты сбились в кружок. Голову даю на отсечение, что они разговаривают, ну или как минимум обмениваются примитивными знаками, решая куда идти и на кого охотиться. Да пускай уж идут куда угодно и побыстрее, лишь бы не в сторону киоска. Этих шпакетником не обманешь.

Из-за пятиэтажки вынырнул коптер. На экране сейчас наверняка видно и нас, и багетов. С точки зрения режиссера это должна быть хорошая картинка. Дать крупным планом нас с Коптичем, потом крупный план багетов — и голос с придыханием за кадром: «От тварей их отделяет всего несколько метров. Замрите! Какой напряжённый момент. Одно неосторожное движение, громкий вздох или чих, и тридцать седьмой и тридцать девятый не доберутся до контрольной точки. А ведь идти оставалось так мало».

После этого действительно захотелось чихнуть. Я зажался, закусил губу, Коптич изобразил зверский оскал и показал кулак.

Коптер опустился ниже. Он завис посередине между киоском и стаей, как будто приглашая тварей идти в эту сторону. Багеты повернулись к нему. Один сделал шаг. Коптич прошептал губами: не шевелись — и взглядом указал на асфальт. Там отпечаталась тень от моего колена.

Багет сделал ещё шаг. Коптер продолжал жужжать. Не знаю, чем там думал оператор, но явно не головой. Багету было интересно, что это за жужжащий предмет крутится перед глазами. Если он подойдет ближе, то увидит не только тень, но и само колено. Этот говнюк по ту сторону видеокамеры точно решил нас подставить. Сука! Тогда пусть вызывает второй коптер, так удобнее снимать сцену поедания двух неудачников девятью багетами.

Коптер дёрнулся и резко пошёл на багета. Тот подпрыгнул, ударил клешнёй, норовя сбить вертолётчик, но оператор ловко ушёл от удара, сделав в воздухе бочку. Долго, наверное, тренировался. Багет развернулся и следил за ним взглядом, пока тот не исчез за деревьями. Потом вся стая перешла дорогу и скрылась во дворах.

Мы подождали несколько минут. Всё это время Коптич вглядывался туда, куда ушли багеты, словно боялся, что они вернуться. Потом вышел из-за киоска и пошёл, стараясь держаться ближе к деревьям.

— Не забывай следить за тенью, — на ходу заговорил он. — Багет не самый сообразительный среди тварей, но память у него фотографическая, как у медведей, и он этим пользуется: посмотрел, отвернулся, снова посмотрел — и увидел разницу. Но только медведь осторожное животное, он, если что не так, предпочитает уйти. А этот наоборот подойдёт и проверит, почему изменилось.

— Извини, не знал, теперь буду следить. А как называют медвежьих тварей?

— Никак не называют. Нет таких, не выживают при трансформации. Ни медведи, ни кошки. На травоядных пыльца вообще не действует. И на птиц не действует. Только на людей и собак, как простатит.

— У мужчин и собак, — поправил я. — У женщин простатита не бывает.

— Может и не бывает, — кивнул Коптич. — Я не знаю, я не врач.

Возле площади Коптич взобрался на крышу троллейбусной остановки. Я присел внизу на лавочку. На боковой стенке была нацарапана жизнь нескольких поколений горожан: Маша плюс Миша — и прочее в том же духе. Когда-то здесь жили люди, ждали троллейбус и думали, что всё будет хорошо, а теперь жду я, когда спустится Коптич и позволит идти дальше.

Дикарь спустился минут через пятнадцать.

— Чисто. Трое зайцев только что проскакали. Смелые, черти, ничего не боятся, идут не оглядываясь. Ушли направо в горку.

— Наверное, там ещё одна точка. Редактор говорил, что их пять.

— Наверное, — согласился Коптич. — Ладно, заканчивай лавочку давить, нам ещё четыре километра топать.

Здание не было административным, скорее, бывший кинотеатр, но на мраморной плитке перед входом в самом деле белой краской было написано неприличное слово. Широкие окна просторного вестибюля, в котором зрители собирались перед началом сеанса, стояли без стёкол. Их либо разбили, либо вынули и увезли в Загон, так что войти можно не обязательно через дверь. Внутри за баррикадой сидел боец из тех, кто прикрывал съёмочную группу у Северного внешнего поста. Он засёк нас ещё на подходе и взял на прицел.

Неприятно подходить к зданию, находясь под прицелом пулемёта. Мурашки с кулак бегают, причём не по коже, а внутри, и горло пересыхает. У Коптича желваки играли седьмую симфонию Шостаковича. Он сказал, останавливаясь перед вестибюлем:

— Эй, служивый, ты бы целился в кого-нибудь другого. Неподалёку стая багетов голодных бродит, не ровен час выскочат, а ты хернёй занимаешься.

— Что в руках?

— Штакетник.

Коптич поднял штакетину над головой.

— Брось! Назовите номера.

— Тридцать седьмой, тридцать девятый, сэр, — прикладывая левую руку к виску, представил нас я.

Боец сообщил номера в рацию, та хрипнула в ответ, и он кивком указал на дверь в глубине:

— Проходите.

Через оконный проём мы забрались в вестибюль.

— Понял? — кивнул на бойца Коптич. — Они ещё и номера сверяют. Промахнёшься с точкой — и будешь куковать на улице.

За дверью стояли ряды деревянных кресел. Ровными уступами они сходили к эстраде, моя версия насчёт кинотеатра оказалась верной. У входа разместились ещё двое бойцов в общевоинских штурмовых жилетах с калашами. Оба держались грозно, как будто ожидали тварей, а вошли люди. Коптич подмигнул им, но в ответ никаких эмоций. Хоть бы послали куда-нибудь — серьёзные.

На эстраде техники установили пульт и несколько экранов. Шла съёмка погони в прямом эфире. Закамуфлированный доброволец бежал от язычника. Вокруг кружили два коптера; одна камера старалась удержать искажённое страхом лицо добровольца, вторая снимала погоню сверху. Человек за пультом подгонял операторов, требуя дополнительно два коптера. Они были где-то на подлёте, на соседних экранах мелькали дома и верхушки деревьев.

Доброволец сходу перепрыгнул забор и повернул вправо к деревянным сараям. Подпрыгнул, ухватился за край крыши, пальцы соскользнули и он рухнул на спину. Увидел над собой коптер, выругался. По губам я прочитал каждое слово. Съёмочная группа заржала в голос, а режиссёр, указывая на экран, крикнул кому-то:

— Звук отладьте!

Подлетел третий коптер и сосредоточился на язычнике. Тот успел добраться до забора и попытался пройти сквозь него. Старые доски выдержали. Язычник в бешенстве забарабанил

по ним лапами, потом побежал вдоль забора, выискивая слабое место. Бежал он на четвереньках, заглядывая в щели и подёргивая задом. Через десяток метров наткнулся на дыру, протиснул голову, надавил плечами. Заскрипели гвозди, язычник рванул ещё раз, одна доска выгнулась, но выдержала.

Подбежал второй язычник. У этого хватило ума перепрыгнуть забор. Он ухватился лапами за край и мощным рывком перекинул тело на другую сторону. Доброволец успел подняться и вскарабкаться на крышу. Сделал он это слишком медленно, вторая тварь успела выбросить язык и полоснуть мужика по икрам. Штанины засочились кровью, несколько капель попали на морду язычнику, и в этот момент включился звук.

От визга не вздрогнули только стены. Визжала тварь. Припадении на поле крапивницы такого не было, я не слышал даже дыхания, а сейчас лопались перепонки. Все, кто был в зале, накрыли ладонями уши. Режиссёр сдвинул регулятор громкости, звук стал тише.

— Это он кровь почувал, — глядя на экран, проговорил Коптич. — Видел, как ему на рожу капнуло?

Мы стояли в проходе возле эстрады. На сиденьях переднего ряда лежали картонные коробки, армейский термос, пластиковые бутылки с водой. Я свинтил с одной крышку и начал пить захлёбываясь и проливая воду на себя. Экранная погоня стала не интересной. Теперь бы съесть чего-нибудь.

Открыл одну коробку — хлеб. Отломил половину буханки, начал жевать. Есть хотелось до такой степени, что пустой хлеб казался вкуснейшей пищей на свете. Кто-то из техников протянул открытую банку рыбных консервов и вилку. Я поблагодарил кивком и толкнул локтем Коптича, приглашая к трапезе.

Доброволец на экране всё ещё был жив. Он вытащил шнурки из ботинок, соорудил подобие жгута и перетянул ноги. Он сопротивлялся, хотя не мог не понимать, что уже умер. Волшебник в голубом вертолёте не прилетит и не снимет его с крыши назло всем язычникам мира. Всё, жизнь кончилась. Он лежал, раскинув руки, и с ненавистью смотрел на коптер, в глаза камеры, в глаза всем нам в этом зале.

Ждать окончания сеанса я не стал. Жаль бедолагу, но ничего не поделаешь, помочь ему я не мог. А завтра или послезавтра меня ждёт точно такая судьба — тварь или пуля охотника. К тому же усталость уничтожила эмоции. Я хорошо поел и начал поглядывать, где прилечь. За эстрадой как будто специально сложили теплоизолирующие коврики и бросили кучу старой одежды. Собирая из них постель, я слышал, как беснуется режиссер, раздосадованный бездействием добровольца. По его мнению, тот должен бежать, не понимая, что с порезанными ногами это невозможно.

Настелив на пол тряпок, я положил сверху коврик. Устраиваясь на постели, услышал разочарованные крики, и голос режиссёра:

— Монтируем, у нас двадцать минут. Давайте две минуты от начала, потом сразу забор, этих тварей и как он спрыгнул.

Уже засыпая, я услышал, как рядом устраивается Коптич.

— Чем закончилось?

— Придурок спрыгнул к тварям.

— Я думал, они сами к нему залезут.

— Язычники не любят высоту. Надо было забежать в подъезд и подняться на пару этажей, это быих задержало на несколько минут. Успел бы спрятаться или перебраться по

крыше на другой дом.

— Не все знакомы с повадками тварей.

— Их же обучали.

— Только фаворитов.

Утром я снова осмотрел себя. Сделал это втихую, чтобы не заметили другие. Кожа чистая, без пятен. Внутренние ощущения тоже чистые. Прошли все сроки, я не заразился. Озноб был вызван воспалением в рёбрах. Но они зажили и всё прошло. Гук обознался — пыльца крапивницы здесь ни при чём, я здоров, полон сил и... я участник шоу Мозгоклюя. Я, мать его, шустрый заяц без единого шанса дойти до финиша. Ещё вчера мне было плевать на это, потому что существовал выбор: смерть или трансформация в тварь. Я выбрал первое. Но теперь, когда стало ясно, что Гук ошибся, под ложечкой засосало. Трансформация мне больше не грозила, но и смерть была не нужна.

Вернулась прежняя цель: я должен найти Данару и Киру. Я должен помочь им, обеспечить всем необходимым, дать возможность выжить в этом мире. Но для этого нужно победить или найти другую возможность покинуть шоу.

Я поднялся. Коптич сопел, свернувшись калачиком. Рядом спали ещё пятеро в камуфляжах, вместе с нами — семь. Получается, из десяти трое не добрались до точки. А как дела на других? Я открыл планшет, надеясь найти информацию по вчерашнему дню. Должно же быть какое-то итоговое заявление о потерях.

Сообщений не было, да и сам планшет походил на демо-версию настоящего. Рабочий стол почти пуст, всего два ярлыка: «Карта» и «Прочее». Карта понятно что, а прочее выдало короткую фразу:

Эта папка пуста.

Не было даже возможности сделать фотографию или снять видео, только часы в правом нижнем углу отсчитывали время: семь — девятнадцать.

До обнуления счётчика оставалось менее двух часов.

Я поднялся на эстраду. Тихо, экраны погашены. За пультом сидел режиссёр с ноутбуком на коленях, скользнул по мне взглядом и тут же выразил недовольство в микрофон:

— Почему шлак на площадке?

— Что? — опешил я. — В смысле? Я просто хотел спросить...

Подбежал техник.

— Это закрытая зона, здесь может находиться только обслуживающий персонал. Пожалуйста, спуститесь вниз. Не мешайте режиссёру работать.

Меня накрыла волна обиды. Шлак! Да кто он такой? Тянет ляжки в кресле, смотрит на экраны и командует, как лучше снимать чужую смерть. Сам бы попробовал побегать наперегонки с тварями.

— Да пошёл он нахер этот ваш режиссёр, — нарочито громко сказал я. — Сидит, яйца чешет. Сам зашлакованный на всю голову, а ещё на меня зубами гнилыми воняет! Слышь, ты, сявка...

На эстраду вскочил боец и ударил меня прикладом в живот. Я согнулся, и вдогон получил ладонью по затылку. Из носа брызнули сопли. В затуманенном болью сознании на миг мелькнуло лицо бойца — равнодушное. Его действия не были продиктованы яростью, а вполне себе уравновешенным и целенаправленным желанием наказать дурака. Он бил меня молча, спокойно, нанося удары в места, где они будут наиболее болезненные и

запоминающиеся. Он не собирался убивать охамевшего шлака, а только показать, что так, как он, разговаривать с людьми нельзя.

— По лицу не бей, — раздался требовательный голос режиссёра, — иначе вместо него на маршрут пойдёшь.

Удары перестали сыпаться. Меня подхватили под мышки, отволокли в сторону и швырнули на пол. Хорошее выдалось утро. Всё правильно, не хамя тем, кому нельзя хамить, Дряхлый об этом в первый день предупреждал.

Коптич помог мне подняться и увёл в угол. Свара с режиссёром разбудила всех, но не более того. Никто не смотрел в мою сторону, ни с сочувствием, ни с осуждением. Я реально шлак. Пустое место. Никто. Когда же до меня дойдёт, что человек в клетчатой рубашке самое бесправное существо в этом мире? Клетчатый, успокойся, наконец, и займись выживанием.

Режиссер, как будто издеваясь надо мной, включил в своём планшете старую песенку:

Клетки, клетки, клетки,

Как в метрополитене вагонетки...

— Ты чё на него дёрнулся, Дон? Он же положенец. По вашей классификации царь и бог в одном лице. — Коптич протянул мне тряпку. — Утрись.

— Да... — я приложил тряпку к носу и поморщился. По лицу меня не били, но оно почему-то болело. — Спросонья не разобрался. Впредь дураку наука, — кончиком языка пошевелил зубы, вроде бы держаться. — Коптич, а тебя как взяли? Ты же хитрый, это и без очков видно.

— Нормально взяли, руками, — Коптич не хотел обсуждать тему, но мне было интересно.

— А за что? Мы вроде с дикими мирно живём, а тебя сразу в Смертную яму определили. Грохнул кого-то?

— Почему грохнул? Все мы грешные, поднакопилось. Там косяк, там косяк. Думал, не узнают или забудут, но Контора все нарушения записывает, вот и накопилось на яму, — он отмахнулся. — Не будем о прошлом. Если выберемся из этого говна, я тебе за стаканом обо всём поведаю.

— Договорились.

Завтрак снова пришлось добывать самостоятельно. Коптич сходил к коробкам, принёс банку тушёнки, батон и две полторашки с водой.

— Воду всю не пей, — предупредил он. — Целый день впереди.

Он обмотал бутылку шнуром, повесил через плечо, получилась фляга.

После завтрака техники обнулили счётчики и выставили заново, потом отметили на картах новые контрольные точки. На втором этапе их стало больше — десять. Сообщили итоги прошедшего дня: от полусотни зайцев осталось сорок два. Восемь ушли в минус, включая нашего редактора. Я нашёл на карте свою точку, потом проверил точку Коптича. Они не совпадали. У Коптича она находилась в центре. Я обрисовал ему картинку, и дикарь кивнул: понял где. Моя была ближе к западной окраине, возле железнодорожных путей. Часть маршрута можно было пройти вместе, но расходиться всё равно придётся.

Выпускали нас всем скопом, время на интервью и прочую хрень тратить не стали. Зайцы разбежались по своим направлениям. Мы с Коптичем прошли немного в сторону площади, потом свернули на юг. Дикарь знал эту часть города, и кинотеатр, который мы только что покинули, тоже знал. С его слов, дикие старатели часто в нём останавливаются, когда выходят на сушку.

Я увидел коптер. Он стрелой промчался над крышей пятиэтажки и резко снизился. Спустя несколько минут с той стороны раздался короткий рык.

— Багет, — тут же определил Коптич. — Не вчерашняя ли наша стая?

— Ты их по голосам узнаёшь? — спросил я.

— Поживёшь с моё на свободе, по шагам узнавать начнёшь.

Через секунду прилетел протяжный крик. Плечи передёрнулись нервно.

— Догнали, — подытожил дикарь. — Не повезло.

Чужая смерть его не трогала так же, как режиссера. Страшно представить, сколько он видел смертей, чтобы сейчас оставаться настолько равнодушным. Я ему так и сказал.

— И ты привыкнешь, — он помолчал секунду и продолжил. — Если поживёшь подольше. А чтобы жить дольше, помни: кто бы ни говорил тебе, даже я, что мутанты тупые, не верь. Соображалка у них работает будь здоров, и в шахматы с ними без форы я играть не сяду. Но у них есть, как бы это назвать... Изъяны. Например, язычник побаивается высоты. Он её чувствует даже в закрытых помещениях, поэтому выше первого этажа старается не подниматься. Пользуйся этим. Столкнулся с язычником — сразу наверх, и там уже ищи возможность выбраться. С багетом сложнее. Тварь сильная и бесстрашная. Я однажды видел, как один такой трёх язычников порвал, причём язычники не хилые были, языки у каждого по метру. Они его, конечно, хорошо порезали, но он распластал их всех своими ятаганами. Против него нужно действовать наглостью. Нельзя показывать, что боишься. Он страх чувствует, как язычник высоту. Бывали случаи, когда артели старателей целиком под его ножами ложились, потому что трястись начинали. От ощущения чужого страха он дурной становится, наногранды в крови зашкаливают, и уже не каждая пуля его остановить может. Я ребят знаю, которые только багетов сушат. Они с собой девку всегда берут. Та воет со страха, багет дуреет, парни его валят и с одного тела поднимают до сотни карат. Жирно?

— Куда уж жирнее.

— Вот. А ещё есть лизуны. Трусливые, как псы нашкодившие, но багеты их почему-то стороной обходят, не трогают. Похожи на шимпанзе, кожа серая или жёлтая, жрут всё, что не приколочено, а если приколочено, то отколотят и сожрут. Безобидные, в поселениях их вместо сигнализации держат, подкармливают. Они чувствуют и тварей, и людей за километр. Попадаются редко, но если попадаются, старатели их не трогают. Во-первых, примета плохая. Завалишь лизуна, целый год удачи на сушке не будет. Во-вторых, нанограндов в крови мало, пять-шесть карат, максимум десяток. Из-за такого мараться, только время терять.

— А ревун?

— Здесь я не советчик. Ревуны недавно появились. Какой-то новый вид, раньше их не было. Первого встретили в Развале лет семь назад. Видел платформу на повороте к полям?

— Видел.

— Он там разборки с загонщиками устроил, группу старателей положил. Кто на кого вышел, хрен разберёт, но старатели его недооценили. Хотели малой кровью обойтись, взять как багета, с ножа, но багет тут рядом не стоял. Часть боя коптеры сняли, я видел отрывок. Жуть. А потом в Полыннике сразу двоих засекли. Но на месте они не задерживаются, кочуют. Возле Квартирника одного случайно завалили. Он на позицию вышел, его из пулемёта положили. Пока за кубом бегали, туда, сюда, он немножко кровушкой поистёк, но всё равно больше восьмидесяти карат скачали. Представляешь, сколько там вообще может быть? На таком звере все раны должны мгновенно затягиваться.

Коптич резко остановился, я едва не проскочил мимо. Он удержал меня и приложил палец к губам.

Никаких посторонних движений вроде бы не было. Улица тянулась дальше, одна сторона заросла кустами, другая казалась выжженной. Земля потрескалась, сохранилось только несколько островков иссушенной травы. У обочины замер проржавевший остов троллейбуса. Дуги задраны как ноги у проститутки. На земле свёрнутые в бухту провода, пустые консервные банки, битый кирпич.

Коптич жестом велел пригнуться и указал на угол пятиэтажки. Я уже привык подчиняться ему без слов, поэтому пригибаясь и не задавая вопросов, побежал за ним следом, юркнул за угол и замер. Пять минут ничего не происходило, потом послышались шаги, задрезжала банка, покотившись по асфальту, и грубый голос проговорил:

— Афоня, сука, опять под ноги не смотришь? Я тебе их сломаю когда-нибудь.

— Сломал один такой. До сих пор хромает.

— Чё? Я тебе и язык подрежу...

— Сейчас оба выпросите! — резко перебили его. — Заткнулись и смотрим по сторонам.

Шли трое. Люди не твари, зачем от них прятаться? Но Коптич снова приложил палец к губам.

— С точки маякнули, что те двое сюда свернули, — проговорил тот, кто требовал заткнуться. — Жестянщик, троллейбус проверь. Афоня, зайди с переду. Побегут — вали.

— Без коптеров? Мозгокной потом все мозги выключает. Было велено отследить, а валить уже под камеры.

— Ладно, если они там, держи их в положении лёжа. Коптеры придут, дадим зайцам фору и завалим.

Охотники. Я не видел их, только слышал, но не сложно было догадаться, что пришли они с той же стороны, откуда и мы. Как их Коптич почувствовал — непонятно, и непонятно, как они раньше не заметили нас, улица ровная, двигались мы не скрываясь, по самой серёдке, видимо, вылезли из проулка. Но Коптич всё равно почувствовал их первым. Мне бы такую чуйку.

Звякнуло железо, заскрипело разбитое стекло. Охотники вели себя небрежно и чересчур громко.

— Пусто, — протянул Жестянщик. — Сюда со времён Потопа никто не заглядывал. Кости старые валяются, похоже, человечьи. Похоже, баба какая-то. Или две. А может мужики, хрен их теперь разберёт. Но это не наши клиенты. Слышь, Кромвель, свяжись с наводчиком, пусть координаты уточнит.

— Без твоих советов разберусь, — раздражённо ответил старший.

Зашипела рация.

— Точка, Седьмому ответь... Точка. Ага... Где коптеры? Или нам их на пустую валить?.. И координаты... Ага... Да понял я, понял. Отбой, — старший выключил рацию. — Наводчик говорит, они здесь где-то, скорее всего в дом забрались. Ща коптеры подойдут, точнее место укажут.

— Заметили нас, ушастые, — с усмешкой проговорил Афоня.

Охотников наводили с контрольной точки. Суки! Нечестно это. С такими правилами у зайцев ни единого шанса на победу. Непонятно только, это продолжение мести режиссёра или они специально отстрел устраивают, чтобы снизить количество претендентов на завтрашний триумф?

Раздался приближающийся стрёкот коптеров. Не меньше двух, а может и три. Чем их больше, тем нам хуже.

— А вон и гончие подлетают.

Я посмотрел на Коптича. Тот кивнул на подъезд. Сидеть за углом глупо, здесь нас найдут моментально и пристрелят. В доме тоже пристрелят. Я указал на тепловую точку, за которым начиналась новая линия панельных пятиэтажек, но Коптич упорно отказывался идти дворами.

Мы поднялись на третий этаж. Я хотел подняться выше, но Коптич направился в ближнюю квартиру. Все двери были раскрыты, на площадке лежали брошенные вещи и столетняя пыль.

— Ничего не трогай, — предупредил дикарь. — Останутся следы, по ним нас вычислят.

Через небольшую прихожую мы вошли в зал. С виду обычная трёхкомнатная хрущёвка. Я таких повидал достаточно, когда работал в бригаде по евроремонту. Две комнаты изолированные, зал общий, санузел совмещённый. Куда не спрячешься, везде найдут, и не важно, трогал ты чего-то или нет. Я присмотрелся к серванту, вдвоём его можно затащить в прихожую и заблокировать дверь. Только что этот даст? Сидеть в квартире вечно мы не сможем. Завтра в девять ноль-ноль сработает детонатор, и мы умрём либо от болевого шока, либо от кровопотери. Даже если пережать рану жгутом, мы всё равно через несколько часов умрём от обезвоживания.

Коптич завёл нас в ловушку. Отсюда уже не выбраться.

По лицу покатился пот. Вот только паники мне сейчас не хватало. Надо взять себя в руки. Вчера при виде багетов ни один мускул не дрогнул, хотя там реально было чего бояться, а сегодня испугался трёх отморожков с дробовиками. Вряд ли они бегают быстрее багетов, значит, надо поиграть с ними в догонялки. Спуститься по балконам и рвануть вглубь дворов. Если Коптичу здесь нравится, пусть остаётся. Точки у нас разные, расходится всё равно придётся.

— Оставаться нельзя, — зашептал я. — Уйдём дворами. Хрен с коптерами. Разделимся. Им тоже придётся делиться. Пусть ловят. Да двумя зайцами погонишься, ни одного не поймаешь.

— Не ссы, — подмигнул Коптич. — Сидим ровно, ждём приключений. Все эти пятиэтажки деланы по одному проекту. В плитах между балконами технические отверстия, как раз человек пролазит. Будем из квартиры в квартиру перебираться. Пусть ищут, бегают по всему подъезду вверх-вниз. А когда вымотаются, тогда и рванём. Ты хорошо бегаешь? Сегодня это пригодится.

Я заглянул на балкон. Отверстие в плите было метра полтора высотой и около метра в ширину. Коптич в такую дырку пролезет без задёва, мне придётся поёрзгать, но в целом план хороший. Лучше моего. Дикарь сам его придумал или подсказал кто? Побегает из одной квартиры в другую. Охотников всего-то трое — пусть ловят. Сомневаюсь, что у них мотивация выше нашей. Правда, у них оружие, а это очень серьёзный аргумент. Но не просто же так нас называли шустрыми. Будем уворачиваться.

Я вернулся в комнату. Что ж, подождём.

В окне появился коптер. Он медленно поднимался, рассекая винтами воздух, и водил камерой, как глазами. Искал нас. С расположением оператор угадал верно, что не удивительно: у него на экране отражаются наши маяки; а вот по высоте приходилось чесать репу. Я присел, чтобы не попасть в объектив, и услышал приглушённые голоса на лестнице.

— Подъезд точно этот. Придётся каждую квартиру прочёсывать. Вот ублюдки, не хотят подыхать быстро. Ладно, подохнут медленно. Сначала яйца им отстрелю, потом уши. Сделаем так, мы с Жестянщиком на шмон. Афоня, ты на площадке, приглядывай за лестницей и квартирами. Если выскочат, бей по ногам. Потом вытащим во двор и показательно продырявим. А ещё лучше поджарим заживо. Нахер с ними любезничать. Слышали, уроды длинноухие? Поджарим вас, как и положено крольчатине. Афоня, у второго подъезда старые ящики валяются, хороший костёр получится. Ну что, камеры включили?

У них ещё и камеры при себе, чтобы картинка во всех деталях получилась. Нашу парочку однозначно выбрали для утренней затравки, снимать будут во всех ракурсах. Зрители в предвкушении зачётного видео уже собрались в Радию. Но им придётся подождать. По законам жанра сначала должны быть предварительные ласки, в смысле, погоня, и лишь потом сладкое.

Коптич стоял в прихожей, прислушивался к голосам на лестнице. Обыск проходил быстро и громко, я слышал охотников даже из зала. Гроыхала падающая мебель, матерился Жестянщик. Возле окон дежурили коптеры, опускаясь и поднимаясь вдоль по стояку. Когда завершали обход второго этажа, дикарь вернулся, присел перед балконом.

— Они сейчас в соседнюю квартиру зашли, — шепнул он. — Коптер пролетит, сразу идём.

Жужжание шло по нисходящей. Напротив окна оно стало настолько громким, что почудилось, будто коптер влетел в комнату. Но тут же начался спад. Коптич скользнул через порожек, на корточках пробрался к отверстию и прыгнул в него головой вперёд.

У меня так не получилось, пришлось разворачиваться, чтобы пролезли плечи, и я не нырнул, а вывалился по другую сторону плиты. Коптич, стоя на коленях, пытался открыть дверь.

— Чё тормозишь?

— Не открывается!

— Надави сильнее.

— Куда сильнее? Она изнутри закрыта.

— Замечательно. И что дальше? По каким балконам дальше бегать будем? Я же говорил, дворами уходить надо, а теперь всё, доигрались.

Во мне снова заиграла паника, второй раз за полчаса, но теперь мы уже на сто процентов в жопе. Никуда не дёрнешься. Я приподнялся. В окнах все стёкла целы, разбить — привлечь внимание. Охотники, услышав любой посторонний шум, сбегутся на него. Господи... Нащупал что-то тяжёлое под ногой, сжал.

В квартире зазвучали шаги, хлопнула дверь в санузел, загремела посуда на кухне. На балкон кто-то вышел. Мы вжались в стену. Если он заглянет в дыру...

— Чисто.

По голосу — Жестящик. Он вышел на балкон, облокотился о парапет. В дыру я видел ботинки, такие же, какие подогнала мне Тёща. Ни у одного ли продавца мы отовариваемся?

— Эй, ты уснул там?

— Вид хороший.

— Давай на следующий этаж.

Жестящик приподнялся на носках, харкнул и вернулся в квартиру. Шаги затихли. Я вытер лицо и посмотрел на Коптича. Тот беззастенчиво скалился.

— Обоссался? Хе. Видел бы ты свою рожу.

— Твоя не лучше.

— Не сомневаюсь. Смотрю в тебя как в зеркало... Классный ты мужик, Дон. Я бы тебя на сушку взял.

— Это типа в разведку?

— Это типа на тварей. У меня своя артель была, пока нас рейдеры под Чёрным Оврагом не раскатали. Ну да это долгая история, а нам надо рвать отсюда. Эти друзья сейчас до пятого этажа доберутся и начнут заново всё обшаривать, но уже основательней. Поэтому тихо выходим на улицу и бежим быстро и долго. У нас пять минут, пока им с точки не сообщат, что маяки сместились. Ну, чё смотришь? Ноги в руки и на выход.

Я шагнул к отверстию. Нырять не стал, неудобно. Сунул ногу, потом голову, перенёс вес и продёрнул плечи, обтираясь о крошащийся бетон. Выпрямился...

Возле балконной двери стоял парень. Лет двадцать, в клетчатой рубахе, в руке двустволка дулом вниз. Он застыл, увидев меня, потом медленно потянулся к выходу и прохрипел:

— Мужики...

Я ударил его утюгом. Удар пришёлся острым углом в висок. Парнишка обмяк и съехал по стене на пол. Меня заколотило, рука поднялась и опустилась второй раз. На лицо брызнуло тёплым, я машинально утёрся и ударил снова. На клапане рубашки было вышито «Афоня». Это тот, который... Один из них.

Над ухом стрекотало. Я распрямился, повернул голову. Напротив балкона висел коптер, объектив камеры был направлен на меня. Всё, что он сейчас видел — видит тот режиссер. Сука! Я размахнулся и швырнул утюг в него. Коптер вильнул, уклоняясь от броска, и вернулся в прежнее положение.

Из отверстия вынырнул Коптич, склонился над парнишкой. Без лишних вздохов обхлопал карманы, расстегнул патронташ, повесил на шею. Коптер приподнялся над балконом, заглядывая внутрь. Коптич подобрал ружьё и дёрнул меня за руку.

— Чего расселся? Бежим!

На меня напала апатия. Мир вдруг стал тусклым, и Коптичу силой пришлось тянуть меня за собой. На лестничной клетке я услышал, как этажом выше ругаются:

— Афоня, мелкий выпердыш, тебя долго ждать?

Дикарь приложил палец к губам, хотя я и без того не был настроен на разговоры, и начал медленно спускаться. Одной рукой он подталкивал меня, второй держал за цевьё двустволку, направляя стволы вверх.

На улице апатия сменилась истерикой. Коптич продолжал подталкивать меня, оборачиваясь к подъезду, а я заговорил быстро:

— Я ударил его утюгом. Я ударил его. Откуда у меня утюг?

— Тише... Ты подобрал его, когда Жестянщик на балкон вышел.

— И я ударил его. Ударил. Я никого... никогда. Это впервые. Я убил его? Ну конечно. Утюг тяжёлый, я убил его. Как же иначе.

— Тише, Дон... Это нормально. Ты защищался. Иначе он убил бы нас. Ты молодец.

Он говорил вполне правильные вещи, но понимание того, что я убил человека, выворачивало желудок наизнанку. Меня стошнило. Весь не переваренный завтрак вывалился наружу. Вытирая губы, я продолжал сипеть:

— Убил, убил. Представляешь? Убил...

Из подъезда выскочил охотник, завертел головой. Коптич выстрелил навскидку. Заряд дроби увяз в разгорячённом асфальте далеко в стороне. Охотник метнулся обратно, а звук выстрела вернул мне ощущение реальности. Ещё ничего не закончилось. Возле нас кружили два коптера, третий держал на прицеле вход в подъезд, четвёртый завис над головами. Съёмочная группа взялась за нас всерьёз. Не дай бог, вторую команду охотников подтянут, совсем весело станет.

Мы добежали до троллейбуса. Из-за угла выглянул тот же охотник. Он не стал подставляться под ружьё Коптича, вскинул винтовку и выстрелил первым. Я отметил про себя: трёхлинейка. Пуля угодила в верхнюю часть троллейбуса, прошла его насквозь и выбила бетонную крошку из пятиэтажки на другой стороне улицы. Охотник передёрнул затвор и снова выстрелил.

Коптич швырнул меня к троллейбусу, выстрелил от бедра и крикнул:

— Бежим!

На бегу он преломил стволы, вытащил пустые гильзы и вставил новые патроны. Сзади снова гроыхнула винтовка. Пуля прошла выше. Не сговариваясь, мы вильнули в проулок и побежали вдоль ряда разросшихся акаций. Позади, не отставая от нас, летели два коптера. Режиссерская задумка завалить на выходе двух зайцев не сработала. Зайцы оказались слишком шустрыми. Но это и раззадоривало. Охота становилась интереснее. Охотников стало меньше, зайцы вооружились и того гляди сами начнут охотиться.

Дорожка уткнулась в теплотрассу. Когда-то через неё был перекинут деревянный мостик, но теперь от него остались гнилые обломки. Насколько давно жители ушли из города? Судя по разрухе, по разросшимся деревьям и слою пыли в квартирах, лет двадцать точно, а то и все тридцать.

Я присел на корточки, заглянул под трубы. Пробраться под ними не вариант, если только предварительно поработать топором. Но это время, да и топора нет. Коптич подставил мне сложенные ладони. Я наступил, ухватился за крепление теплообмотки, подтянулся, потом протянул дикарю руку и втащил наверх. Тут же раздался крик Жестянщика:

— Вижу их! На трубе!

С высоты я разглядел обоих охотников, они стояли шагов за сто от теплотрассы, возле кирпичной коробки теплопункта. Жестянщик указывал в нашу сторону, Кромвель целился из винтовки. Ждать, когда он совместит цель с мушкой мы не стали, прыгнули в кусты по другую сторону. Чтобы догнать нас, охотникам придётся перебираться через трубы. Мы успеем уйти. Ещё бы избавиться от коптеров. Эти механические твари выдают нас с головой.

— Сбей их, — крикнул я Коптичу.

— Пусть летают. Собью, пришлют другие. Мозгокляй от такой картинки не откажется. Заяц убил охотника! — он хлопнул меня по плечу. — Такого ещё никогда не было. Мы с тобой на весь Загон прославимся, а потом и на всех Территориях. Наши портреты в каждом трактире висеть будут. Зачётно?

— Какая покойнику разница, где висит его портрет?

— Ай, какой ты скучный, Дон. Это же слава! Многих помнят после смерти? А нас запомнят.

— Это если умрём красиво. А если твари сожрут?

— О тварях можешь не думать. Твари не любят, когда много людей с оружием. Я тебе уже говорил, что они ни разу не тупые, даже когда кажутся тупыми? Будут держаться в стороне и слюной захлёбываться, но не подойдут. А если какая выскочит, — Коптич погладил приклад двустволки, — я ей обеспечу достойный приём.

— И ревуну?

— Ревун дело особое. Исключение, подтверждающее правило.

Линия пятиэтажек оборвалась, мы выскочили к широкому руслу оврага. По краю тянулась пешеходная дорожка, за смотровой площадкой справа через овраг был перекинут пешеходный мост. Часть ограждения срезана, но пройти можно. Я посмотрел на коптеры. Они как гончие вцепились в нас и не отпускали. Это действовало на нервы. Режиссёр по-прежнему надеялся свести воедино нас и охотников и, возможно, сейчас подтягивал ещё одну группу.

— К мосту, — махнул Коптич.

Поперёк дорожки лежал столб. Верхний конец зависала над оврагом, к нему проволокой был примотан труп женщины в выцветшем платье и в берцах. Плоть разложилась, солнце отражалось на костях глянцевым блеском, и только с лицевой части свисали лоскуты высохшей кожи и часть седых волос. Пробегая мимо, Коптич хлопнул ладонью по столбу.

— Привет, Сотка. Дон, поздоровайся с девочкой.

Я взмахнул рукой, хоть и не понял, зачем:

— Привет, — и с опозданием спросил. — Кто это?

— Девка из Загона. Знаю только, что Соткой кличут и что с ней здороваться принято. Говорят, удачу притягивает. Нам же нужна удача, верно?

— Верно.

Когда вбежали на мост, я ещё раз оглянулся на поваленный столб. Руки Сотки были примотаны над головой, и со стороны казалось, что она указывает куда-то. Я проследил направление. За оврагом с правой стороны от моста тянулась застройка частного сектора. Над полукруглыми шапками садовых деревьев приподнимались островерхие крыши одно- и двухэтажных домиков, сразу за ними возвышалась насыпь узкоколейки. Моя точка находилась где-то там, и значит, Сотка как бы указывала, куда нужно идти. Спасибо за подсказку, но я и без неё знаю, куда идти.

Для начала неплохо бы перебраться на другую сторону. Неизвестные строители соорудили нечто странное. От одного края оврага до другого было метров триста, но они перебросили мост не по прямой, а вопреки любой логике скосили влево, к площади, и триста метров переросли в четыреста.

На полпути нас обстреляли. Сначала щёлкнула винтовка Кромвеля, потом сухим

барабанным боем отработал калаш. Пули пролетели наискось, одна угодила в металлическую балясину и разорвала железо как бумагу. Это не Жестянщик, у того одностволка, стало быть, подоспела вторая группа охотников, и она экипирована на порядок лучше.

Снова забарабанил калаш. Коптич споткнулся, сделал несколько шагов и припал на колено. Тут же вскочил и побежал дальше.

— Нормально! — крикнул он. — Ходу, Дон, ходу!

С началом стрельбы коптеры оживились. Их было уже пять, наша история становилась всё интереснее. Первая серия должна быть в эфире, народ в Ради и у экранов планшетов беснуется. Не уверен, что мы станем героями, не каждому это дано, а вот трупами станем наверняка. В спины нам било уже два калаша. Пули рыхлили асфальт под ногами. Спасаясь, я вильнул вправо, ударился о заграждение, перевалился через него и рухнул в пропасть.

По лицу хлестнули ветки, что-то звякнуло, голова отозвалась резкой болью и свет выключился.

Открыв глаза, почувствовал тошноту и запах прелой листвы. Во рту вкус крови, в рёбрах пульсация. Попробовал шевельнуться. Руки, ноги двигаются, дышится легко, из отрицательных ощущений — жгучая боль в затылке и правом боку. За правым ухом набухла шишка. Обо что я так приложился?

Провёл руками под собой. Что-то железное, машина или лодка, точнее не разберёшь, ракурс не тот, да и сумрачно. Вместо неба — густая листва черноклёна. Но день ещё не кончился, редкие солнечные лучи, пробиваясь сквозь листву, падали на стальную обшивку...

Танк!

Это был танк. Твою дивизионную артиллерию! Чёткие прямые линии, выступающая командирская башенка. Богом клянусь, немецкий Панцеркампфваген три. Один в один как у меня в «World of tanks». Но что он здесь делает? Каким образом немецкий танк времён Второй Мировой мог оказаться в овраге посреди Развала?

Корпус был присыпан прошлогодними листьями и мелкими сучьями, из-под гусениц росли искривлённые стволы клёна и ракиты. Танк стоял здесь очень давно. Прибыл он сюда по дну оврага, это можно проследить по положению корпуса. Башня слегка повёрнута влево, ствол направлен на опору, но вряд ли задача экипажа состояла в том, чтобы разбить мост. Это нужно делать с безопасного расстояния, метров с пятидесяти хотя бы. Стрельба в упор просто обрушила бы часть пролёта на машину. В реальности танк подъехал к мосту вплотную, повернул башню и застыл. Он не был подбит. Я не увидел следов попаданий снаряда или гранаты, или коктейля Молотова. Он просто остановился. Скорее всего, экипаж устроил засаду, а потом, выполнив задачу, по какой-то причине покинул его. Не удивлюсь, если впереди за такими же кустами стоит какой-нибудь БТ или Т-26 с развороченным корпусом, а может быть, разрушенный окопчик и разбитая пушечка, например, сорокапятка. А Сотка в реальности вела корректировку огня, не зря же она указывает именно в этом направлении.

Но это всё догадки, с уверенностью можно сказать лишь одно: никто в Загоне не знал, что под мостом стоит Панцеркампфваген, иначе его давно разобрали бы на запчасти и сняли вооружение. Но ствол курсового пулемёта по-прежнему торчал из шаровой установки и был готов открыть огонь.

Такие находки случаются не каждый день и, думаю, не каждый год.

Мысль заработала чётко. Вот он мой шанс! Сотка реально принесла удачу. Надо добраться до точки, связаться с Конторой и предложить танк в обмен на мою жизнь. Для Конторы не сложно вытащить меня из шоу. Предлог придумают...

Над головой смачно харкнули, тяжёлый плевок пробил листву клёна. Я вздрогнул. Жестянщик, его привычка. Он здесь, на мосту, над моей головой, значит, и Кромвель рядом. Что они тут делают? И сколько времени прошло?

Я вытащил планшет, часы показывали тринадцать пятьдесят семь. Пять часов на маршруте. Из них часа два я пролежал в беспомощности. Они должны считать меня мёртвым.

Шаркнул асфальт, кто-то подходил со стороны тополя.

— Ну, чё там? — раздался голос Жестянщика.

— Тишина. Оператор сообщает, движения нет.

Ага, вот и Кромвель. Недобитая группа охотников собралась воедино. Вторая наверняка ушла за Коптичем.

— Я же сразу сказал, что разбился. Тут высоты метров десять, а земля внизу — камень.

— Деревья могли смягчить падение.

— Какие нахер деревья? Кусты. Мозгоклюю лишь бы жопу прикрыть. Долго мы ещё труп охранять будем?

— Сколько скажут, столько и будем. Лучше уж на мосту стоять, чем по городу бегать.

— Стоя на мосту бабла не заработать.

Получается, операторы до сих пор меня отслеживают. Если я начну двигаться, двинется маячок, снова примчатся коптеры и охота продолжится. Добраться до точки станет сложнее, и акция «танк в обмен на жизнь» окажется под вопросом. Это меня не устраивает. Нужно выждать ещё какое-то время, хотя бы несколько часов, чтобы люди по ту сторону экрана поверили в мою гибель. А пока можно осмотреть танк изнутри. Вдруг там дикари уже вытащили всё и ничего кроме брони не осталось. Надо же знать, с чего начинать торговаться.

Ухватившись за ствол пушки, я поднялся на башню. Командирский люк был закрыт, вполне возможно, изнутри. Если экипаж выбирался через низ, то осмотр на этом и закончится. Пройти тем же путём не получится. Там сейчас такие дебри, что и пробовать не стоит. Можно использовать шанцевый инструмент с брони, перерубить стволы и ветви, но тогда поднимется шум, охотники услышат и тогда ничем хорошим это не закончится.

Я ухватил створку командирского люка. Ну, Господи, сделай так... Створка пошла легко и без звука. Слава богу, один-ноль в мою пользу. Из танка потянуло затхлостью и чем-то кисло-сладким. Сейчас бы фонарик, осветить, что там внизу. Тварь туда не залезет, а вот змея... Бр-р-р. Не люблю змей.

Я потянул вторую створку. Поддалась она как и первая, легко, но издала такой скрежет, что сердце взбрыкнулось. Лицо мгновенно покрылось потом, несколько капель скатилось по вискам к подбородку.

Минуту, а то и больше я ждал реакции охотников. Ничего. То ли не услышали скрипа, то ли мне со страха показалось, что он громкий, скорее всего, второе. Внутреннее ощущение опасности помножило звук на напряжение, и в ушах он отозвался громом. А на самом деле всё не так уж и громко. Я перекинул в люк одну ногу, затем вторую, нащупал носками ботинок площадку и юркнул вниз.

— Там кто-то шевельнулся! — вскрикнул Жестянщик.

Скрип он не услышал, а моё движение углядел.

— Кто? — голос Кромвеля звучал намного спокойнее и выдержаннее.

— Откуда я знаю? Я не всевидящий. Что-то прошуршало.

— В голове у тебя прошуршало.

— Может и в голове. Но я точно слышал.

— Тогда сходи и проверь.

— Почему я?

— Потому что это у тебя в голове шуршит.

— Не, тут идти полкилометра, потом спускаться, потом по этим колдобобинам.

— Колдобинам, придурок.

— Какая разница? Показалось мне. Не пойду. Не хватало ещё с тварью встретиться.

Самое место для подражателя.

— Чего тут подражателю делать?

— Всё равно... Другие твари могут логово устроить. Язычники. А труп наверняка сожрут. Чё нам тут мучиться? Давно пора сваливать.

— Браслет по-любому доставать придётся.

— Вот пускай они и достают. Я туда не полезу.

— Полезешь.

— Не полезу! Пускай штурмовиков присылают. Дурак я что ли по этим... как их ты там назвал... лазить?

Я замер, ожидая, когда они наговорятся и успокоятся, лишь после этого продолжил. Опускать створки люка не стал. С открытым светлее. Подождал, пока глаза привыкнут к полумраку.

Через двадцать секунд внутренняя часть башни приняла очертания: открытый затвор, место наводчика, снаряды...

Я ошибся, экипаж не покидал машину, во всяком случае, не весь. На месте водителя находилось тело в серой униформе. Голова откинута на левую сторону, руки на рычагах управления. Вряд ли кого-то удастся расспросить, что здесь произошло, но водителя однозначно убили свои. Он не сопротивлялся. Пуля пробила правый висок, потому голова и откинута на борт. Других трупов не наблюдалось, хотя экипаж — четыре человека.

— Привет, Курт, — поздоровался я с водителем.

Это было первое немецкое имя, пришедшее на ум. И это действительно был немец. На рукав был нашит шеврон: на чёрном поле серебристый обвод с черепом и костями — знак танковой дивизии СС Мёртвая Голова. Можно подумать, что Великая Отечественная докатилась и досюда, вернее, её отголоски, ибо один танк погоды не делает. Но точно можно сказать, что мы и здесь победили, потому что Загон, при всех его недостатках, говорит по-русски.

Прикасаться к Курту было неприятно, но карманы куртки оттопыривались. Преодолевая брезгливость, я вытащил простенький солдатский портсигар и спички. Сигареты ссохлись в труху и рассыпались от малейшего прикосновения, спички сохранились лучше. Я чиркнул одной.

Бывать внутри танка мне до сих пор не доводилось. Первое впечатление: тесно. Плечи постоянно натывались на углы и выступы. У правого борта застыли в ряд снаряды, слева висел закреплённый на ремнях металлический ящик с надписью через всю крышку «Stielhandgranate».

Одной спички разглядеть всё не хватило, пришлось зажигать вторую. При таком расходе

коробок опустеет быстро. Я подобрал с пола сухую ветку, поджёг нижний кончик, второй вставил в смотровую щель, получилась лучина.

Рядом с ящиком висел на таких же ремнях автомат. Ай, Сотка, ай, молодец! Верно сказал Коптич — приносит она удачу. Умница девочка!

Дрожащими пальцами я расстегнул ремни, взял автомат за ствол и рукоять. Некоторые ошибочно называют его «шмайссером», но на самом деле это МП-40 с pistolетной рукоятью и пластиковым корпусом. В Call of Duty это моё любимое оружие. Вес без патронов около четырёх килограмм, приклад сложен и затылком упирается в кожух, лёгкий запах ружейного масла, от которого сразу начинаешь чувствовать себя защищённым.

Видимо, это автомат Курта, потому что рядом находились две схожих ячейки с болтающимися ремнями. Под ними на полу закрытый металлическими застёжками ящик, на крышке штампованная надпись: 9x19 Parabellum. Сверху подсумок с запасными магазинами. Проверил — заряжены. Вставил одну, передёрнул затвор, поймал в прицел через люк фигуру на мосту.

По плечам прокатилась волна нервной слабости. Захотелось надавить на спусковой крючок...

— Дымом пахнет, — донёсся приглушённый бронёй голос Кромвеля.

— Твари костёр жгут, сейчас шашлык из зайца жарить будут, — с усмешкой ответил Жестящик.

Осторожно выдохнул и опустил автомат. У меня на совести уже есть одна душа, хватит на сегодня. И на завтра тоже. И на всю оставшуюся жизнь... Зачем мне тогда автомат? Бросить его, выбраться на броню, поднять руки — пусть убивают. Им не привыкать, даже тому молодому парнишке с именем из старого фильма. А я...

А мне придётся привыкать, если хочу выжить и если хочу найти Данару и Киру. Поэтому сейчас стрелять нельзя. Цель видно плохо, листва мешает. В одного попаду, второй успеет отпрыгнуть. Раскрою своё место, свой танк, и тогда никакого обмена, средний палец мне вместо счастливого окончания шоу. Надо ждать вечера и уходить под его прикрытием. В темноте они замучаются меня искать, в том числе и коптеры.

До сумерек оставалось часов семь. Лето, темнеет поздно, да и темнота в этих краях странная, похожая на белые ночи. На какой широте расположен Развал? С одной стороны дневная жара указывает на субтропики, что-то в районе Крыма, а ночи светлые и прохладные, как в Питере. То ли погода здесь сумасшедшая, то ли я полный ноль в географии и прочих прогнозах.

Ладно, с географией после, а пока нужно осмотреть ящики. Первым вскрыл деревянный. Под крышкой россыпью лежали патроны: pistolетные. Засыпал две горсти в карман про запас. Из подсумка вытащил одну обойму, положил в ящик. Пусть здесь полежит до поры, мало ли что случиться может.

В металлическом ящике оказались гранаты. Длинные, с деревянной рукоятью. Пятнадцать штук. Такие принято называть колотушками. Я взял одну, подкинул в ладони — с пол килограмма. Корпус ровный, без насечек. Наступательная.

Сунул одну за пояс. С боевым опытом у меня паршиво, хотя в армии на полигоне показывали, как правильно метать гранаты. Опыт чисто теоретический, но, надеюсь, отбиться от пары тварей и пары беспредельщиков, притворяющихся охотниками, смогу. Длинная автоматная очередь и бросок гранаты способны положить конец любому нападению. Вопрос в том, как на это отреагирует Контора. Жизнь — самый ценный ресурс

Загона, об этом разве что немые не говорят. Однако за последнее время я успел убедиться, что это не совсем так. Пятьдесят человек были выброшены в город на съедение тварям ради сомнительного развлечения. Как жаль, что не догадался расспросить редактора, имеет ли заяц право защищаться.

Возможно, что-то написано в контракте.

Я достал бумагу. Первое же предложение вводило в ступор:

Участник шоу получает единовременно 3000 (три тысячи) статов на свой номер либо на любой иной указанный им номер.

Три тысячи статов за участие. За участие! Уроды. Они кинули меня на виртуальные бабки, на три тысячи виртуальных бабок, которые я мог потратить на вполне реальные услуги. Правда, времени на это у меня не было... Но всё равно обидно.

Дальше...

Участник не может предъявить претензии организаторам шоу в случае получения ран и увечий, а так же иных действий, приведших к его смерти.

Издеваются они что ли? Я не имею право жаловаться, если меня убьют? Тупее бреда не придумаешь. Или у них были случаи, когда мертвецы возвращались и требовали компенсацию за гибель?

Условия контракта не вызывали ничего, кроме горестной ухмылки. Я пробежался глазами по списку, комментируя каждую строчку: бред, бред — и только последняя подарила крупицу надежды:

Участник имеет право защищать свою жизнь любым доступным ему способом.

А вот это уже моя индульгенция. Никто не может запретить мне стукнуть утюгом по голове нерасторопного охотника и забрать его ружьё. Или найти автомат времён Второй мировой и покрошить всех оставшихся.

Я включил планшет: четырнадцать сорок одна. До вечера как до Китая. Можно вздремнуть, но сон не шёл. Я отвинтил крышку бутылки, сделал глоток. Вода тёплая, противная, но всё равно спасибо Коптичу, что посоветовал взять её с собой. Сам бы я не догадался — привычка человека, привыкшего жить в условиях всеобщей доступности, когда всё, что нужно, можно купить в магазине по дороге домой. А здесь не купишь, здесь даже магазинов нет.

— Пойду с оператором свяжусь, — сказал Кромвель.

Я прислушался.

— Спроси, долго нам ещё сидеть тут? — Жестянщик сплюнул. — Задолбался уже на этой жаре.

У них рация настолько дерьмовая, что не везде ловит, и чтобы связаться с оператором и узнать о положении моего маяка, им нужно куда-то идти. Вот оно как! Надо дожидаться, когда Кромвель вернётся, и уходить. У меня появится время оторваться от охотников до того, как они узнают, что я жив.

Кромвель вернулся минут через пятнадцать. Услышав его шаги, я ухватился за край люка, подтянулся и выбрался на башню. Опираясь ладонью о ствол, спустился на лобовую броню и соскочил на землю. Под стопой хрустнула ветка. Охотники не отреагировали. Жестянщик бурчал, жалуясь на жару, Кромвель зевал. Я видел сквозь листву их спины, прижатые к ограждению моста. Ни тот, ни другой моего воскрешения не ожидали.

Я уточнил координаты контрольной точки по планшету. Нужно идти на юго-запад. Овраг мне в этом не помощник, он тянулся с запада на восток, и в восточной части разделялся на три рукава. Все три уходили за пределы города. Этот путь мне не интересен. Можно немного пройти на запад, потом подняться по склону к частному сектору. Дорога не из лучших, Коптич советовал избегать узких улочек и придерживаться широких проспектов, там возможность встретить тварь ниже. Но теперь мне есть, чем защищаться.

Автомат я повесил на шею, подсумок с двумя запасными магазинами прикрепил к ремню справа, чтоб был под рукой. Пробираясь по оврагу я несколько раз давил на фиксатор и менял обоймы местами, тренируя смену на правильность. Если не спешить и не суетиться, то получалось достаточно быстро.

Дно оврага походило на свалку: строительный мусор, драные покрышки, разбитые ящики. Отходы копились годами. Поверх одной из куч лежала газетная подборка, аккуратно прошитая по краю капроновой нитью. Бумага скукожилась, пожелтела, сохранившийся текст походил на ребус. С трудом я разобрал название: «Городской Бюллетень», а рядом единой строчкой: «Печатный орган Белостановского горисполкома».

От названия повеяло давно ушедшей эпохой. Горисполкомы закончились о-го-го когда, в то время я только родился. Но благодаря отсмотренным когда-то старым фильмам в памяти восстановилась бесконечная краснота транспарантов, портреты руководителей и колбаса по два двадцать. Троллейбус, остов которого мы видели с Коптичем, из той же эпохи. И дома, и светофоры, и газировка на перекрёстках. Города в моём мире с тех пор изменились, стали более многообразными, красочными и обособленными. А этот словно законсервировали, и теперь он потихонечку разрушался. Вот где настоящий рай для съёмок фильмов постапокалиптической и советской направленности.

Я перевернул несколько листов. Названия некоторых статей можно было разобрать, но сами тексты, беспощадно обработанные дождём и солнцем, ушли в прошлое вместе с эпохой.

Слева зашуршала прошлогодняя листва. Я вздрогнул и всем телом развернулся к источнику шума. Палец надавил на спусковой крючок, выбирая свободный ход, плечи онемели от напряжения...

Из кустов выбралась кошка, уставилась на меня с подозрением, ожидая, что я предприму, зыркнула по сторонам и нырнула назад в кусты. Я выдохнул: напугала... Коптич говорил, что мутируют, только люди и собаки, но в каждом живом существе всё равно виделась тварь — страшная и желающая тебя сожрать.

От моста я отошёл достаточно далеко, чтобы не бояться быть замеченным охотниками. Они так же сидели, опираясь на металлическое ограждение, и не подозревали, что покойник ожил и благополучно свалил. Не знаю, когда у них очередной сеанс связи, но сильно сомневаюсь, что они меня догонят. Похоже, оператор тоже меня проспал. Ни одного коптера

на горизонте не было.

Цепляясь за кусты, я поднялся по склону. Ближе к гребню склон стал более отвесным, земля осыпалась, обнажив плотный песок, в котором ласточки пробурили гнёзда. Я примерился: высота около трёх метров, не допрыгнуть. Даже если использовать гнёзда вместо ступенек, всё равно не получится подняться. Песок слишком рыхлый, осыпается.

Здесь не пройти.

Дальше по откосу росло дерево. Оно наклонилось ко дну оврага, свесив над ним тонкие ветви. Можно взобраться на ствол, оттолкнуться и перепрыгнуть на край. Реальный путь и, похоже, не я первый, кто решил им воспользоваться. Кора была ободрана, земля вокруг вытоптана, а склон подкопан, чтобы удобнее было взбираться на гребень.

Я закинул автомат за спину и, прижимаясь плечом к откосу, взобрался на ствол. Носок ботинка вставил в старое гнездо, приподнялся над краем и застыл.

В трёх шагах от меня сидели на корточках двое.

Оба одеты в странную нарезку из камуфляжа и домашних треников. У одного в руках обрез одностволки и он нацелил его мне в голову. По взгляду понятно без слов — выстрелит. Слишком спокоен и уверен в себе.

Второй походил на жителя бескрайних южных степей, башкир или уйгур. Вид тоже решительный, в руках арбалет. Я плохо разбираюсь в системах, но этот явно не современный, что-то из времён упадка рыцарской кавалерии. Стальная дуга едва не звенела от натуги, бронебойный наконечник беспокойно подрагивал на ложе. Если степняк спустит боёк, болт прошьёт меня насквозь.

Как ни крутись, но два выстрела в одну голову — это много.

— Не шевелись, — предупредил тот, что с обрезом.

— Не шевелюсь, — кивнул я, облизнув пересохшие губы. Вот невезуха, ведь почти выбрался. А тут на тебе встречу на Эльбе. От одних охотников ушёл, на других нарвался. Бедный зайка...

— Молодец. Что за спиной?

— Автомат.

— Отлично. Одной рукой берёшь его за ремень, снимаешь и кладёшь на землю. Только медленно. Понял?

Я снова кивнул и сделал, как он велел: перекинул ремень через шею и положил автомат перед собой. Владелец обреза, не поднимаясь с корточек, дотянулся до оружия и притянул к себе. На лице отразилось смешанное чувство восторга и облегчения, как будто наконец-то нашёл то, что так долго искал.

— Вещь. Вот с этим уже на сушку идти можно.

Он сунул обрез в кобуру за плечом и взял в руки мой автомат. Любовно огладил затворную коробку, надавил фиксатор, проверяя, есть ли патроны в магазине, и с щелчком вставил обойму назад.

— Хороша машинка. Повезло тебе, Харитон, — согласился степняк и ткнул в мою сторону. — А с этим что делать?

— Что делать? Пристрелим. Или свяжем, пусть лежит, тварей дожидается. Но лучше пристрелить, чтоб не мучился.

Приговор не из приятных, но на душе потеплело: это не охотники. Те бы сразу связались с оператором для получения инструкций. А у этих рации не видно, да и одеты в обноски похуже, чем мне Тёща подогнала.

— Вы дикари? — спросил я.

Степняк набычился.

— Эй, издеваешься, да? Ты кого дикарём назвал? Болт в глаз захотел?

Он вскинул арбалет к плечу.

— Погоди... Погоди не стреляй...

— Что, загонщик, обосрался?

— И ты обосрёшься, если на тебя арбалет наставит. Хочешь местами поменяться?

— Разговорчивый больно!

— Знаешь, друг...

— Загонщики людям не друзья!

— Но и не враги. Чего нам ссориться? Подловили вы меня, обобрали, честь и хвала. Дальше у вас своя дорога, у меня своя. Да убери ты свой арбалет, а то ведь взаправду выстрелишь.

— Выстрелю! Слышал поговорку: хороший загонщик, мёртвый загонщик. Это про тебя! Труп в овраг сбросим, мутанты сожрут. Кости только через год найдут, а то и не найдут. А если и найдут, то иди разбери чьи, они же не подписаны. Так, Харитон?

— Так. Только пускай сначала шмотьё сбросит. В Квартирнике продадим, хоть какой-то навар. Вещички-то на нём новые.

— Верно, новые, — степняк снова дёрнул арбалетом. — Раздевайся!

Меня разобрала злость.

— А если не разденусь, что тогда?

— Убью!

— Ты меня так и так убьёшь. Нахрена мне жизнь тебе облегчать? Вещи мои нужны? Вот с трупа и снимай.

— Я тебе коленную чашечку прострелю!

— Голову себе прострели, умник. Ты не видишь, я наполовину в овраге сижу? Ты как мне в коленную чашечку попадёшь?

Харитон зафыркал.

— Ты чё ржёшь? — обиделся на него степняк.

— Прикольный загонщик. Ловко он про колено допёр.

— И чё?

— Ни чё. Сам не догадаешься? В плечо ему стрельни, сразу по-другому запоёт.

В горле запершило. Я прикрыл рот ладонью, кашлянул. Надо как-то договариваться с этими, иначе сейчас столкнутся и в самом деле плечо прострелят.

— Слушайте, мужики, ладно, давайте по мирному решать. Вы Коптича знаете?

— Коптича? Это тот мелкий придурок с Василисиной дачи? Пошёл он на хер, таракан недодавленный! Его на всех Территориях знают. Встретишь — убей сразу, дешевле получится, да и людям добро сделаешь.

Ага, Коптичем прикрыться не получилось. Репутация у него на Территориях не из лучших. Почему-то я так и думал, слишком он суетный. Но у меня оставался ещё один аргумент, очень весомый, на пол килограмма, наступательный. Вместо того чтобы басни травить, им надо было меня из оврага вытащить и обыскать.

Я вытянул из-за ремня гранату, попытался отвинтить крышку. От времени и влаги она прикипела к резьбе, пришлось поднапрячься, срывая её с места.

— Эй, ты чё там руками шевелишь? — насторожился степняк. — Ну-ка покаж, что у

тебя там?

— Ща, ребята, ща. Минутку.

Я сорвал-таки крышку и отвинтил. В ладонь из рукояти вывалился шнур. От той же вездесущей влаги он мог прогнить, но, слава Богу, цел. Впрочем, не ясно, что там со взрывателем. Они и в новых гранатах не всегда срабатывают, а уж в таком старье и подавно. Как говорил товарищ Фашист из известного фильма: пятьдесят на пятьдесят. Но другого варианта всё равно нет.

— Давай быстрее!

— Не торопи. Ща покажу.

Я поднял гранату над головой, натянул шнур.

— Нормально видно?

— Сука! — прохрипел Харитон. Лицо его вмиг посерело и вытянулось, смелость испарилась.

— Она не взорвётся, — сглотнул степняк.

— Уверен? — спросил я.

Нет, он не был уверен, но всё же кивнул.

— Старая она. Отсырела. У них взрыватели хреновые.

— Плохо ты разбираешься в немецких гранатах времён Великой Отечественной войны, сынок, — назидательным тоном проговорил я. — Но отчасти ты прав, и я сейчас объясню в чём. Если бы ты освоил пару тематических шутеров, то объяснять ничего бы не пришлось, а так слушай. Немцы начиняли свои гранаты либо тротилом, либо аммоналом. Аммонал слишком чувствителен к яркому свету и к нагреванию, и при определённых условиях может сдетонировать без непосредственного участия человека. Сечёшь фишку? Но вам повезло, потому что корпус, — я потрянул гранатой, — не нарушен коррозией и в данный момент не подвергается тепловому воздействию прямых солнечных лучей. Стало быть, что?

— Что? — в голос спросили оба.

— Граната взорвётся лишь в том случае, если сработает взрыватель. А он, по вашей версии, устарел и давно вышел из строя. Но если здесь тротил... — я сделал паузу. — Вы хорошо знаете химию?

По их лицам не сложно было понять, что они и слово такое не часто слышали.

— Не знаете? Не страшно, сейчас я наглядно покажу на примере. Так вот, тротил при долгом хранении становится более чувствительным к детонации. Понимаете, к чему я клоню? Даже если взрыватель вышел из строя, на что вы искренне надеетесь, достаточно просто бросить гранату на землю — и она взорвётся. Ну что, будем проверять, какая начинка внутри?

Они прослушали мою маленькую лекцию с большим вниманием и уважением к лектору, и на вопрос дружно ответили:

— Нет!

— Тогда давайте договариваться.

— Давай.

— Сделаем так: вы кладёте оружие на землю и спускаетесь в овраг. Я не такой отморозок как вы, оставлять вас голыми не стану. Заберу свой автомат и свалю. После этого вы сможете подняться и забрать своё барахло. Идти за мной не советую. Про шоу Мозгоклюя слышали?

— Слышали.

— Так вот, сейчас идут съёмки очередной серии. Я подрабатываю в нём зайцем, и Мозгоклюю вряд ли понравится, если за одним из его сотрудников увяжутся два дикаря-недоумка. Понимаете, что он с вами сделает?

— Зайцем? — недоверчиво переспросил Харитон и глянул на товарища. — У зайца не должно быть оружия.

— Поверь, зайцы бывают разные. Можно на такого нарваться... Вот прям как вы сейчас. Ухо уловило стрёкот. Пока я наставлял этих придурков, меня отыскал коптер. Он кружил над нашими головами голубым вертолётником, посылая сигналы охотникам. Пятнадцать минут — и они будут здесь.

Не опуская гранату, я вскарабкался на гребень.

— Кладём пушки и вниз. Быстро!

— А ты не обманешь? — нахмурил брови степняк. — Мы без оружия из города не выберемся.

Мне стало смешно. Два придурка на корточках, у одного арбалет, у другого МП-40, а над ними дебил с гранатой. Рубрика: нарочно не придумаешь. Но смеяться времени почти не осталось.

— Видите коптер? — указал я на небо. — Скоро сюда сбежится десяток охотников. Как думаете, будут они разбираться, кто из нас заяц, а кто мимо проходил?

— Держи свой автомат, — Харитон всучил мне МП, — а мы валим нахер. Хочешь, стреляй в спину, но в овраг мы не полезем. Дёру, Кипчак.

Дикари рванули по краю оврага к железной дороге. Такой исход меня тоже устраивал. Хорошо поговорили, мирно разошлись, и даже взрывать ничего не пришлось.

Быстрым шагом я двинулся вдоль подгнившего забора вглубь частного сектора. Автомат снова у меня, в душе выросла уверенность в себе, особенно теперь, после маленькой победы над двумя придурками с Территорий. Отныне любая тварь, вставшая на пути, будет уничтожена, и даже если не встанет, а просто мелькнёт где-то на обочине, то обязательно получит порцию свинцовых примочек девятого калибра. Палец на спусковом крючке чесался. Для меня это было новым ощущением. Я стал героем, которого на танке хрен объедешь, тем более что и танк у меня теперь тоже есть. Это вызывало эйфорию, ложное понимание собственной безнаказанности и бессмертности. Лекции по психологии, прослушанные в университете, давали понимание того, что это приведёт лишь к поражению, но уж очень хотелось почувствовать себя кем-то более существенным, чем жалкий заяц, чьё единственное предназначение — быть съеденным.

Коптер опустился ниже. Он двигался немного впереди, направляя камеру то на меня, то на окрестности вокруг. Я старался не замечать его. От него не избавится. Собыю этот, прилетит другой. Куда опаснее тот, кто им управляет, ибо именно он посылает охотникам сигналы моего маяка. Единственный шанс добраться до контрольной точки — скорость. Только она поможет зайчику опередить живодёров. Радовало то, что коптер был один. Значит, всерьёз за меня ещё не взялись. Появилась надежда, что где-то идёт охота на другого зайца, которому повезло меньше. Сначала добьют его, смонтируют видео, и пока Радий будет содрогаться от радостных воплей, примутся за меня.

Планшет вдруг ожил, посылая мне сигнал зуммера. Я включил экран.

Оставайтесь на месте, ждите прибытия группы штурмовиков, которая доставит вас на контрольную точку.

Вот вам привет по феншую. Какая ещё группа и почему я должен её ждать? Операторы

прикальваются? Мисс Лизхен говорила на инструктаже, что планшеты ничего кроме карты показать не в состоянии — мини-демо-версия настоящего планшета. А он, оказывается, сообщения принимает.

Я посмотрел на коптер, тот качнул крыльями, подтверждая полученную информацию, и вдогонку прилетел новый месседж:

Предыдущее сообщение подтверждаю. Оставайтесь на месте.

А если это развод? Я останусь, они подтянут охотников, и всё, Женя, до свиданья. Они же видят, что я оружием обзавёлся. Зайка стал опасным.

Только без нервов, заяц. Группа эвакуации уже выдвинулась.

Сообщение вполне себе дружеское, недоверие отступило. Ну, раз так... Я огляделся: куда присесть? С двух сторон заборы, между ними густая трава, слепни барражируют. За забором что-то вроде сарая. Проще всего забраться в него, заодно от жары спрячусь.

Присмотрелся к забору. Высокий. Чтобы махнуть через такой, надо иметь специальную подготовку либо серьёзный стимул в виде язычника на хвосте. Но можно поступить проще. Доски подгнили и болтались. Я ухватил нижний край, доска отошла легко и без скрипа. Взял вторую — тот же результат. Раздвинул, пролез в дыру. Над травой поднялась туча насекомых, облепила лицо. Отмахиваясь, протиснулся к сарайчику. Не сарайчик, а баня, дверь закрыта на щеколду.

Прилетело очередное сообщение:

Оставайтесь на месте!!!

Три восклицательных знака. Какие же вы восторженные по ту сторону экрана.

Я повернулся к коптеру, развёл руками и прожестикнул:

— Какого хера ты ко мне привязался? Я что, бегу куда-то? В баньке решил погреться, имею право, — и показал средний палец. Думал, после такого жеста прилетит сообщение в самых вычурных выражениях великого и могучего, но зуммер молчал. И слава богу, а то у меня на языке ещё много скверных слов вертелось, мог ещё чего-нибудь наговорить.

Я откинул щеколду, приоткрыл дверь. В предбаннике чисто и сухо. У стены сложены берёзовые поленья, над головой веревка, на верёвке веники и полотенце. Справа широкая лавка с кучей тряпья и ушатами.

Я перешагнул порог. Внутри не так жарко. Приставил ушаты к двери, в случае чего сработают как сигнализация. Тряпье разложил по лавке. Чёрт его знает, сколько времени штурмовики будут добираться до меня, и пока не добрались, можно поваляться.

Ноги гудели от ходьбы. Я разулся, помассировал ступни и лёг. Автомат положил на грудь. Если ушаты сработают, останется только нажать на курок...

В глаза ударил свет, под подбородок упёрся нож; одно движение — и лежать мне с перерезанным горлом.

— Имя?

— Женя! Тьфу. Донкин... То есть...

Спросонья я совсем забыл, как меня теперь зовут.

— Дон! — наконец вспомнил я. Давление на горло уменьшилось, но не настолько, чтобы сердце перестало испуганно биться.

— Один?

— Один!

— Что здесь делаешь?

— Я? Лежу! Сплю! — нет-нет, это не то, должно быть что-то другое. — Играю... Заяц
Я заяц!

— Не ори.

Нож убрали, свет погас. Я сощурился. На фоне дверного проёма проявились два силуэта. Не церемонясь, они сдёрнули меня с лавки и поставили на ноги. На поясе ни подсумка, ни гранаты, автомат валяется у порога. Как же ловко они вошли и обезоружили меня. Ничего не почувствовал. Это не дикари и не охотники. Я глубоко вдохнул, выдохнул. Бояться нет смысла, если бы эти люди хотели убить меня, то уже убили бы, вместо этого просто указали на дверь.

— Выходи.

Продолжая щуриться, я обулся и вышел из бани. Возле входа стояли ещё четверо, как близнецы похожие друг на друга. На каждом комплект «Ратника»[1], за плечами рейдовые ранцы, лица закрыты тактическими очками и масками, стилизованными под волчьи пасти. У троих АК-12 в цифровом варианте. Такие я видел лишь однажды на полигоне у армейского спецназа. Ещё двое с винторезами, у четвёртого на плече «Печенег-СП» с оптическим прицелом. Чуть выше рыхлил воздух пропеллерами коптер.

Обещанные штурмовики. Не хилая команда. У одного в руках моя граната, видимо, старший группы. Он с удивлением крутил её в пальцах, отвинтил крышку, подёргал за шнур.

— Где ты это нашёл?

Если сказать, где я её нашёл, они найдут и танк, и патроны, и Курта. На Курта насрать, не жалко его, в крайнем случае, похоронят, а вот всё остальное мне пригодится в переговорах с Конторой.

— В пятиэтажке, где от охотников прятались, — как бы нехотя проговорил я. Штурмовики наверняка могли отследить мой путь от кинотеатра до оврага, поэтому утверждать, что весь этот набор мне достался от бабушки, я не стал. — В шкафу под коробками. Номер квартиры не помню. На третьем этаже слева. Можете проверить, только там всё равно ничего больше нет.

Старший кивнул.

— Складно врёшь. Но у меня задача доставить тебя на точку, а не правду выпытывать, иначе бы ты всё мне рассказал.

— А если бы не рассказал?

— Не было ещё такого.

Он сказал это совершенно серьёзно, поэтому продолжать тему я не стал. Слишком скользкая. Тут легко на «слабо» развестись, и тогда придётся доказывать свою состоятельность, а я не уверен, что могу терпеть боль. Может, конечно, и могу, но проверять как-то не хочется.

— Возвращаемся, — приказал старший.

— Мужики, — взмолился я, — убейте, но без автомата не пойду. Мне без него край.

Старший кивнул:

— Верните ему, — и протянул гранату. — Держи. Сам только не подорвись.

Выбирались мы через дыру в заборе, которую проделал я. Первыми шли два стрелка, замыкал здоровяк с пулемётом. В разговорах между собой старший группы называл его Гномом. Хорош Гном, не каждый великан с таким сравнится.

Мы вернулись к оврагу и вдоль обрыва двинулись к мосту. Штурмовики шли расслабленно, но это было напускное. Каждый внимательно отслеживал свой сектор. Коптер

плыл над головами, исполняя роль разведчика. Старший держал постоянную связь с оператором, сверяя маршрут с его данными. Удобное взаимодействие. Сверху легче заметить опасность и среагировать на неё. Плюс экипировка, оружие. Да и подготовка на порядок лучше курса молодого бойца, усиленного мной в армии.

Где-то впереди громко щёлкнуло, как будто доску переломили. С деревьев поднялась стая галок, возбуждённо загалдела, сделала круг над головами и полетела к центру города. Мы дружно присели. Стрелки прикрыли периметр, коптер рванул к источнику шума. Мне тоже захотелось поучаствовать в действии. Разложил приклад, прижал МП к плечу, взял на мушку двери ближайшего дома. Вряд ли оттуда выйдет кто-нибудь страшный, но других целей я просто не видел.

Старший стукнул пальцем по гарнитуре и сказал:

— Внимание всем. Держим сектор. Гном, сдвинься к оврагу, глянь, что внизу.

Через секунду прилетел ответ:

— Склон чистый. На дне всё как обычно, командир: деревья и мусор. Ничего не меняется.

Тембр голоса такой, словно хозяин вечером пива перебрал, а с утра у него голова трещит, и от того, что нельзя похмелиться, он на всех огрызается.

— Принял. Всё равно поглядывай, не забывай.

Старший хлопнул меня по плечу.

— Расслабься, заяц. Ты здесь пассажир, а не охранник.

Он достал монокуляр и стал осматривать линию домов по ту сторону оврага.

— Часто зайцев выгаскивать приходится? — спросил я.

Обсуждать тему он не хотел. Он вообще не хотел со мной разговаривать. Плевал он на всяких там мелкопушистых. Но меня распирало от желания поговорить, пусть даже с самим собой.

— Ты наверно думаешь, вот же поганый заяц, чего не сдох на первом этапе, да? — мне было всё равно, слушает он или нет. — А теперь приходится рисковать своими людьми, чтобы вытащить его из этого говна. Да кто он такой? Всего лишь тупое вислоухое животное, предназначенное на убой. Никакой он не человек, так, палочка в отчёте. Да и отчёта наверняка никакого нет, максимум — картинка на экране, которую будут помнить, пока режиссёр не смонтирует новую. И не важно, что у этого зайца где-то больная жена, шестилетняя дочка. Что с ними, где они? Всем насрать. Значение имеет лишь цвет майки и количество статок на счёте. Сплошное паскудство! Концлагерь с элементами постапокалиптического общества, где для того, чтобы выжить, нужно гнобить себе подобных.

На ответ я не надеялся, но старший опустил монокуляр и посмотрел на меня с иронией.

— Ты ведь не местный, так? Из-под станка выбрался?

— Это делает меня унтерменшем[2]?

— Ты ничего не знаешь об этом мире, Женя Донкин. Ты ничего не знаешь о Загоне, Развале, Квартирнике, Водоразделе, о прочих Территориях. Объяснять нет смысла, завтрашний день ты не переживёшь, и поэтому да, для меня и моих ребят ты тупое вислоухое животное, предназначенное на убой. Твои рассуждения о жене и дочери — сотрясение воздуха. Их судьба действительно никому не интересна. Все, кто живёт по законам цветовой гаммы... Как ты сказал? Унтерменш? Да, вы такие и есть. И это не концлагерь, это ваше собственное говно, в котором вы варитесь и которое жрёте. Вы не делаете ничего, чтобы

подняться над этим и стать людьми. Вы — шлак! И вы останетесь шлаком.

О как! На минуту я растерялся. Думал, поделиться накипевшим, вызвать сочувствие, а меня взяли и мордой в собственные отходы — на тебе, на! Не дать ли по нему очередь? Он хоть и штурмовик, и в бронике, но вдруг получится? А не получится... Если завтрашний день я не переживу, тогда какая разница: днём раньше, днём позже?

Я убрал палец со спускового крючка. Можно сколь угодно злиться на всю его отповедь и каждое слово в отдельности, но этот ратник прав. Ни я, ни моя семья никому не интересны. Что с нами будет, как... Губы скривились в ухмылке.

— Нехило ты меня размазал.

— Обращайся. Но раз понял и не обиделся, добавлю премиальных: ты первый заяц, которого приказано вытащить. И ты первый заяц, у которого выросли клыки.

Он кивком указал на МП.

Да, это действительно мои клыки, а ещё коготь наступательный за поясом торчит. А если бы он знал про засадный полк под мостом, то расцеловал бы меня в обе щёки и нёс остаток пути на руках.

— Впереди чисто, — сообщил оператор.

— Что там было?

— Охотники на подражателя нарвались.

— Помощь требуется?

— Нет, помощь не требуется, сами справились. Одного поцарапали, но до точки доберутся самостоятельно.

— Принял. Группа, вперёд.

Стрелки продолжили движение. Оставалось перейти пустырь, заросший золотарником, за ним находился мост, вправо уходил ряд пятиэтажек, по широкой дуге огибающий частный сектор. На дороге стояли три электроплатформы, на передней знакомая по Северному внешнему посту зенитка.

Приблизившись, я заметил ещё двоих штурмовиков. Один сидел на платформе за рычагами зенитки, второй поднялся из-за моста и взмахнул рукой. В груди ёкнуло: если он нашёл мой танк, то о договоре с Конторой придётся забыть.

— Как у тебя, Твист, тихо?

— Нормально, командир. Стая пёсо по оврагу проскочила, след чей-то взяла, но вас услышала и дальше рванула...

Это они мой след взяли, а танк штурмовик, стало быть, не нашёл.

— ...И ещё стреляли недавно. Из дробовика. Наверное, те охотники, которые на мосту стояли, — он смотрел на меня с нескрываемым любопытством, как на диковинку. — А это и есть тот заяц? Какая у него игрушка интересная. Где артефактом разжился, ушастый? Археолог что ли? Или как там... Чёрный копатель.

— Ещё и взрыватель, — ответил я, накрывая ладонью колотушку.

Он едва сдержал смех.

— Ага, вижу. Хорошая вещь, не потеряй.

— Не лезь к нему, Твист, — остерёг штурмовика старший и приказал. — Все по местам. Заяц со мной.

Штурмовики погрузились на платформы. Мы с командиром и пулемётчиком сели на последнюю. Внешне она походила на лёгкий немецкий бронетранспортёр времён Великой Отечественной. Такая же ботиночная форма, только моторный отсек более укороченный, а

вместо гусениц четыре колёсные пары. Борта из бронелистов, украшенные пикселями. С каждой стороны по три бойницы. Гном установил пулемёт на площадке заднего борта, получилась турель. Твист сел за рычаги.

Платформы вывернули с обочины на дорогу между пятиэтажками и частным сектором. Первой шла платформа с зениткой, стволы смотрели на заросшие сорняками участки. Шли не быстро, километров сорок в час, хотя дороги были в хорошем состоянии. Асфальт кое-где потрескался, но ни ям, ни мусора не было, как будто их специально чистили и латали.

Из травы поднялся пёсо, спокойно, как на демонстрации моды, даже хвостом вильнул. Я привстал, пытаюсь лучше рассмотреть его. Огромный, в холке мне до пояса. Он высунул язык и дышал часто, словно обычная собака. Казалось, он сейчас подхватится, побежит за нами, залает... Я указал на него старшему, тот кивнул и отвернулся.

Одинокий пёсо никому, кроме меня, не был интересен. Будь тут целая стая, то и тогда бы на неё никто не обратил внимание. Это в моих глазах каждая тварь выглядела монстром из кошмаров, для штурмовиков они давно стали неотъемлемой частью этого мира, чем-то привычным и своим.

Частный сектор закончился, справа потянулся глухой бетонный забор с колючей проволокой по верху. Колючка появилась недавно, на бетоне сохранились следы от ожогов сварки.

Подъехали к воротам. Сбоку притулилась приземистая проходная, окна заделаны кирпичом, оставлены только бойницы. На крыше гнездо под брезентовым тентом. У наблюдателя лицо недовольное и красное, наверное, от жары. Экипировка самая простая — камуфляж, вместо каски — бандана. К штурмовикам он не имел никакого отношения, обычный охранник, видимо, очередной внешний пост, хотя вывеска над воротами сообщала другое: «Троллейбусное депо № 11».

Из проходной вышел ещё один в камуфляже. Прошёл вдоль платформ, взгляды в штурмовиков. Попросить снять маски и показать лица не осмелился. Смерил меня долгим взглядом и махнул кому-то:

— Открывай.

Ворота отъехали со скрежетом, будто их по асфальту тянули. В глубине за воротами стояла стена из бетонных блоков, из щели торчал ствол пулемёта. Я сразу определил: «Максим» образца тысяча девятьсот десятого года. Такой ни с чем не перепутаешь. Он словно шагнул со страниц учебника истории, с фотографий Первой мировой и Гражданской: широкое тупое рыло, гладкий кожух. Проезжая мимо, Твист снова ляпнул что-то про археологию, но здесь он стопроцентно не прав. Пулемёт, может, и старенький, но пули калибра семь шестьдесят две сделают решето из любого, кто рискнёт войти в сектор его обстрела, тем более на такой дистанции.

[1] Российская боевая экипировка, включающая шлем, бронежилет, комбинезон, ботинки с высоким берцем, защитные щитки, универсальный ранец. Общий вес до двадцати килограмм.

[2] В немецкой нацистской идеологии недочеловек.

На стоянке в несколько рядов стояли троллейбусы. Некоторые казались новенькими, ни одного разбитого окна и пробитой крыши. Прямо от ворот — трёхэтажное административное здание, слева ремонтное депо. Большую часть территории занимали грядки. То ли местная охрана решила улучшить своё меню, то ли Контора, заботясь о жителях Загона, а вернее, желая содрать с них лишний стат, разместила под защитой бетонных стен сельскохозяйственные угодья. Скорее всего, второе, потому что на грядках среди капусты, кабачков и прочей зелени копошились фигурки в клетчатом.

Платформы свернули на стоянку и остановились. Старший кивнул: выходим, и направился к открытым дверям администрации. Я посмотрел время: восемнадцать ноль три. Уже вечер. Солнце поумерило пыл, жара становилась мягче, самое время бежать на речку купаться, смывать с себя дневную усталость и напряжение. А сегодняшний день напряг меня выше всяких сил. Первое, и самое главное, я стал убийцей. Никогда бы не подумал, что такое возможно, даже в армии, когда нас специально готовили к чему-то подобному. Я убил человека. Убил! И не важно, что это была самозащита. Факт содеянного переводил меня в другую ценовую шкалу. Внутри что-то щёлкнуло. Пока не понятно что, но это уже не тот Евгений Донкин, бариста из маленькой кофейни на четвёртом этаже торгового центра, приятный в общении человек. Теперь я Дон, зашлакованный на всю голову загонщик. В руках автомат, за поясом граната. Готова ли Данара видеть меня таким? И готова ли к такому отцу Кира?

У входа на табуреточке сидел охранник. Коричневая рубашка расстегнута чуть не до пупа, на коленях укороченная двустволка, рожа не брита недели две. Увидев штурмовика, он встал, но с неохотцей, как будто по принуждению. Штурмовиков здесь однозначно недолюбливали, а может и не только здесь. Штурмовики местное население игнорировали, хотя, сдаётся мне, при желании могли нагнуть всех раком и отыметь так, что любая нимфоманка позавидует.

Мы прошли мимо. Охранник шумно выдохнул и плюхнулся на табурет. Я услышал, как скрипнуло дерево под его сидалищем, а следом прозвучало крепкое словечко. Старший не отреагировал, хотя тоже услышал, только покачал головой.

Мы поднялись на третий этаж. В широком фойе было прохладно. На полу ковры, в углах кадки с пальмами, под потолком кондиционер. Чуть дальше небольшой бар; на зеркальной стене полки с бутылками, судя по этикеткам что-то очень не дешёвое. Ещё дальше — столики и кухня. Тоже всё не дешёвое.

Весь этаж походил на нечто фешенебельно-эсклюзивное, и точно предназначалось не для сотрудников Загона, а для более привилегированных граждан. Таковых на этаже оказалось двое — Мозгоклой и его мисс Лизхен. Оба сидели у бара. Толстуха сосала коктейль через трубочку, перед Мозгоклом стоял коньячный фужер.

Когда мы вошли, Мозгоклой встал. Его немного покачивало, уже успел принять.

— Рад видеть тебя, Мёрзлый, — приветствовал он штурмовика. Приветствие выглядело чересчур подобострастным, шоумен даже голову склонил.

Штурмовик сел рядом на стул, снял маску, очки. Лучше бы не снимал. На вид за пятьдесят, гладко выбрит, нос тонкий, острый, губы тоже тонкие, искривлённые. От переносицы к правому уху протянулся двойной шрам, на месте глаза затянутая жёлтой

кожей впадина. Отталкивающее зрелище. Для того, что бы выпытать у кого-либо самую секретную военную тайну, ему достаточно просто снять маску и назвать своё имя. Никто молчать не станет, во всяком случае, я точно всё расскажу.

Бармен поставил перед ним высокий стакан с водой и склонился над кофеваркой. Мозгоклюй тихо заговорил, бросая в мою сторону косые взгляды. Речь явно шла обо мне. Я придвинулся, но Мозгоклюй почти шептал, и мне удалось уловить только интонацию. Мёрзлый сидел как замороженный, лишь когда бармен поставил перед ним чашку с кофе, немного оттаял и проговорил:

— Есть решение, ты обязан его выполнить. Не нравится, можешь вернуться в жилые блоки.

И ни слова больше — жёстко и по делу.

Мозгоклюй снова скосился на меня. Во взгляде не было ничего доброго, не было даже интереса, как у Твиста, одна сплошная злоба. Чем я ему так насолил? Афоню утюгом забил? Так тот сам подставился, да и контрактом не запрещено убивать охотников.

Я положил автомат на стойку и хлопнул ладонью, привлекая внимание бармена.

— Уважаемый, чашечку ристретто и бутерброд, — в животе заурчало. — Три бутерброда.

— Столовая для шлага двумя этажами ниже, — невозмутимо ответил бармен.

Я вытащил гранату и положил рядом с автоматом.

— А так?

Бармен посмотрел на Мёрзлого. Штурмовик кивнул:

— Обслужи. И водочки ему налей. У парня стресс, пусть расслабится.

Лизхен, увидев гранату, закашлялась и встала.

— Мне нужно отойти.

Мозгоклюй кисло улыбнулся:

— Хорошо, дорогая, ступай.

Мёрзлый тоже встал. К кофе он не притронулся.

— Я свою задачу выполнил, дальше разбирайся сам, — и подмигнул мне единственным глазом. — Удачи, заяц, — и быстрым шагом направился к выходу.

Бармен поставил передо мной заказ. Я выпил и щёлкнул пальцами, указывая на пустую стопку: добавь. Взял бутерброд, закусил.

— Тебя заметили, поздравляю, — проговорил Мозгоклюй.

Если меня заметили, значит, ряды фаворитов стали на одного зайца шире. Что-то подобное я и предполагал, когда получил сообщение о штурмовиках. Кого-то из невидимых любителей шоу впечатлил мой оригинальный способ обращения с утюгом, и он решил поставить на меня немножечко ставок. Заяц, заваливший охотника! Это как минимум любопытно. А теперь я ещё автомат добыл. В овраг падал без автомата, а вылез с автоматом. Однако, казус! Надо быстрее договариваться с Конторой, пока кто-нибудь шибко умный не пришёл к такому же выводу.

— Ты как будто не рад, — дожёвывая бутерброд, сказал я.

— А чему радоваться? — Мозгоклюй взял фужер и с кислым видом опрокинул в себя. Закусывать не стал, ограничился тем, что с шумом втянул воздух носом. — К чему мне ещё одна ставка? Чем больше ставок, тем ниже шанс, что сыграет собственная... Что ж ты не сдох под этим мостом, а? Теперь, видишь ли, надо по-честному. Слово-то какое глупейшее: по-честному. Как будто чеснока объелся.

— Чеснок не любишь?

— Не люблю.

— Ну так я тебя от него избавлю.

— Избавишь? Как ты меня избавишь?

— Хочу договориться с Конторой. Могу предложить ей кое-что в обмен за выход из шоу.

— За выход? — Мозгоклюй заклокотал от смеха, изо рта полетела слюна. — Ты о чём, шлак? Ты до сих пор не понял? На тебя поставили! Крупно поставили! Договориваться с тобой никто не станет, и выход у тебя теперь один: через ворота Загона. А лучше сдохни сразу. Вон у тебя автомат. Застрелись, падаль!

Его повело. Бармен добавил в его фужер коньку, шоумен выпил и замахал на меня:

— Пошёл отсюда, шлак. Давай, давай! Расселся. Заслужи сначала, как я...

Он опустил голову на стойку, а бармен знаками стал показывать: уходи.

Я допил водку. Прав Мёрзлый, у меня стресс, причём, длится уже неделю, а водка пусть и не лучший способ вылечить душу, но облегчение даёт. Да ещё такая мягонькая, идёт по пищеводу как родная.

— Бутылку дашь с собой? — наглея от хмеля, спросил я.

— Только уходи быстрее, — ставя бутылку на стойку, ответил бармен.

— Так и сделаю. Где здесь обитают такие, как я?

— В депо ночлежка, а на первом этаже столовая.

— Лифт есть?

— Издеваешься? Сейчас охрану вызову.

В голове приятно крутилось, так что да, я немножко над ним издевался. Имею право, у меня всё-таки стресс.

— Ладно, не кипятись. Слушай, если уж ты такой разговорчивый, скажи, чё за место? На рай похоже, — я приложился к горлышку. Наклюкаюсь сегодня не хуже Мозгоклюя. — Никак не думал, что здесь такое может быть. Коньяк, водка, ты весь прилизанный, бутерброды с икрой. И главное, хрусталь везде, ковры, красиво. До этого самым красивым местом была столовка в жилом блоке.

— Ты совсем обнаглел, шлак? Ты не имеешь права здесь находиться, — наклоняясь ко мне, зашипел бармен.

— Меня Мёрзлый привёл...

— Вот поэтому тебя до сих пор с лестницы не спустили. Но спустят, если сейчас же не уйдёшь!

— Ой, какие мы тут нервные. Кофию перенюхались? — меня всё больше разбирал смех. Я повесил автомат на шею, взял гранату, постучал по стойке. — Орехов нет? Могу расколоть парочку, будешь посыпать ими бутерброды.

Бармен побледнел и отступил к стене. Сзади раздались шаги. Я обернулся: трое. Лиц не разглядел, всё как-то смутно. Приложился к горлышку и начал сосать, словно телёнок мамку. Кто его знает, может они бутылку отнять пришли. Когда последняя капля легла на язык, подумал: а теперь делайте, что хотите. И отрубился.

Никогда я не пил столько. Бутылку в одно рыло! Знающие люди говорили, что с плохой водки поутру раскалывается башка, во рту сушь, руки трясутся. У меня ничего не болело и не тряслось, только лёгкий озноб и ощущение стыда. А ещё жажда. Пошарил ладонью возле

пояса, ни фляжки, ни гранаты. Автомата тоже не было. Резко вскочил. Половину помещения занимали двухъярусные нары, как в жилом блоке, только без перегородок и занавесок. В окна во всю лупило солнце, на соседних нарах пацан лет шестнадцати давил на кнопки планшета, при этом звук знакомый, как будто волк яйца ловит.

— Очнулся? — покосился он на меня.

— Сколько время?

— Половина девятого.

— Сколько?

Я нагнулся к счётчику, задрал брючину. До взрыва оставалось двадцать семь минут с копейками. Твою мать! Что ж теперь...

— Техник сказал, как очнёшься, чтоб к нему шёл, — сказал паренёк.

— Где он? — чуть не взвыл я.

— В столовке. Завтракать пошёл. А ты молодец, хорошо вчера того охотника...

Дослушивать, что там было с охотником, не стал. Рванул к дверному проёму. Прошли и стыд, и озноб. На улице закрутил головой: где администрация?

Ночь я провёл в депо, переделанном под общежитие. Спасибо тем, кто меня перетаскивал, могли и на газон бросить. Ага, вон она, где и вчера — напротив ворот. Я побежал. В ботинок попал камешек и при каждом шаге впивался в пятку. Закон подлости в действии. Но это не та боль, ради которой стоит останавливаться. Настоящая боль будет, если не успею вовремя добраться до техника.

Я вбежал в столовую. За длинными обеденными столами сидели люди и все словно на одно лицо. Я встал посреди прохода и рявкнул во всё горло:

— Кто из вас та сука, которая в бомбах разбирается?!

Меня колотило. На счётчике оставалось двадцать пять минут, и неизвестно, здесь ли техник, и если здесь, то сколько времени ему потребуется на ввод новых данных. Я обвёл зал взглядом. Меня узнали. Народ смотрел с удивлением и страстью, того и гляди особо нервные подбегут за автографом.

Я стал знаменитостью, что не удивительно, поэтому на меня и поставили. А ставки начинают играть на третьем этапе. Нужно срочно обнулить счётчик, иначе с оторванной ногой пулю мне в голову, а не третий этап.

За крайним столом поднялся мужчина в синем, махнул, подзывая. Я подошёл быстрым шагом, поставил ногу на скамью, задрал брючину. Он глянул мельком на счётчик, включил планшет, начал водить пальцем по экрану.

— Ты можешь быстрее?

— Что, зайчик, страшно?

— А давай на тебя эту хрень навесим и посмотрим: будет тебе страшно или нет? Все вы смелые, пока не коснётся...

— Ладно, не бурчи. Ща сделаю.

Он навёл планшет на счётчик, набрал код, счётчик обнулился, на табло замерли новые цифры: двадцать четыре ноль-ноль, — но по нисходящей не побежали, застыли на месте.

— Отсчёт начнётся в десять часов, — пояснил техник. — Теперь намного интереснее будет. Смотрел шоу раньше? Нет? Всё в прямом эфире. С каждым зайцем по три коптера пойдёт, чтоб ничего не упустить.

— А много нас осталось?

Техник сел за стол доедать. Меню у него было не для шлака: манная каша, белый хлеб с

маслом и сыром, кофе. Я бы сам от такого завтрака не отказался.

— Девять, — жуя, ответил он. — Дай планшет.

Я протянул, он сделал несколько кликов, вывел на экран таблицу.

— Здесь все, кто остался: имена и ставки. Ты покушай, зайчик, времени осталось немного. Мозгоклюй лично будет тебя провожать.

Не слушая, я сел на лавку и просмотрел таблицу. Меня интересовал Коптич. В списке его имени не было. Отбегался дикарь. Жаль, прикольный был мужичёк. Хоть и было у него ружьишко, а всё равно припечатали. Надеюсь, парочку охотников он с собой уволок.

Я просмотрел ставки. На меня поставил всего один человек. Но это должен быть очень влиятельный в Загоне человек, который смог послать за мной местный спецназ, а командир этого спецназа тихим и уверенным голосом потыкал Мозгоклюя мордочкой в реальность. А за шоуменом наверняка серьёзные силы, ставки, и ещё один фаворит для них явно лишней. За плотным занавесом тотализатора сокрыто такое множество интересов, что нужно быть по-настоящему значимой фигурой, чтобы вот так взять и всех подвинуть.

Кто ж мне так подгадил? Своей ставкой он закопал меня в землю по самый козырёк. Как-нибудь, но я бы договорился с Конторой и обменял жизнь на танк. А теперь что? Была эмпешечка, с которой можно было куда-то добраться, но и её забрали, а заодно подсумок с запасными обоймами и колотушку.

Чёрт с вами, позже посмотрим, что с этим порешать можно, а пока надо подкрепиться. Прав техник, до начала этапа времени осталось мало, а чтобы хотя бы попытаться дойти до финала, я должен быть сильным.

На раздаче мне дали тарелку манной каши с маслом, белый хлеб, сыр и два листа крапивницы. Листья я припрятал в карман, остальное съел. Попросил повара заправить мою импровизированную флягу водой, и вышел на улицу. Возле ворот монтажки установили стационарную камеру и софиты, рядом на стоянке разместился фургончик с надписью во весь борт «Операторская». Стайка девчонок лет по восемнадцать-двадцать пили кофе из жестяных кружек, болтали. Неужели они и есть операторы? Неожиданно. Слишком молодые, слишком... Каково это в таком возрасте выискивать жертву, следить за ней, а потом наблюдать её смерть?

Одна окликнула меня:

— Эй, заяц, а ты крутой. Жаль, нам запрещено делать ставки, я бы на тебя поставила.

Высокая. Тёмные волосы свободно лежат на плечах, стальные глаза обведены чёрным косметическим контуром, узкие скулы, влажные губы. Фигура стройная, одежда не загоновская — джинсы и светлая майка. Ей не коптером управлять, а по подиуму ходить.

— Как зовут, красавица? — спросил я, стараясь держаться раскованно.

— Алиса.

— Алиса? Как в стране чудес? Это ты за мной на вертолётке катаешься?

— И сегодня тоже буду. До самого конца.

— Привет тебе передам перед смертью. Если успею.

— Буду ждать.

Нормальный разговор смертника и нигилистки[1]. Если бы мы встретились где-нибудь в кафе или на скамейке в скверике, я бы попытался объяснить ей, что многое из того, что для неё является поверхностным и незначительным, в действительности даёт нам возможность жить и оставаться людьми. Но сейчас любые мои попытки объяснить что-либо пройдут мимо её сознания. Что такого правильного и нужного может сказать человек, жизнь

которого скоро оборвётся на твоих глазах? Я сейчас баран, которого ведут на убой, а она будет снимать эту картинку, стараясь сделать её более привлекательной для зрителя.

При такой работе сложно не стать нигилистом.

Из проходной вышел Мозгокляй в клоунском наряде при цилиндре и с тростью.

— А, ты уже здесь, — констатировал он недружелюбным тоном. — Вставай на площадку, порепетируем.

Откуда-то вынырнула мисс Лизхен, взяла меня под локоть и повела к камере. Там уже стояла женщина, похожая на несущийся самосвал. Я кивнул ей, как старой знакомой, она презрительно скривила губы.

Мозгокляй критично осмотрел нас обоих и повернулся к ассистентке.

— Элизабет, забор — не тот фон, который нам нужен. Слишком упрощённо. Надо что-то более... Поставь их хотя бы возле этого укрепления, — он указал на ограждение из бетонных блоков. — Женщина пусть прислонится и скрестит руки. И лицо пожестче. Ага, вот так. А этот... Пусть стоит, как стоит.

Покончив с творческими тонкостями, Мозгокляй ещё раз осмотрел нас. Выражение лица по-прежнему оставалось недовольным.

— Значит, так. Передача пойдёт в прямом эфире. Я скажу несколько слов, камера перейдёт на вас, вы помашете ручками — и в путь. Вопросы есть?

— Автомат мой где? — спросил я.

— Что? Какой автомат?

— Мой автомат. Тот, который вчера висел у меня на шее.

Мозгокляй сморщился, как будто хватанул кислого.

— Зайцу не положено.

— Без автомата не пойду, — твёрдо сказал я. — В контракте не указано, что у зайца не может быть оружия. Так что или давай назад, или сам гуляй по этим развалинам.

Шоумен несколько секунд стоял, осмысливая информацию, и вдруг вздыбился.

— Ты кто такой? Труп ходячий! Не пойдёшь? Здесь, пёс, и сдохнешь! На куски прикажу тебя резать! Лёгкой смерти не получишь!

Он брызгал слюной, а у меня ни одна струнка не дрогнула. Труп? Ну да, труп, или почти труп, ибо маленький процент добратся до ворот Загона всё же существует. На куски порежет? Не порежет. Большой медвежий хрен ему на воротник. Если меня сюда специальная команда доставила, значит, я им нужен, и тут уж скорее его порежут. Так что поверх медвежьего может свой пришить, чтоб шею сильно не натирало.

— Сам меня резать будешь или подружке своей тупоумненькой поручишь? — с издёвкой спросил я, когда шоумен поутих.

Глаза Мозгокляя снова полезли вверх. Лизхен икнула и открыла рот. Охранники у проходной и девчонки-операторы подошли ближе. Я поймал взгляд Алисы: напряжённый и чуть прищуренный.

Из здания администрации вышли несколько человек: один гражданский и трое штурмовиков. Мозгокляй потоптался на месте и пошёл им навстречу. Гражданский заговорил. Разговор для моих ушей не предназначался, но всё же несколько слов я ухватил:

— ...так даже интереснее...

Гражданский стоял ко мне полубоком, одну руку держал в кармане брюк, второй помахивал на ленинский манер. Однозначно, положенец, причём, достаточно высокого положения положенец. Конторщик. Одет в лёгкий летний костюм, на голове шляпа.

Слишком много на моём пути стало встречаться людей, не принадлежащих к цветовой шкале ценностей Загона. Они, как и дикари, могут позволить себе роскошь одеваться не по статусу.

— Кто это? — спросил я у самосвальши.

— Ты совсем шлак, — сплюнула она.

— Извини, я здесь всего неделю, не со всеми успел познакомиться.

— Неделю? И уже в шоу? Ну ты точно шлак. Только конченный урод может так быстро опуститься. Это Толкунов, человек из Конторы. Видишь, как Мозгоклюй о его штаны трётся?

Шоумен стоял перед конторщиком сгорбившись и переминаясь с ноги на ногу, словно набедокуривший ученик перед учителем, хотя сам тоже положенец. Получается и положенец положенцу рознь. Говорили они недолго, Толкунов дал инструкции Мозгоклюю и отошёл к операторскому фургону. Мозгоклюй вернулся к нам.

— Верните ему автомат, — через силу проговорил он.

— И подсумок с гранатой, — с вызовом добавил я.

— И подсумок, — повторил Мозгоклюй.

После этого он десять минут объяснял нам, как нужно стоять и что говорить. Подошёл техник, закрепил мне поверх банданы миникамеру. Мисс Лизхен напомнила о времени:

— Три минуты до эфира!

Мозгоклюй подобрался, гримёрша подправила грим, зажглись софиты. Мгновенная суэта — и все успокоились. Мисс Лизхен пальцами начала отсчитывать последние секунды. На четвёртой заиграла музыка из «Кабаре»:

Money... Money...

Выждав ещё две секунды, Мозгоклюй начал отстукивать степ. Получалось замысловато. Он делал всё на полусогнутых, успевая при этом жонглировать цилиндром и тростью и широко улыбаясь. Он ещё и петь умудрялся на английском. На ужасном английском. Некоторые слова он коверкал так, что я со своими университетскими знаниями едва понимал их смысл. Но для зрителей Радия такой набор латиницы вполне сойдёт, вряд ли среди них найдётся хотя бы десяток человек, знающих английский на уровне популярных мюзиклов семидесятых годов прошлого века.

Музыка пошла на спад. Мозгоклюй изящным жестом нахлобучил цилиндр на голову и ткнул тростью в объектив камеры.

— Привет мой зритель! Рад видеть тебя снова!

В это время, наверное, тысячи глоток должны были извергнуть из себя нечто ликующее, потому что Мозгоклюй выдержал паузу секунд на пять.

— Начался отсчёт последнего этапа. Девять участников, девять наших фаворитов отправляются в путь, в надежде добраться до ворот Загона. Вы успели сделать ставки? Ставки сделаны, ставки больше не принимаются! В течение следующих суток мы узнаем имя нашего героя. Даже если судьба обойдёт его своим участием, и он не сможет пройти через ворота, он так или иначе станет победителем, ибо имя последнего погибшего навсегда будет выбито на стене памяти чемпионов шоу Мозгоклюя!

За весь этот пафос мне хотелось удавить его ремнём от автомата. Просто накинуть на шею и затянуть, покуда язык не вывалится изо рта. Вот только вряд ли мне позволят сделать это. Выступление Мозгоклюя зрителям нравилось; на него смотрели как на полубога, как на

мечту. Фанаты, чёрт их побери.

— К сожалению, мы не можем поговорить с каждым из этой великолепной девятки, — Мозгоклой сморщил рожицу, как будто ему грустно, — однако двое присутствуют сейчас здесь, у проходной Троллейбусного депо номер одиннадцать, и уж я постараюсь задать им несколько интересных вопросов.

Он подступил к самосвальше. Ту распирало от счастья. Дура. Счастье перед кинокамерой мимолётно, и стоит ей выйти за пределы съёмочной площадки, как она тут же превратится в жертву. Но аналитический анализ не её конек. Мозгоклой спрашивал, а она, захлёбываясь от восторга, передавала ему историю своей жизни. Жизнь оказалась недолгой. Двадцать семь лет, из них четыре в Загоне. Сотрудничала в столовой второго блока, потом сборщицей крапивницы. Устала, подписала контракт. Между «сборщицей» и «подписала» на самом деле всё намного сложнее. Лицо в шрамах, губы и уши расплющены, то ли дралась, то ли сваи заколачивала, короче, жизнь не сложилась.

Мозгоклой перехватил трость словно микрофон.

— А теперь пожелаем нашей участнице удачи и благословим в путь. Беги, зайка, беги!

Самосвальша взмахнула рукой и трусцой побежала к воротам. Камера проследила за ней и повернулась ко мне.

— И вот наш следующий заяц, — Мозгоклой повернулся ко мне. — Вы должны помнить его. Номер тридцать семь! Тот самый, который едва не лишил старосту третьего жилого блока самого сокровенного — жизни! А вы что подумали? Ха-ха! Я нашёл его в камере Смертной ямы. «Элизабет! — воскликнул я. — Это то, что нам нужно. Загляни в его глаза. Из этого донора получится неплохой заяц». И не прогадал! Все вы видели, как он массировал утюгом рожу незадачливого охотника. И — о, чудо! — где-то раздобыл это архаичное оружие. Кстати, тридцать седьмой, где ты его нашёл?

Набалдашник трости оказался у моего рта.

— В баньке... Я туда залез, когда штурмовиков ждал. Оно там под лавочкой лежало.

— Ха-ха, он ждал штурмовиков в бане! Какая великолепная шутка! — объективы камер все как одна повернулись ко мне. Мозгоклой скрючил рожу и постучал по виску: какие штурмовики, болван, ты о чём?

Действительно, какие штурмовики? Никому не понравится, если народ узнает, что фаворитов до контрольной точки подвозят на своих броневиках элитные бойцы Загона. Оговорился, упс. Но это уже проблемы Мозгоклая, не предупредил заранее, теперь пускай выкручивается.

— Ты, верно, имел ввиду дикарей? — натянул шоумен улыбку на лицо. — Двое каких-то оборванцев крутились возле тебя. Мы видели их. Вы о чём-то разговаривали.

— Ну да, — кивнул я. — А разве дикари и штурмовики не одно и то же?

— Ха-ха, этот парень мне определённо нравится! Буду болеть за него. Скажи, что ты сделаешь, если победишь в шоу? Ты уже придумал, как поступишь с той славой, которая непременно обрушится на тебя?

— Я хочу найти семью...

— Ты хочешь жениться? Вот как?

— Нет, я... Где-то в Загоне должны быть мои жена и дочь... — я схватил трость, как будто она в самом деле микрофон и заговорил дрогнувшим голосом. — Данара, если ты слышишь меня... Данара! Я найду вас! Найду! Я вытащу вас...

Мозгоклой силой вырвал трость и засмеялся:

— Этот парень нравится мне всё больше и больше. Представляете, он собрался жениться. Как мило! Ну так пожелаем ему, как и предыдущему зайцу, счастливого пути. Беги, тридцать седьмой, и да пребудет с тобой удача!

Он замахал руками, указывая на ворота. Я повесил автомат на плечо и побежал. За воротами перешёл на шаг. Отсоединил магазин, проверил наличие патронов. Кто знает этих телевизионщиков, может, повытаскивали на сувениры. Запасные магазины тоже проверил. Вроде, всё на месте.

Над головой закружились коптеры. Как и обещал техник, три штуки. За которым из них Алиса? Красивая девчонка. Я помахал рукой, и правый коптер качнул корпусом. До этого момента все они выглядели одинаково, но теперь я сделал отметку в памяти: коптер Алисы имел желтоватый цвет. Запомню его.

[1] Нигилизм подвергает сомнению или отрицает общепринятые понятия нравственности, морали, культуры, жизненные ценности и смысл жизни.

Я вытащил планшет. До ворот Загона топать около пятнадцати километров, почти весь маршрут пролегал по спальным районам, и только перед самым Загоном, где-то за три-четыре километра, начиналась промзона. Самый простой вариант — прижаться к железной дороге, и вдоль рельс идти до ворот, никуда не сворачивая. Всё очевидно. Однако охотники тоже не выпускники школы умственно отсталых, наверняка сидят где-нибудь в засаде возле железки, поэтому выбрать нужно то направление, которое даже для меня окажется неожиданным.

Более всего для этого подходят дворы, значит, надо пройти вдоль забора депо и свернуть к пятиэтажкам. Риск наткнуться на тварь там значительно выше, но теперь мне есть чем отбиваться.

Впереди мелькнула фигура в камуфляже. Самосвальша. Нас разделяло метров двести. Девка подходила к месту, где забор заканчивался. Судя по карте, там находился Т-образный перекрёсток: одна дорога заворачивала налево к жилой застройке, другая продолжала идти вперёд, а потом забирала вправо к насыпи. Самосвальша уверенно двинулась прямо.

Никого девка не боится, ни охотников, ни тварей, как будто заранее продумала маршрут, или подсказал кто-то.

В рейтинге фаворитов она числилась четвёртой. Не высшее достижение, но с моим последним местом не сравнить. В разговоры о честной игре, которые пытался вести пьяный Мозгоклюй, я не верил. О какой честности можно говорить, если у фаворитов изначально преимущество? Не удивлюсь, если вдруг выяснится, что их прямиком от Северного поста развезли по точкам второго этапа, и сегодня они стартуют впервые. А кому-то и дорогу правильную показали...

Додумать мысль я не успел. Раздался звенящий хлопок, эхом ударивший по ушам и вспугнувший воробьиную стайку. Я присел. Стреляли из трёхлинейки. Кромвель вчера палил из такой же, звук запоминающийся.

Самосвальша пропала. Перед выстрелом она как раз вышла из-за забора, так что стреляли по ней. Вопрос: попали или нет? Высокая трава не позволяла рассмотреть, что там дальше твориться.

Позади раздался шум электромотора грузовой площадки. Я отошёл на обочину, оглянулся. В кузове сидели двое охранников из депо, на меня не посмотрели. На перекрёстке платформа остановилась, охранники вышли, подобрали тело и швырнули в кузов.

Значит, попали.

Я выждал время и двинулся к месту гибели самосвальши. Коптеры поспешили за мной. Могли бы и сдриснуть куда-нибудь до вечера. Неужели во всей округе нет ничего более интересного, кроме приседающего от страха зайца? Как же они раздражают! Лучше бы нашли того охотника, который завалил девку и покружили вокруг, чтоб я знал, где он прячется.

Словно услышав меня, два коптера сделали разворот и пристроились в хвост возвращающейся в депо платформы, один остался. Он опустился на уровень моего роста и застыл, вибрируя крыльями. Жёлтенький.

Я помахал рукой:

— Привет, Алиса.

Коптер качнулся из стороны в сторону.

Прижимаясь к забору, я добрался до угла, пригнулся к земле и выглянул. Карта не солгала, по левую сторону начинался спальный район. Несколько пятиэтажек выстроились под прямым углом ко мне, чуть дальше по улице стояли три киоска, сразу за ними остановка. За пятиэтажками поднимались две монолитные высотки. До ближайшей метров четыреста. Снайпер, если не ушёл — а он вряд ли ушёл — сидит на крыше или верхнем этаже. Окна распахнуты, разглядеть, что творится в глубине квартир, нереально.

Доказательством того, что снайпер остался на месте, служили три коптера убиенной фаворитки. Они волками рыскали над высоткой. Один, сделав пируэт, завис над крышей. Я видел тёмную точку, бликующую на солнце. Два других плавно скользили вдоль верхнего этажа, заглядывая в каждое окно. Один резко остановился и подался вперёд. В темноте оконного проёма что-то блеснуло, возможно, линза оптического прибора.

Вон ты где, красавчик. Ясно... Впереди открытое пространство, протянувшееся до железнодорожной насыпи, а вокруг ни деревца, ни сарайчика, только куча строительных отходов, кусты и перевернутый колёсами вверх остов электромобиля. Когда снайпер срезал самосвальшу, та успела отойти от забора всего-то шагов на пять. На асфальте виднелось тёмное пятно. Теперь снайпер ждал меня. Видимо, ему сообщили, что с контрольной точки выскочили двое зайцев, и мимо этого места им не пройти.

Что делать? Бежать, петляя... Обойти невозможно, если только возвращаться назад, обходить депо с другой стороны, но не факт, что там меня никто не ждёт. А вдоль забора нельзя. Получится, что я двинусь навстречу стрелку, и он положит меня без особых хлопот. Прямо, используя кусты и мусор как укрытие, тоже не в кайф, но, похоже, это единственный путь. Надо попробовать по диагонали к мусорной куче, потом к кустам, потом к киоскам. Так я буду всё время держаться боком к стрелку, кусты помешают ему целиться. Надо преодолеть метров сто, потом пятиэтажка прикроет меня, я попаду в слепую зону.

Я посмотрел на коптер.

— Ну что, Алиса, рискнём? Страшновато, но другого пути всё равно нет. Можно, конечно, дождаться темноты, но, во-первых, темнота в этих краях какая-то не тёмная, а во вторых, что-то подсказывает мне, что в этом случае можно не успеть добраться до...

Не договорив, я рванул вперёд. В несколько длинных прыжков пересёк дорогу. Ещё прыжок, ещё. Перемахнул кучу битого кирпича. Вон уже кусты, до них всего два десятка шагов. Маленькое усилие и... Носок ботинка зацепился за что-то пружинистое. Я споткнулся, упал, ударился плечом о кирпич и покатился по траве. Падая, услышал звук выстрела. Пуля прожужжала над головой. Подумал: не попала бы в коптер — и заработал локтями, отползая под прикрытие кустов.

Забравшись под куст, перевернулся на спину, глубоко вдохнул и засмеялся: хрипло, словно пытался прокашляться. Поднял руку, выставил средний палец. На тебе, сука, подавись! Съел? Нет, Женя Донкин ещё побарахтается.

Отвинтил пробку бутылки, глотнул воды, плеснул немного на лицо. Господи, как хорошо жить-то.

В нескольких метрах от земли завис коптер. Я подмигнул в объектив.

— Видели? Я лучший заяц за все времена этого поганого шоу. И от охотников ушёл, и от снайпера ушёл. Учитесь у дяденьки.

Однако радовался я преждевременно. Надо ещё добраться до мёртвой зоны, а это дополнительно полсотни шагов. И ни деревца на пути, ни пригорка. Хоть бы тучки на небо

набежали, дождь пошёл.

Но небо как назло чистое. Я прополз к краю кустарника, приподнялся. Новая пуля срезала несколько веток, на голову посыпались листья. Этот снайпер неплох, стреляет на малейшее движение.

Я подскочил и побежал, выбрасывая ноги далеко вперёд, как это делал на стометровке Усэйн Болт. Пока снайпер передёргивает затвор, пока ищет меня в прицеле — всего-то пятьдесят шагов. Успею! Успею!

Не успею! Грохнул выстрел, пуля прошла где-то на уровне поясицы, я почувствовал её горячее прикосновение. Скорость от этого не прибавилась, но я как финишёр наклонил тело вперёд, рассчитывая, что смена позы собьёт снайпера с прицела. Возможно, так и случилось. Следующая пуля тюкнулась под ногу. Это произошло на третьем десятке метров. Или он слишком быстро перезаряжает, или я слишком медленно бегу. Ещё двадцать шагов. Всего двадцать!

Я прыгнул, влетая в слепую зону, рухнул на газон. Всё, снайперу меня не достать. Можно отдышаться. Тело подрагивало от напряжения. Водки бы сто грамм, или хотя бы воды.

Взял бутылку. Пусто! Пуля пробил отверстие у самого доньшка, осталось только несколько капель. Этим не напьёшься.

Пискнул планшет.

Предложение по особому сотрудничеству: ликвидировать снайпера.

Я в недоумении развёл руками: что? В смысле, ликвидировать? Я же заяц, ликвидация не моя задача. Мозгоклюй до сих пор не протрезвел? Если брать за основу группу Кромвеля, то вместе со снайпером должны быть как минимум двое, и они не в фантики играют, у них в худшем случае дробовики. У меня тоже не палка, но это исключительно для защиты, а сам я ни разу не боец, я даже в армии на тумбочке стоял чаще, чем на полигон ездил. Да и не хочу я никого убивать! Просто не-хо-чу! Хватит. Пускай сами ликвидируют. А у меня сейчас дорога чистая. Где прижмусь, где пригнусь, и за два часа до промзоны допрыгаю, так что сами своих снайперов ликвидируйте.

Я повернулся к коптеру.

— Слышите меня, нет? Тогда читайте по губам: идите на хер! Алиса, переведи им.

Предложение по особому сотрудничеству: ликвидировать снайпера. В случае отказа, против вас будет направлена группа штурмовиков.

Я затряс головой:

— Это не честно. Вы не имеете права...

Господи, да, конечно же, имеют. Это я не имею. Группа штурмовиков. Твою мать!

Привет, заяц. Это Алиса. Не забыл меня? Если б ты видел, что творится в РадиИ! Народ болеет за тебя. Ты первый, кто посмел огрызнуться. Рейтинги поднялись выше крыши, все жаждут крови, но не твоей. Если ты сделаешь так, как говорят, получишь гарантированный выход к воротам. Это хорошая сделка. Я тебе помогу, стану твоими глазами. Не отказывайся. Будет очень жаль, если за тобой пошлют Мёрзлого. Чмоки.

З.Ы. Я тебя хорошо слышу J

Слышит?

— Я никого не хочу убивать.

У тебя очень простой выбор: или ты, или тебя. Во втором случае ты своей семье не поможешь. Решай.

Это не твари — твари, это они — твари. Конторщики, сучьи выродки! Знают, за что подвесить. Если откажусь, Данаре уже никто не поможет. Она добрая и умная, но не сильная, с ней рядом должен быть я...

— Ладно, Алиса, командуй. Куда идти?

Коптер поднялся над пятиэтажкой и исчез. Через минуту прилетели первые подсказки.

Он в той же высотке на верхнем этаже. Я слежу за ним. Двор чистый, иди.

Удобно с таким подсказчиком. Ещё бы встроенную систему связи, как у штурмовиков, и коптер как у них: более быстрый, тихий и менее заметный.

Я обошёл пятиэтажку с торца и через палисадник пробрался к высотке. Сквозь листву жёлтой акации увидел двойные двери: парадный подъезд и вход на техническую лестницу. Сосчитал этажи: восемнадцать. Дом сильно смахивал на крепостную башню. Окна высокие и узкие, по кромке крыши зубчатая надстройка. Наверное, какая-нибудь местная номенклатура здесь жила.

Прикрываясь акацией, я добежал до крыльца и вошёл в подъезд. Тишина, аж мурашки по спине. Алиса прислала новое сообщение.

Стрелок на месте. С ним двое. Один рядом, другой на лестничной площадке.

Информация нужная, но в отзывчивой тишине подъезда зуммер планшета прозвучит набатным колоколом и предупредит охотников обо мне.

Я открыл клавиатуру.

Алиса, не пиши пока. И отвлеки их как-нибудь. Станцуй стриптиз в стиле воздушной эквилибристики. Сможешь?

Ответ пришёл короткий.

Ок.

Я начал подниматься. В боевиках солдаты всегда крадутся вверх по лестнице, выставив оружие перед собой и склонив голову к прицелу. Попробовал повторить. Не понравилось. В ограниченном пространстве удобнее стрелять навскидку, и вообще, автомат весит почти пять килограмм, попробуй его продержать долго в вытянутых руках без должной подготовки. На десятом этаже почувствовал, как тяжелеют ноги, занемели ступни в подъёмах, пришлось делать передышку и восстанавливать силы. На шестнадцатом этаже услышал звон покотившейся по ступеням консервной банки. Следом раздался кашель и шарканье.

Замер. Несколько секунд прислушивался к звукам, но больше ничего нового не услышал, только где-то гудела и билась о стекло муха. Прижимаясь спиной к стене, стал подниматься, осматривая каждую ступеньку, прежде чем сделать очередной шаг. Любой мусор под ногой выдаст меня, и тогда — всё. Сердце стучало так, что, казалось, его должен был слышать весь мир, слава богу, только казалось.

В межлестничном проёме показались ноги в потёртых берцах. Судя по их положению, человек стоял ко мне боком. Я на секунду застыл, вздохнул судорожно и крепче сжал автомат. Тяжело перекалцифицироваться из обычного баристы в спецназовца. Знать бы заранее, что такая канитель приключится, внимательнее слушал бы армейского инструктора по боевой подготовке.

Мельком глянул на лестничный пролёт — чисто, сделал несколько быстрых шагов, остановился на площадке. Человек в синей рубашке стоял ко мне полубоком и смотрел на экран планшета. Меня он не замечал, увлечённый просмотром видео. Пришлось кашлянуть.

Он поднял голову и побледнел. На плече прикладом вверх висела одностволка, молодец, что не стал сдёргивать её, иначе пришлось бы стрелять, а этого очень не хотелось, потому

что оставшиеся двое сразу поймут, что на лестнице у них проблемы.

Я глазами показал: ложись. Синий послушно лёг, накрыл ладонями затылок, наверное, тоже фильмов насмотрелся. Я обошёл его, приставил дуло к спине и шепнул:

— Остальные где?

— Крайняя квартира слева, — так же шёпотом ответил он. — Из прихожей налево — кухня. Там лёжка... Они оба там.

Мужик хотел жить, поэтому рассказывал даже то, о чём не спрашивали. Я припугнул его на всякий случай:

— Шевельнёшься — убью.

Снял с плеча ружьё, закинул себе за спину и вошёл в прихожую. Первая мысль была: ворваться и длинной очередью расхерачить всех, кто находился на кухне. Но выиграло сомнение. А если не получится? Промажу? Кто его знает, я из этого автомата не стрелял ни разу. Вдруг заклинит? И что делать?

Вспомнил пересказы отца о подвигах прадеда, как тот воевал в Сталинграде. Красноармейцы поступали проще: сначала бросали в помещение гранату и только потом добивали выживших из автоматов. Граната у меня есть. Я отвинтил крышку, дёрнул шнур, отсчитал две секунды и бросил её на кухню. Тоже старенькая, взорвётся, не взорвётся...

Взорвалась. По ушам хлопнуло так, что мозги всколыхнулись. С кухни потянуло дымом и шпукатуркой. Я рванул туда. Снайпер лежал у окна сломанной куклой. С первого взгляда ясно — труп. Второго охотника взрывом отбросило к мойке. Лицо разбито, вместо правого глаза — дыра, из шеи толчками выбивается кровь. Он хрипел и окровавленными пальцами пытался ухватиться за край мойки и подняться, но пальцы соскальзывали. Он так и умер, не сумев встать.

Возле снайпера лежала мосинка[1]. Осколками размочалило приклад и сбило одно ложевое кольцо, отчего ствольную накладку увело на сторону. Чтобы починить, нужен хороший мастер. Я попробовал отсоединить оптику, но без инструмента сделать это не реально. Шмонать трупы тоже не стал, побрезговал, хотя там наверняка могло найтись что-нибудь полезное.

Вернулся на площадку. Клетчатый по-прежнему лежал на полу, не убирая руки с затылка.

— Вставай.

Пыхтя, он поднялся. Тело дрожало, глаза бегали.

— Не убивай...

У меня не было на него задания, только на стрелка.

— Карманы выворачивай. Что у тебя там?

Он расстегнул патронташ, бросил мне под ноги. Вытащил планшет, носовой платок, зажигалку. Чужой планшет для меня бесполезен, разве что в чате полазить под чужим именем, похохмить, посмотреть, с какими проститутками этот синий переписывался. А так даже статьи не спишешь, взламывать надо. Платок тоже трогать не стал, а зажигалку взял. Чиркнул, огонёк затрепыхал. Сгодиться.

Тронул носком ботинка патронташ. Классика, двадцать четыре патрона, три ячейки пустые...

— В кого стрелял?

Он облизнулся и прохрипел:

— Ни в кого. Я вообще так, попросили. Оружие не люблю.

— Понятно, ты у них типа повар был. Хорошо готовишь?

— Да чё там... Листья. Чё их готовить?

Раздался знакомый зуммер.

Предложение по особому сотрудничеству: выбросить выжившего охотника из окна.

О как. Зачем им это? Хотят сделать красивую картинку летящего с верхнего этажа тела?

Я вывел на экран клавиатуру, набрал:

Алиса, они хотят, чтобы я выбросил этого охотника из окна.

Знаю.

Зачем?

Взрыв гранаты произвёл фурор. Ты номер один в рейтинге. В чатах тебя называют Кровавый заяц. Это тренд. Думаю, теперь в каждом шоу будет такой. Делай всё, что тебе говорят. В РадиИ твоя картинка с экрана не сходит. Ты герой, ты тот, кто смог перешагнуть шаблоны и сказать: я вам так просто не дамся! О прочих забыли. Твари разорвали двоих фаворитов, но когда режиссер попытался переключить камеры на них, народ едва революцию не устроил, требуя, чтобы показывали только тебя. Понимаешь? Мы сейчас переписываемся, а они видят твою картинку.

Как видят? Здесь ни одной камеры.

А та, что у тебя на голове?

Рука произвольно ощупала лоб. Ах да, совсем забыл, техник утром нацепил. Всё, что вижу я, видят зрители, значит, и этого повара, в патронташе которого несколько пустых ячеек, тоже.

Выкинуть, говорите...

— Ладно. Это... Как тебя?

— Тощий.

— Ладно, Тощий. Помоги тела дружков твоих сбросить, и вали куда хочешь.

— Сбросить? — Тощий оживился. — Конечно, помогу. Чё не помочь?

Первым мы взяли того, что у мойки. Подтащили к окну и перевалили через подоконник. Потом перебросили снайпера. Тощий так и не поинтересовался, зачем это нужно. Пока он провожал взглядом падающее тело, я схватил его за лодыжки и рывком отправил вслед за дружками.

Вряд ли он успел проклясть меня, пока падал. Он только орал и махал руками. А во мне не было ни жалости, ни стыда. Вообще ничего не чувствовал. Неужели человек способен настолько быстро привыкнуть к чужой смерти, что она нисколько его не трогает?

Напротив окна застыл коптер Алисы, объектив был направлен на меня. Я поднял руки, показывая средние пальцы:

— Видели? Два ноль в мою пользу. Мозгокляу, привет тебе. Попрощайся со своими охотниками. Радий! Всё для вас, зашлакованные. Болейте за меня, и увидите много интересного.

Ружьё Тощего я брать не стал, лишний груз. Но и бросить было жаль. А вот с камерой на голове расправился без жалости, резким движением разбил её о стену, и ещё ойкнул, типа,

случайно. После этого отнёс ружьё с патронташем в соседнюю квартиру и спрятал под ванной. Хорошая закладка, может, когда-нибудь пригодится.

Ну, ты отморозок! — прилетело от Алисы восторженное сообщение. — В Радию стеньга трясётся, полёт охотника до сих пор комментируют.

Плевать, что там в Радию происходит, не до него сейчас. Надо было фляжку с водой взять, она на поясе второго охотника висела. Теперь придётся копаться в этой грудке мяса, а иначе без воды мне труба.

Спустившись вниз, я подошёл к месту падения тел. Приземлились все рядышком. Тощий рухнул на спину, глаза от удара вылетели и повисли вдоль щёк на тонких паутинках. Меня передёрнуло. Нет, не привык ещё к смерти, во всяком случае, к такой некрасивой и глупой. Чёрт с этой флягой, найду воды в другом месте.

Надо быстрее уходить.

Я повёл языком по дёснам, собирая слюну, сглотнул. В горле совсем пересохло.

— Как скажешь, дорогая. В какую сторону поведёшь?

[1] Русская трёхлинейная винтовка Мосина.

Когда Алиса предложила прогуляться дворами, я не удивился, ибо сам намеревался идти этим путём. На мой взгляд, он наиболее безопасный. Чтобы так считать, у меня имелось два козыря: автомат и коптер. Алиса парила над верхушками деревьев, нарезала змейки между домами, мне оставалось только поглядывать на двери подъездов и оглядываться.

Остановился я только раз, на перекрёстке. К пятиэтажке был пристроен длинный магазин, на козырьке которого сохранились буквы: «Хоз...о...ры». Хозтовары. Витрина разбита, в глубине прочно обосновался мрак. Алиса проскочила мимо, а меня что-то торкнуло. Я замер и долго вглядывался в темноту. Там мог кто-то быть. Или не мог. Ни шевеления, ни звуков, но кожа на затылке натянулась. Я вышел на середину дороги, присел на колени. Напряжение передалось в пальцы. Коптича нет, а то бы он подсказал, что меня так настораживает.

Вернулась Алиса.

Видишь что-то?

Я отрицательно покачал головой. В такой темноте и с такого расстояния ничего разглядеть нельзя. Был бы тепловизор — другое дело. На винторезе Мёрзлого стоял тепловизионный прицел. Штучный товар, каждого бойца таким не обеспечишь. Через него я бы точно определил, прячется кто-то в хозтоварах или у меня просто нервы разыграли на фоне последних событий.

Алиса, проникнувшись моим волнением, подвела коптер вплотную к витрине. Темнота шевельнулась, и я бездумно надавил спусковой крючок. МП заплясал в руках, вправо пошла дуга отстрелянных гильз, и за три секунды я выпустил в темноту все тридцать две пули.

Когда магазин опустел, я по-прежнему давил на крючок. Опомившись, нажал фиксатор, вынул магазин. Подсумок висел справа. Чтобы вытащить запасной, пришлось бросать автомат, отстёгивать клапана. Темнота в хозтоварах оставалась неподвижной, но если бы из неё кто-нибудь выбрался, мне пришлось бы тяжело. Смена пустого магазина на полный заняла около минуты. Надо больше тренироваться в смене обоймы, и в первую очередь перевесить подсумок на левую сторону, а клапана срезать. Или обзавестись разгрузкой.

Вытащив из кармана патроны, я зарядил пустую обойму. Шум, поднятый при стрельбе, вряд ли пошёл мне на пользу, теперь все охотники в округе знали, где я нахожусь. Зато проверил автомат в действии, и мне понравилось. С калашом не сравнить, но на коротких дистанциях вещь вполне надёжная. Ещё бы приспособить к нему коллиматор, пусть даже простенький, с кратным увеличением. Метров на сто такого вполне хватит, а больше и не надо.

К нам присоединились два коптера из тех, что следили за самосвальшей. Нежданное наследство. Их появление ничего хорошего в себе не несло. Видимо, я прав, и стрельба привлекла-таки ненужное внимание. Слово подтверждая догадку, коптер Алисы резко дёрнулся вперёд, пролетел метров двести и завис в воздухе.

Пришло предупреждение.

Приготовься, зайка.

Я перебежал на другую сторону дороги и присел за киоском «Овощи-Фрукты».

Убежище хлипкое, фанерные стенки, алюминиевая фурнитура; калибр семь шестьдесят две прошьёт такое насквозь и не заметит, но ещё не факт, что у тех, кого Алиса заметила, есть такой калибр. Надо выяснить, из-за кого шухер.

Алиса, что видишь?

Ждать ответа пришлось долго. Дважды я приподнимался и выглядывал над краем разбитого окна. Дорога была пуста.

Зайка, сваливай!

Куда?

Сваливай! К железке! Быстрей!

Я снова выглянул. На дороге появились трое. Они шли цепью, растянувшись по улице на десяток шагов друг от друга. Меня они не видели, но заметили коптеры. Один охотник указал на киоск, и два калаша заработали по нему, превращая фанеру в щепки. Я вжался в асфальт, зажмурился, и лежал, пока стрельба не стихла. Один коптер спустился ниже, снимая моё лицо крупным планом, это подсказало охотникам, что я ещё жив, и калашаи загрохотали вновь.

Сука-коптер! Да свали ты уже наконец. Оператор как будто не понимал, что своими маневрами выдаёт меня, а может, делал это намеренно. Я перевернулся на спину и дал по нему очередь. Коптер развалился на части, осыпав меня обломками. Я повернулся ко второму, но тот дал заднюю и отлетел под защиту густого тополя.

— Слева обходи! Слева! — услышал я. — Он точно за киоском. Гоголь, не дай ему высунуться!

Раздирая локти об асфальт, я подполз к углу. Двое охотников стояли в полусотне метров от меня, один прижимал к плечу автомат, второй указывал, как лучше обходить киоск.

Не целясь, я выпустил в них остатки магазина и пополз к тополию. Спрятавшись за широкий ствол, перезарядился. Мало я взял патронов. Оставшихся в кармане хватило только на половину обоймы. То есть, у меня два с половиной магазина. Как-то быстро я расходую боеприпас. Надо бить короткими очередями по три-четыре патрона и целиться тщательнее.

И по-любому, оставаться здесь нельзя.

Я открыл карту. Алиса велела бежать к железной дороге. Мы намеренно избегали её, поэтому после высотки я шёл, уклоняясь к востоку и углубляясь в центр города. Сейчас до железки по прямой не меньше километра, а между нами путаница из бараков и хозяйственных объектов по типу автобаз и мелких производств. И всё это надо преодолевать бегом.

Алиса...

Отставить железку, — почти сразу отозвалась девчонка. — Жди.

Желание женщины — закон. Если она требует ждать, буду ждать.

Я выглянул из-за дерева. Что-то мои охотники приутихли. Имея такие огневые возможности, они давно уже должны были разнести киоск, тополь и меня вместе с ними на молекулы. Я приподнялся, и вскрикнул от боли. Левую ногу свело, с внутренней стороны бедра чуть выше колена торчала крупная щепка.

Это могло случиться, только когда охотники обстреляли киоск в первый раз. Я был слишком занят тем, что боялся, и не почувствовал боли. Адреналин, будь он неладен. Надо

вытащить эту хрень, иначе далеко не убегу.

Я взял щепку за край, потянул. Ай, нет, так не пойдёт. Больно. Надо резче. Я дёрнул резче, и зашипел. Как же... Но бог терпел и нам велел. Сунул в прореху пальцы, разорвал брючину. Брюки теперь безвозвратно испорчены, но рану надо осмотреть. И желательно перевязать. Только чем? Ни бинтов, ни тряпок. Надо было в танке аптечку поискать, она наверняка там есть.

Я промокнул кровь рукавом рубахи. Рана не была глубокой, кровь вытекала медленно. Возле себя увидел кусок алюминиевой проволоки. Кое-как свёл рваные края брючины вместе, плотнее прижимая их к ране, и перетянул в несколько оборотов проволокой. Получилось не ахти, но хоть что-то.

На планшет прилетело новое сообщение:

Не вижу тебя. Ты где?

Тополь за киоском. Я за ним.

Поняла. Видишь два барака через дорогу? Нырй между ними. Дальше будет чугунный забор, беги вдоль него до троллейбусной остановки, за ней направо.

Через дорогу? Это двадцать шагов по открытой местности. Да они меня положат!

Тогда беги быстрее.

Быстрее... Хорошо тебе рассуждать, сидя в прохладном вагончике с чашечкой кофе.

Да, сижу в вагончике. И что? Не надо было восстание устраивать. Чем тебе Ровшан помешал?

Какое восстание? Ровшан мне брат почти что, у нас с ним вообще никаких тёрок. Когда на него наехали, я на полу в Смертной яме валялся...

Ладно, кончай пальцем по экрану стучать. Пока мы переписываемся, охотники тебя вдоль дома обходят, справа. Самое время бежать. Беги, зайка!!!

Я не стал осматриваться, просто рванул к обозначенному Алисой проходу. Охотники такой прыти от меня не ожидали. Я услышал вскрик:

— Вон он! — и короткая очередь, слишком поспешная, чтобы быть прицельной, высекла искры из асфальта.

Второй стрелок оказался покрепче нервами, выждал мгновенье. Я спиной почувствовал, как он насаживает мою вислоухую голову на мушку, и рыбкой нырнул на газон. Несколько пуль впечатались в бревенчатую стену барака. Не поднимаясь, на четвереньках проскакал до стены и прыгнул за угол.

— Чё встали, бараны?! — донеслось от киоска. — За ним!

Раздался топот. Я передёрнул затвор и дал по бегунам две коротких очереди. Вряд ли попал, но топот стих.

— Заяц, падла...

— В зеркало посмотри, там падлу увидишь, — ответил я.

— Сука, я тебе яйца отрежу! Слышишь?

— Слыфу, слыфу, — мультяшным голосом проговорил я.

Из-за тополя выбрался мужик в камуфляжной куртке и, пригибаясь, попытался обойти меня. Прицельной очередью я загнал его обратно за дерево.

— Эй, охотники, у меня четыре магазина и сотня патронов россыпью. Хотите сдохнуть, как две предыдущих группы? Давайте, жду вас.

— Мы тебя всё равно кончим.

— В штаны себе кончай.

— Я тебя... Я тебя... Руками рвать буду! Я тебе каждый нерв отдельно...

Что он там будет делать с моими нервами, я слушать не стал. Он только начал обещать, а я уже бежал вдоль забора к остановке, слегка припадая на раненую ногу. Наперерез выскочил коптер Алисы и полетел задом наперёд, одновременно снимая меня и приглядывая за дорогой. Когда охотникам надоест болтать и они вспомнят с какой целью вышли на охоту и отправятся следом за мной, Алиса даст знак. Надеюсь, к тому времени я успею добежать до остановки.

К остановке я подбежал на последнем дыхании. Ноги подгибались, я упал на лавочку и задышал с присвистом. Из рта свисала слюна. Я утёрся ладонью, вытер о рубаху и нащупал в грудном кармане листья крапивницы. Совсем о них забыл, хотя специально оставлял. Вытащил, начал жадно жевать, чувствуя, как горьковатый сок наполняет желудок и утоляет жажду.

Вместе с соком вернулись силы. Реально допинг. Я встал. К коптеру Алисы присоединился второй, тот самый, который прятался от меня в листве тополя. Я посмотрел в сторону барака. Никого. Охотники ещё не поняли, что их банально развели. Но долго это продолжаться не может, форы у меня осталось минут на пять, от силы на десять, и погоня возобновится. Пора уходить. Алиса говорила, что от остановки надо поворачивать направо. Я повернул.

На дороге стоял багет.

Вернее, сидел, словно гопник, на корточках и водил своим двойным клинком по воздуху, вычерчивая кабалистические знаки.

В голову ударила вся кровь, которая только была в теле. Мгновенно вспомнились армейские навыки, я встал в стойку, вскинул автомат к плечу. Багет кувырком ушёл в бок, махнул через забор и исчез в кустах.

Сердце билось так, будто я только что на стометровке Болта обогнал.

Почему вместо того, чтобы напасть на меня, этот багет сбежал? Это же тварь. Тварь! В нём ни грамма страха, а я для него пища. Те язычники, которые напали на нас во время сбора крапивницы, были смелее. Или глупее? Коптич часто повторял, что твари, кто бы чего не говорил, намного умнее, чем может показаться. Этот багет сообразил, что против автомата ему победа не светит, и среагировал так, как должно в такой ситуации. Он сбежал. Получается, у тварей аналитический склад ума, что не удивительно, ибо все они, ну или почти все, мутировали из человека.

Или это приобретённый инстинкт?

От Алисы пришло сообщение:

Ну ты счастливчик! Радий воеет от счастья. Ты напугал багета! Это жуть какая-то! Поздравляю с повышением рейтинга. А теперь ноги в руки и вперёд. Зайцев осталось двое, так что все свободные группы охотников направлены против тебя.

— Сколько всего?

Семь.

Если в каждой группе по три человека, то получается, семью три — двадцать один. Двадцать один охотник против одного зайца. Однако.

— Алиса, ты можешь отследить их движение?

Только визуально, через камеру коптера. У охотников нет маяков, на электронной карте я их не вижу. Они связываются с оператором отдела наведения по радиации и получают координаты цели.

— А что позволяет отслеживать цель?

Твой браслет.

Ах да, мисс Лизхен предупреждала об этом на инструктаже. Снять браслет не получится, разве что ногу отпилить. Но я знаю, что у охотников радиации старенькие, некоторые объекты, например высотки, могут создавать помехи, и тогда информация к ним будет поступать с задержкой.

— Алиса, на пути к промзоне есть высотные дома?

Нет. Я поняла тебя, ты хочешь завести охотников в слепую зону. Не получится. Такая зона в Развале одна — у пешеходного моста. Там неподалёку резервная электростанция. От неё запитываются сторожевые посты северо-западного сектора, она и создаёт помехи. Так что забудь и вперёд, заяка, надо торопиться.

Жёлтенький коптер начал набирать скорость, и мне пришлось запрашивать девчонку через планшет.

Алиса, ещё один вопрос: почему мне помогают?

Наверное, нужно было спросить об этом сразу, как только Алиса появилась в чате, но тогда я был слишком взвинчен, чтобы анализировать происходящее. Теперь время прошло, ситуация обрела логические очертания и в голове возникли вполне предсказуемые вопросы.

Я обычный оператор. Мне говорят, я делаю. В подробности не посвящают.

Но ты должна знать, от кого исходят приказы.

Ты же понимаешь, я не имею права говорить с тобой об этом. Если они захотят, то сами свяжутся с тобой. Могу только сказать, что это очень серьёзные люди.

Толкунов?

JJJ

Что это значит? Я прав?

Хватит болтать, следи за дорогой.

Значит, Толкунов. Это имя я слышал только сегодня, от покойной самосвальши. Большой человек в Конторе. Видимо, он тот, кто поставил на меня. Понравилось, как я приласкал Афоню утюгом? Или почувствовал перемены толпы в отношении к бедным шустрым зайцам и решил сыграть на этом?

Не важно, что там взбрело ему в голову, главное, у меня появился шанс добраться до ворот Загона.

Я шёл быстро, по сторонам не смотрел, только изредка оглядывался, проверяя, не догоняют ли охотники. Темп задавала Алиса, и я доверял ей безоговорочно. Она молодец, глазастая девчонка, предупредит в случае опасности. Не удивлюсь, если вдруг выяснится, что у неё на коптере стоит тепловизор. С его помощью отслеживать живое мясо намного проще.

Через два часа мы уже были на окраине промзоны. По сути, Загон и есть промзона, а то, что я видел сейчас перед собой, его преддверие: длинные хранилища, разбитые погрузчики, кучи мусора, бетонный забор. От забора лишь название, многие плиты выворочены и увезены, осталось одно основание да мотки колючей проволоки, наполовину скрытые травой. Я едва не запутался в такой, сдуру сунувшись в самые заросли. Поцарапал ладонь и разорвал вторую брючину. Придётся снова договариваться с Тёщей.

Часы на планшете показывали пятнадцать двадцать семь. С прощальных съёмок в депо прошло пять с половиной часов. Чувство жажды вернулось. Листья крапивницы помогли утолить её и восстановить силы. Действовали они как энергетик, но не долго. И вкус специфический, горьковато-кислый, к такому привыкать надо. Однако за неимением воды, я бы не отказался сжевать ещё парочку.

Алиса увела коптер вглубь хранилищ, а я присел за кустом в тенёчек. Солнце разогрело воздух, тело расслабилось, меня разморило. В принципе, можно кимарнуть минут двадцать семь, двадцать восемь. Если охотники появятся, то за этими кустами они меня не найдут, а Алиса всяко успеет послать сигнал тревоги.

Я прикрыл глаза, положил автомат возле колена...

В горло уткнулось острие ножа.

— Замри. Не поворачивайся.

Сон как рукой сняло. В голове пусто, никаких мыслей. Глаза скосились на МП. Тоже пусто, незнакомец взял его. Я что, реально уснул? Не заметил, как сзади подкрались, забрали автомат. Два километра до ворот. Всего два!

Запищал зуммер, пришло сообщение от Алисы.

— Планшет сюда. Сделаешь лишнее движение, проткну горло.

Чтобы не провоцировать незнакомца, я двумя пальцами вынул планшет из кармана и передал ему. Он прочитал и отбил ответ. Станный охотник. Если это вообще охотник. По повадкам больше на штурмовика смахивает. Он должен был убить меня сразу. Мог просто шею скрутить — и всё. Но не скрутил. Впрочем, рядом ни одного коптера, съёмка не ведётся, может быть из-за этого? Попробовать договориться с ним? Расскажу о танке, пусть забирает, а мне даст три минуты.

— Слушай, есть предложение, — прохрипел я.

Подлетел коптер. Жёлтенький. Алиса. Навела на меня камеру. Вот и всё. Кажется, я обещал девчонке передать привет перед смертью. Если успею. Похоже, не успею...

— Ладно, Дон, расслабься, — усмехнулись за спиной.

Я медленно повернулся. Гук!

Первым желанием было смазать ему по роже. Он предостерегающе поднял палец:

— Это тебе урок, шлак. Чтоб не дрых. Я твоё сопение метров за сорок срисовал. У тебя вообще инстинкта самосохранения нет. Приходи в чувства. Тебе уже говорили, это не Земля, вернее, Земля, но не та. Здесь всё по-другому. Здесь не спят, где захотелось, и не ссут, где прижало. Запомни это наконец.

Гук действительно походил на штурмовика, только на пенсии. На нём был тактический пояс, в руках однозарядный карабин с глушителем и оптическим прицелом. Мощный, как сама война. Для подобных мест — наиболее подходящее оружие: дальнобойное, хорошая пробивная сила, прекрасное останавливающее действие. Не удивлюсь, если патроны экспансивные. Что ещё нужно, чтобы встретить тварь? Или напугать приятеля.

— Спасибо за урок, Гук, запомню. Навсегда запомню.

— Не обижайся, сам виноват.

— Проехали. Можно узнать, что ты здесь делаешь?

Гук щёлкнул пальцами.

— Алиса, загляни за склады. Шум какой-то странный.

Коптер послушно улетел, а долговязый посмотрел мне в глаза.

— Пришёл посмотреть на человека, который надыхался крапивницы и не превратился в мутанта.

— Может у меня иммунитет?

— Ага. Но в таком случае ты первый иммунный. Мои поздравления.

— Спасибо.

— Не радуйся. Как только Контора узнает об этом, твоим домом станет лаборатория, а ты сам — крысой.

— А они узнают?

— Обязательно, — он усмехнулся. — Но не от меня. Хотя я даже боюсь подумать, сколько может стоить такая информация.

Я замялся.

— Кроме нас с тобой не знает никто.

Гук хлопнул меня по плечу.

— Успокойся. Иммунных не бывает. В принципе. Тебе просто повезло, а воспаление действительно было из-за рёбер. Как они кстати?

— Нормально, зажили. Спасибо, что спросил.

— Тогда займёмся делом. Я сюда не грибы пришёл собирать. Алиса тебе говорила, что на тебя сделали ставку серьёзные люди?

— Разговор был про одного.

— Где один, там и два. А может и три. Сначала они послали тебе Алису, теперь меня. Алиса — глаза, я, — Гук поднял винтовку, — пуля. Моя задача провести тебя через промзону. Ты заключил особое соглашение? Мы его выполняем.

— У меня тоже есть оружие.

— Ты про это? — Гук носком ботинка подцепил МП и подтолкнул ко мне. — Действительно, оружие. Если умеешь им пользоваться. Ты не умеешь, поэтому стрелять будешь, только когда я скажу. Уяснил?

— Уяснил. Гук, а почему послали тебя? У них же штурмовики есть.

— Если Мёрзлый прокатил тебя на броневичке, это не значит, что он и дальше с тобой нянчиться станет. Забудь о штурмовиках, я тоже кое-что умею.

— Ты бывший спецназовец, так? — я прищурился. — Погоди... Ты сам был штурмовиком. Угадал? Недаром тебя те глаголы в столовке испугались.

— Молодец, умеешь логически мыслить. Но сейчас мне нужна не твоя способность аналитического мышления, а твоя реакция. Ты должен понимать, что светиться на камеру мне нельзя. А тебя будут снимать всё время. Если я засвечусь, плохо будет не только мне и тебе, но и тем людям... Сам понимаешь каким. Поэтому делаем так: ты впереди, я сзади. Следи за коптерами. Все операторы в доле, как только коптер начинает крутить зигзаги, знай: там противник. Прячешься и ждёшь. Заметил кого — стреляешь короткими, желательно одиночными. Куда — не важно, главное, в его сторону. Остальное я решу. Связь через Алису.

Я подобрал автомат.

— А как из этого стрелять одиночными? Здесь нет переводчика огня.

— Одиночного выстрела можно добиться коротким и резким нажатием на спусковой крючок. Сразу не получится, но со временем приноровишься. И помни, с непривычки из-за резкого нажатия мушка может сместиться и пуля уйдёт в сторону, поэтому для прицельного огня старайся стрелять короткими очередями. Нажимаешь мягко, раз-два, раз-два. И не держи за магазин, от этого ствол начинает плясать, а патрон может переключиться. Ты же не в кино снимаешься. Хват должен быть выше, за приёмник магазина или под кожух коробки. Выбери наиболее удобную для себя позицию.

— Запомню. Гук, а не проще ночи дожждаться? Куда спешить? Время позволяет, счётчик на браслете обнулиться только в десять утра. Как думаешь?

— Думаю, у тебя минут пятнадцать, прежде чем здесь все группы соберутся. После этого даже я тебе не помогу.

Он отстучал сообщение и вернул планшет мне.

— Готов? Тогда вперёд.

Я перебрался на территорию промзоны и пошёл вдоль ряда приземистых заглублённых

хранилищ, стоявших по обе стороны дороги. В таких обычно хранят овощи. Створки некоторых были распахнуты или вовсе лежали на земле, внутри гнездилась темнота, от которой по телу катилась дрожь. Для себя я сделал отметку: если охотники прижмут, главное, не лезть туда. Темнота выглядела не просто опасной — она шевелилась.

Подлетели два коптера, к ним присоединилась Алиса. Снимали меня только с боков и со спины. Несколько раз я оглядывался. Гука видно не было. Но он был рядом, я чувствовал его, и это внушало оптимизм.

Группа противника на десять часов, — сообщила Алиса.

Один коптер ринулся туда и начал выписывать круги. До него было около сотни метров. Появиться охотники могли только из бокового прохода между складами. Я огляделся: куда спрятаться? С одной стороны ржавый погрузчик, с другой несколько пустых бочек. Выбрал погрузчик. Прижался плечом к вилке грузоподъёмника, автомат установил на ложе сиденья, поймал проход в прицел.

Главное, не торопиться, даже проговорил вслух: не торопись, Женя. Пусть подойдут ближе, чтобы не успели нырнуть обратно. Основную работу сделает Гук, а для меня важно, чтобы они оставались на линии огня.

Вторая группа на три часа.

А вот это уже нехорошо. Две группы одновременно. Когда начнётся стрельба, вторая побежит на шум и выскочит прямо на меня. И совсем будет плохо, если где-то на подходе третья. Алиса говорила, что их вообще семь, и все семь стягиваются к воротам. Нет, здесь нам не пройти, надо искать другой путь.

На дорогу вышла первая группа. Двое присели возле поворота, один сделал несколько шагов вперёд, посмотрел в мою сторону. Меня не заметил, однако коптеры в небе указывали, что я должен быть рядом. Он обернулся к своим и кивком указал на погрузчик и раскрытые ворота хранилища: проверьте. Те нехотя поднялись.

Я навёл на них большой палец. Старшина в армейке учил, как по большому пальцу определить расстояние до человека. Если фигура по высоте равна длине ногтя, до него около семидесяти метров, если соответствует верхней фаланге, то метров двадцать пять, тридцать. До этих как раз метров семьдесят. Стрелять, не стрелять? Или ещё выждать? Для меня далековато, но для Гука в самый раз. Он ждёт, когда я начну, а мне надо дожидаться появления второй группы. Начинать надо с них, иначе они выскочат и расхерачат меня в упор.

Я посмотрел назад. Гука по-прежнему не было видно, где засел — непонятно. У него однозарядная винтовка. Сколько нужно времени, чтобы перезарядить её, прицелиться и выстрелить? Секунд шесть-семь? Сделаем упор на его профессионализм, значит, пять. Каждые пять секунд он может укладывать по одному охотнику, в целом это полминуты... Да за полминуты они из меня решето сделают!

Охотники подошли достаточно близко, чтобы я услышал их переговоры.

— Давай просто долбанём по этому погрузчику. Чё патроны жалеть? Контора ещё выпишет.

— Ссышь что ли?

— Ссу, — признался первый. — Что он с группой Тощего сделал, видел? А потом ещё в окно всех повыкидывал. И Афоню утюгом приласкал. Однозначно на всю башку конченный. С таким на близких дистанциях разговаривать нельзя, издалека валить надо.

Они боялись меня ничуть не меньше, чем я их. Это придало уверенности. Я перестал

думать о секундах и надавил на спуск: раз-два. Короткая очередь. Снова: раз-два. Тот, который строил из себя смельчака, сжался и упал на колени. Ссыкун завопил, отбросил от себя ружьё и побежал назад. Я такого не ожидал. Поднялся в рост, прицелился.

Справа из-за хранилища выскочили ещё двое. Я заметил их периферийным зрением. Один поднял ружьё, но его тут же крутануло на месте, словно волчок, и отбросило назад. Сработал Гук. Второй охотник выстрелил, передёрнул цевьё, снова выстрелил. Картечь высекла искры из погрузчика. Подбородок обожгло огнём. Я пригнулся, прячась за аккумуляторный отсек. На голову посыпался поролон и куски дерматиновой обшивки сиденья.

Третий выстрел швырнул меня на землю. Охотник разряжал дробовик, с каждым выстрелом делая шаг к погрузчику. А я считал секунды. Тянулись они очень медленно, охотнику куда быстрее удавалась передёргивать цевьё. На счёте восемь я начал проклинать Гука. Сколько можно перезаряжаться? И тут до меня дошло: он не может стрелять, пока я прячусь, иначе зритель не поймёт, по какой причине охотник вдруг упал и умер. А подобные непонимания вызывают вопросы, которые впоследствии приводят к расследованиям. Надо хотя бы симитировать стрельбу.

Я поднял автомат над головой и выпустил в белый свет остатки магазина. Дробовик замолчал. Минуту я прислушивался, потом рискнул выглянуть. На дороге лежали два трупа. Это те, кто выскочили с правой стороны. Не ошибусь, если скажу, что обоих положил Гук. Ещё один охотник скрючился возле хранилища. Этот точно мой, из первой партии. Он хрипел и пытался ползти. Было бы жестом милосердия добить его, но приходилось экономить патроны. Ладно, чёрт с ним, в яме одной тварью станет больше.

В радиусе трёхсот метров чисто. Бегом вперёд!

Я перемахнул через погрузчик и побежал, стараясь не выпускать силуэты коптеров из поля зрения. Слава богу, зигзагов они пока не выписывали. Алиса гудела винтами где-то правее. Я несколько раз заглядывался на небо, но разглядеть её не мог, глаза слепило заходящее солнце. Оно же помешало увидеть выскочившую из хранилища тварь. Небольшой пёсо прыгнул мне под ноги. Щенок. Он был намного меньше своих собратьев, с немецкую овчарку, но и этого вполне хватило испугаться. Вместо того чтобы выпустить ему в голову очередь, я начал отмахиваться от него автоматом, как дубиной.

Пёсо зарычал, хватанул воздух зубами и короткими прыжками начал наскакивать на меня, пытаясь схватить за брючину. Смелая шавка. Я двинул его прикладом по морде, он отскочил, обиженно тьякнул, потом совсем по-щенячьи присел и напрудил лужу. Мне стало настолько смешно, что я расхохотался во весь голос.

— Какой же ты уродливый, братец. Настоящий страшила.

В придачу к внешним недостаткам, у него не было левого уха, похоже, откусил какой-нибудь пёсо постарше. Рана не кровоточила, хотя была свежая. Мать зализала. То есть мать должна быть неподалёку. Вот уж с кем мне встречаться не хочется.

Щенок горделивым шагом вернулся в темноту хранилища, а я побежал дальше. Впредь надо быть осторожнее и держаться подальше от тёмных мест. Кто его знает, что там ещё может таиться.

Территория складов закончилась, дальше начинался пустырь, за которым поднималась терриконовая стена Загона. До неё оставалось метров семьсот по открытой местности. Настолько открытой, что сколько я не вглядывался, не увидел даже намёка на укрытие. Деревья срублены, строения разрушены, любой холмик, достаточно высокий, чтобы

спрятаться за него, сглажен. Нормальный стрелок с нормальной винтовкой снимет меня в два счёта.

Я приложил ладонь ко лбу, прикрывая глаза от солнца. Мне почему-то казалось, что последний отрезок маршрута будет наиболее простым, но хрен там. На этом пустыре я буду, как на ладони, открыт всем пулям. И Гук больше не помощник. Чтобы прикрыть меня, ему надо взбираться на террикон, а отсюда, со стороны складов, сделать это не реально.

В принципе, можно укрыться за железнодорожной насыпью. По пологой дуге она уходила вправо к западной окраине города. В высоту всего-то около метра, но если добраться до неё, то где вприсядку, где ползком можно пройти к самым воротам.

Я оказался на распутье. Проще всего свернуть направо и вдоль остатков забора добраться до насыпи. Но по карте это не меньше трёх километров. Всё моё преимущество перед охотниками грозит растаять, как мороженное в жару. Пока я буду маневрировать, они просто выйдут к насыпи и перекроют путь.

Прямо тоже нельзя, уж лучше сразу нарисовать на спине мишень, чтоб не мучиться. А если по диагонали, то бежать придётся около километра, и бежать быстро. Усреднённый вариант и наиболее подходящий. Надеюсь, охотники не сразу меня заметят.

Надежда умерла, едва я преодолел первую сотню шагов. Ударили сразу две винтовки. Звук от выстрелов слился в один. Если бы не два буранчика, взбивших пыль метрах в десяти правее, я бы так и решил, что стрелок один. А два — это много. Это не пятьдесят на пятьдесят, это все сто.

Я не стал останавливаться. Чтобы перезарядиться, поймать меня в прицел и выстрелить у них уйдёт шесть секунд... пять... четыре... три... две... одна...

Я резко ушёл влево, и снова два буранчика взрыхлили сухую землю в метре от меня. А до насыпи оставалось... Много. Но каждый шаг увеличивал расстояние между мной и стрелками. Две... одна...

Я опять прыгнул влево. Выстрелы сухим эхом ударили по ушам. Коптеры всполошенной компанией кружили вокруг, снимая меня во всех ракурсах. Две... одна...

На этот раз я просто упал. Как бежал, так и рухнул. Стрелки уже привыкли, что я прыгаю влево. А теперь... Упал — и тишина.

Перехитрили!

Мгновенно вспотев, я крутанулся вбок. Выстрел. Ещё раз вбок. Второй выстрел. Об пули легли точнёхонько туда, где я только что был. Нет, ребята, шутите, мне очень нужно выжить!

Я рванул с места как спринтер, снова все упомянув Усейна Болта. Может, это и помогло. Пули впивались под ноги, одна прощуршала возле уха, или мне так показалось со страха, но ни одна не попала в цель. Потом дробью застрочила автоматная очередь, но я уже влетел на насыпь, махнул через рельсы и скатился вниз. Залёживаться не стал. Согнувшись в три погибели, пополз на карачках вдоль насыпи к воротам. Полз быстро, не обращая внимания на щебень и мусор, раздирая ладони и колени в кровь. Боли не было, боль придёт после... после того, как доберусь до ворот, как окажусь на территории Загона.

Коптеры продолжали кружить надо мной вороньей стаей, лишь один спустился ниже и покачивался, привлекая внимание. Жёлтенький. Алиса. Хочет предупредить? О чём? Почему не напишет в чат?

Я оглянулся — позади чисто. Снял с плеча автомат, приподнялся и выглянул. По пустырю бежали охотники. Человек десять. Они нацелились на ворота, отрезая мне путь к

спасению.

Нет, нет, нет, нет...

Я пристроил МП на рельс, поймал в прицел первую фигурку. Вдохнул глубоко, задержал дыхание. Промахиваться нельзя, у меня последний магазин. Бить надо короткими: раз-два.

Нажал спуск, автомат вздрогнул, фигурка покачнулась и упала. Остальные залегли. Я нырнул за насыпь и снова пополз к воротам. Там, где я только что был, забили земляные фонтаны. Охотники ложились кучно, только я тоже не дурак, в армии служил, знаю, что на одном месте сидеть нельзя. Отполз метров на пятнадцать, встал в полный рост, дал две очереди и опять пополз.

Теперь они будут бить на упреждение. Так и есть. Пули зазвенели о рельсы. Неприятный звук. И непривычный. Когда слышишь его в фильмах, он кажется естественным и завораживающим. В жизни хочется зарыться куда-нибудь поглубже и сжаться. Но если я сожмусь, то никогда больше не услышу этот звук. Такой вот парадокс.

Дождавшись, когда выстрелы стихнут, я прильнул к насыпи, увидел поднимающихся людей, и новой очередью уложил их на землю. Побежал. До ворот не больше сотни шагов. Бронированная створка сдвинута настолько, чтобы мог пройти человек. Вот он мой финиш!

Я ввалился в ворота мокрый от пота и побрёл по туннелю на свет. Кто-то протянул бутылку воды. Я приник к горлышку и не остановился, пока не выпил половину. Остатки вылил на голову.

Свет софитов, камеры, мелькающие лица. Меня хлопали по плечам, о чём-то спрашивали, я что-то отвечал. В голове гудело, глаза жгло. Возникла рожа Мозгоклюя. Шоумен схватил меня за руку, завёл на эшафот, пардон, на платформу, хотя какая разница. Заиграла музыка, застучал каблучками кордебалет.

— Это новый рекорд! — добрался до меня голос положенца. — Мой зритель, этот заяц настоящий торопыга. Ха-ха! Он не стал ждать ночи, и среди бела дня вихрем промчался через пустырь — и вот он перед нами! На наших часах: семнадцать пятьдесят три по времени Загона! Это новый рекорд, прежний превышен на семь часов. Слава новому чемпиону! — он сунул мне под нос набалдашник трости. — Дон, ответь, о чём ты думаешь сейчас?

— Водка есть?

— Водка? Вы слышите? Он просит водки! Эй, кто-нибудь, принесите ему водки!

Дебилоид гламурный... Такие вещи надо держать под рукой, а не таскать их откуда-то.

Ещё пять минут Мозгоклюй нёс какую-то чушь о рекордах. Я увидел Гука. Он стоял позади массовки. Мимо прошли охотники. Одного вели под руки, остальные ковыляли самостоятельно, на меня смотрели с ненавистью.

Мисс Лизхен принесла поднос с барским набором: наполненная до краёв тонконогая рюмка и красная икра в хрустальной вазочке. Даже в такой мелочи, как банальная стопка «за победу», Мозгоклюй не смог обойтись без пафоса. Я не стал строить из себя интеллигента, опрокинул рюмку, зачерпнул пальцами икру.

Тело повело. Но не от выпитого. Я выдохся. Эти скачки по городу, перестрелки, твари, охотники отняли все силы. Устал. Мозгоклюй заговорил о новом сезоне, об изменениях в сюжете. Камеры переключились на него, меня взяли под локоть, отвели в сторону. Возле операторского фургончика усадили на скамью. Женщина в медицинском халате осмотрела меня, протёрла лицо физраствором.

— Где с пулей поцеловался?

— Поцеловался? — не понял я.

Не вдаваясь в подробности, она достала из медицинской сумки хирургическую иглу, стянула мне кожу на подбородке и начала сшивать мелкими стежками. Мозг пронзили точно такие же иглы. Я сжал зубы, напрягся, пересиливая боль, а врачиха монотонно и кропотливо протыкала меня иглой, словно я не человек, а плюшевый мишка. Судя по её работе, пуля прошла по касательной от подбородка к правой скуле, шрам получится сантиметров восемь.

— Ещё ногу посмотри. Щепкой проткнуло.

Врачиха размотала проволоку, осмотрела рану на ноге.

— Заживёт. Нагрузку не давай пару дней.

— Йодом хоть помажь.

— Помажу.

Техник, тот, который наставлял меня утром в депо, обнулil счётчик и снял браслет. Порылся в сумке, вытащил планшет.

— Держи, твой старый. А этот верни. Он урезанный, специально для зайцев.

Вихляя бёдрами, подошла мисс Лизхен.

— Контракт где?

Я протянул ассистентке бумагу. Она порвала её и спрятала обрывки в сумочку. Это походило на сокрытие улик с места преступления. К счастью, память у меня хорошая, и первый пункт договора горел в моём мозгу неоновой рекламой.

— Уважаемая, по контракту вы со своим лысым клоуном должны мне три тысячи статов.

— Уже перечислили.

— А за победу?

— За победу тебе всеобщий почёт и слава.

— На славу хлеба не купишь.

— Зато коричневую майку можешь носить не стесняясь. Поздравляю с повышением статуса, — фыркнула она и повихляла назад к платформе.

Я включил планшет. Во весь экран светилась моя фотография и знакомый номер внизу. Открыл финансы.

Поступило: 3000 статов

На счету: 2964 стата

Наверное, списали десятку за аренду нар плюс остатки долга. Могли бы и простить. Но всё равно нормально, теперь я свободен от долгов и кредитов. Лишь бы снова не залезть в это болото.

Ваш статус повышен до коричневого уровня

Ага, Мозгоклюйка не обманула, статус всё же повысили. Теперь совсем не обязательно делать «ку» перед всеми.

Я ждал, что ко мне подойдут, скажут, что делать дальше, пригласят на банкетик. Любую победу надо обмыть, тем более в таком шоу. Но обо мне забыли. Съёмочная группа начала собираться, часть оборудования загрузили в операторский фургончик, часть в теплушку. Мозгоклюю с мисс Лизхен подогнали бьюик. Распуская пары подъехал паровоз, грохнул автосцепкой. Мне хотелось увидеть Алису, поблагодарить её. Пусть она помогала мне не по своей воле, а по воле неизвестного конторщика, но сказать банальное «спасибо» — это дань вежливости.

Однако на площадке Алисы не было, возле фургона тоже, наверное, осталась в депо. Зато на платформе я заметил женщину лет сорока в странном наряде: подпоясанное армейским ремнём грубое суконное платье, хромовые сапоги, красная косынка. Она походила на комиссара из фильма вековой давности, только без кожанки и маузера. Её можно было бы назвать красивой, если бы не жёсткие черты лица и папироса во рту. Рядом стояли двое опасного вида мужиков в потасканной полевой форме советского образца. Эти были вооружены. Один придерживал за ствол ПКМ[1], у второго через плечо висел брезентовый пенал с запасными коробками, в руках калаш.

На фоне Загона вся троица выглядела чужими. Никаких цветовых различий, если не считать косынку. Но это точно не положенцы, возможно, дикари. Коптич несколько раз упоминал какой-то Квартирник. Не оттуда ли они выбрались?

— Это Наташка Куманцева, комиссар обороны Анклава, — услышал я голос Гука. Бывший штурмовик подошёл ко мне со спины, даже гравий под ногой не хрустнул. — Но называть её так не вздумай. Жёсткая баба, прилететь может не только кулак, но и пуля. В зависимости от настроения. Обращайся: товарищ Куманцева или товарищ комиссар. А лучше никак не обращайся. Никогда. Держись от неё подальше, и от всей их радикально-социалистической партии тоже.

— Радикально-социалистическая? — переспросил я.

— Если быть более точным, Радикал-социалистическая партия большевиков. РСП(б). За глаза их называют редбули. Слышал, порода собачья есть — питбули? А это редбули. Хватка смертельная, вцепятся, хрен отпустят. Идеология — вплоть до фанатизма. По вечерам у себя в Анклаве песни хором поют. Тоже, наверное, слышал: Вперёд, заре навстречу, товарищи в борьбе. Штыками и картечью проложим путь себе... И ведь прокладывают, что самое интересное. Упёртый народ.

— Коммунисты?

— Коммунисты рядом с ними — группа продленного дня. Эти из всех разговоров предпочитают язык винтовки и пулемёта. С оружием у них проблем нет, а вот с терпимостью беда. Всё, что идёт вразрез с их идеологией, подлежит уничтожению. Контора с ними долго боролась, но-таки подмяла под себя на правах автономии.

— А где этот Анклав?

— На юго-восточной окраине. Недалеко отсюда. Там раньше воинское подразделение находилось, то ли полк, то ли бригада со складами продовольствия и арсеналом. Теперь там коммуна. Почти в каждом поселении у них своя ячейка, вербуют желающих встать под красные стяги, обещают общество справедливости и отдельные нары.

— Отдельные нары и здесь есть.

— А общество справедливости?

— Справедливость для каждого своя.

— Ошибаешься друг мой, справедливость для всех одна, только преподносят её по-разному.

— Вы с Мёрзлым случайно не родственники?

— С чего вдруг?

— Оба одинаково мозг выносите.

Гук усмехнулся.

— Это да, Мёрзлый любит пофилософствовать, крапивницей не корми.

— Гук, а за что тебя из штурмовиков погнали?

— Боевики смотреть любишь?

— Не особо.

— Там сюжетец часто присутствует: старший группы провалил задание, подставил своих, и все, кроме него, погибли.

— Так ты своих подставил?

— Какой ты торопливый, Дон. В конце фильма обычно узнаётся, что подставил не он, или вообще никто не подставлял. Просто так сложились обстоятельства, разведка недоглядела, аналитики недоугадали, предатель в ряды затесался.

— А когда конец твоего фильма?

— После дождика в четверг.

— Сегодня какой день?

— Знаешь, Дон, это не я, это ты Мёрзлому родственник, — он засмеялся.

На площадке перед платформой никого не осталось. Последним отъехал операторский фургон. Комиссарша выплюнула папиросу, растёрла её подошвой и направилась к нам.

— Всё веселишься, Гук? — вопрос прозвучал резко и утвердительно. Голос надтреснутый, как будто лающий.

— И тебе здоровья желаю, товарищ комиссар. Могу полюбопытствовать, какими ветрами

занесло столь ярких представителей социалистической идеи в эту клоаку либерализма и демократии?

Куманцева сузила глаза. Несмотря на грубое платье и сапоги, она всё равно выглядела зачётно. Только морщинки на переносице не вписывались в общую картину, а так — красивая женщина.

— Товарищей своих встречаю, тех, кто в охоте участвовал. Никого не видел? Может дружок твой?

Она посмотрела на меня, словно хотела прожечь.

— На складах поищи, — не вполне дружелюбно посоветовал я. — Валяется там парочка трупов...

Гук схватил меня за локоть.

— Тебе, Наталья Аркадьевна, по этому вопросу лучше к Мозгоклюю обратиться, — произнёс он. — Или подожди ещё немного, вдруг сами появятся. А нам пора. Пойдём, Дон, не будем мешать товарищам ждать своих товарищей.

Он потащил меня к Радию.

— Тебя жизнь совсем ничему не учит. Говорю тебе, говорю... Ты чего в бутылку лезешь? Просил же вести себя осторожнее. Они ребята злопамятные.

— А что такого? Я её Наташкой не называл, за косички не дёргал.

— А товарищей, которых они дождаться не могут, кто положил? Да ещё похвастался.

— Может это не я, а ты? Ты там тоже не херово отдуплился.

— Как бы я там не отдуплялся, все грехи на тебя спишут. А редбули за своих мстить будут.

— То есть, им меня можно убивать, так? А как их брата коснулось — сразу мстить?

— Ты изначально был списанный. Труп. Трупы сопротивляться не имеют права. Если ты кому-то понравился там, — Гук ткнул пальцем в небо, — это не значит, что тебя и дальше защищать станут.

Гук снова оглянулся на редбулей. Комиссар смотрела нам вслед, словно автомат наставила, на спуск нажать осталось. Но стрелять на территории Загона запрещено, Контора не любит, когда установленные ею правила нарушают, а Натаха при всей своей любви к сотоварищам против Конторы не пойдёт. Не осмелится. Если у меня вдруг начнутся проблемы с радикал-социалистами, то только за пределами Загона.

У проходной Радия курили охранники, среди них — Сурок. Он вежливо кивнул, протянул руку.

— Дал ты охотничкам просрать, Дон. Не ожидал. Всегда было просто: один бежит, другой стреляет, тот, кто стреляет — победитель. А тут на тебе, прям под дых. Даже интересно стало, молодец. Где автомат-то надыбал?

Четыре дня назад Сурок мне яйца прострелить обещал и на работы подписал несмотря на то, что я едва двигался, а сейчас руку протягивает и по имени называет.

— Да где он мог надыбать? Конторщики подложили, — хмыкнул белобрысый охранник. — Откуда ещё такая эмпэшка приплыть может? Не с войны же.

— А чё бы не с войны? — резко ответили ему. — После Разворота здесь чего только не было. И уже потом, когда прихожане навалились, все думали, кранты Загону. Да если в этой землице покопаться, столько барахла найти можно.

— До нас с тобой всё выкопали.

— Выходит, не всё.

Они смотрели на меня, ждали, что отвечу.

— Нашёл, — пожал я плечами. — Хотите верьте, хотите не верьте. Знаете, где Сотка лежит?

— Ну?

— Вот рядом с ней и нашёл. В траве возле дерева.

Сурок недоверчиво покачал головой.

— Возле Сотки? Врёшь.

— А ты сбегай, проверь, если не веришь. Тут недалеко, не обломаешься.

— Не обломаюсь? Шутник ты, — Сурок натянуто улыбнулся. — Наглеешь, Дон. Оружием обзавёлся, друзьями, про цветовую палитру забыл совсем, — это он так ненавязчиво напомнил мне про свой синий статус. — Кстати, ты в курсе правил ношения огнестрельного оружия в Загоне?

— Я ему объясню, — сказал Гук. — Пойдём, Дон. Ты же не против, Сурок, если мы пойдём?

— Ну что ты, Гук, конечно идите.

Шоу в РадиИ завершилось. На полу валялись обрывки обёртки, бумажные стаканчики. Уборщики сметали мусор к воротам, забивали в мешки. Зрители разошлись, но экран ещё светился. Показывали отрывки прошедших событий, правда, без звука. Бегали зайцы, отплясывал Мозгоклюй. Вокруг шоумена крутились девочки в стрингах, а оператор пытался удержать камерой самые привлекательные места.

— В траве возле дерева, говоришь? — спросил Гук.

— Ага.

— И подсумок с тремя снаряжёнными магазинами?

— Ты же не дурак, Гук. Зачем спрашиваешь?

— Просто... Сколько у тебя версий? Каждому своя? Нашёл там что-то?

— Если и нашёл, то чё?

— Да мне всё равно. У меня правило: в чужие дела не лезть. А вот если Контора заинтересуется, где ты шмот свой подобрал, она весь путь твой отследит и проверит. Или допросит с пристрастием.

— Мёрзлый тоже допросом грозил.

— Когда Мёрзлый спрашивает, нужно отвечать без утайки.

Гук свернул к жилым блокам.

— Куда мы? — спросил я.

— А ты как думаешь? Время седьмой час. Приведём себя в порядок, поужинаем. Но для начала поставим тебя на учёт. Это позволит тебе получать особые предложения по сотрудничеству. Поступают они не часто, но оплата за них намного выше. Для некоторых это основной способ выживания.

— Знаешь, я уже получил одно. Даже два. И оба кровавые.

— Ты про группу Тощего?

— Именно.

— У тебя такой взгляд, как будто ты недоволен.

— А чему радоваться? За два дня я убил четверых. Человек! Ты хоть представляешь... Хотя ты, конечно, представляешь. Но всё равно — четверо. Это не считая складов и потом на пустыре. Там я только видел, что падают, а убил или ранил...

Гук смотрел на меня совершенно спокойно.

— Привыкай, по-другому жить ты уже не будешь.

— Жил как-то раньше.

— Это раньше и там. А сейчас ты здесь.

— И как быть?

— Для начала регистрируем твоё оружие.

— Не думал, что тут можно иметь личное оружие.

— Загон не тюрьма, можешь иметь хоть танк, главное, зарегистрируй его в арсенале, чтобы Контора знала, что он есть и что при необходимости она может отправить тебе предложение по стандартному или особому сотрудничеству.

Как-то странно, что он свёл разговор к танку. Знает что-то? Или случайность?

— А если я не захочу сотрудничать с Конторой на своём танке?

— Его реквизируют. Но тебе за него заплатят. Всё честно.

Не доходя до первого жилого блока, мы свернули в тёмный закуток. Раньше я не обращал на него внимания. К стене была привинчена табличка: «Арсенал. Выдача оружия и боеприпасов». Над массивной бронированной заслонкой висела тусклая лампочка. Гук надавил кнопку звонка, мигнул глазок видеокамеры, заслонка отъехал. Мы шагнули внутрь и упёрлись в решётку. Решётка была сплошная, ни единого намёка на дверь, только узкое окно выдачи и длинный прилавок за ним. Толстые прутья прочно вмурованы в бетон, вырвать их можно разве что хорошим зарядом тротила, да и то не факт. По другую сторону сидела пожилая женщина в очках и работала за ноутбуком.

— Мария Петровна...

— Минуту, Гук.

Освещение не блистало, но за спиной женщины я разглядел два ряда оружейных стоек с автоматами, винтовками и сложенные в штабеля армейские ящики. Всё это уходило вглубь помещения в полумрак. На дорожке между рядами стоял ручной погрузчик, возле него на табурете сидел охранник с укороченным калашом на коленях и в броне.

С безопасностью всё было в порядке.

— Давай, Гук. Что у тебя?

Женщина оторвалась от ноутбука.

Долговязый выложил на прилавок винтовку. Женщина осмотрела всё с видом знатока, открыла затвор.

— Расход?

— Четыре.

Гук сделал четыре выстрела. Вряд ли он промахнулся. Но на складах я видел только три трупа, тот, что остался подыхать у стены, точно мой. Значит, ещё одного охотника он подстрелил на пустыре.

— Хорошо. Руку давай.

Гук сунул в окно левую руку запястьем вверх, женщина отсканировала штрих-код и глянула на меня.

— У тебя что?

Я положил на прилавок автомат и подсумок.

Женщина взяла эмпэшку, отсоединила магазин, снова вставила, надавила спуск и благосклонно кивнула в ответ на сухой щелчок бойка. Открыла подсумок, осмотрела.

— Пусто? — в голосе прозвучали нотки разочарования.

Я развёл руками.

— Пришлось всё потратить.

— Учись стрелять, — назидательно сказала она. — Оружие личное?

— Личное, — подтвердил я.

— Хорошо, — она вернулась к ноутбуку. — Имя, номер?

— Дон, номер двести сорок, сто двадцать семь, сто восемьдесят восемь, СЗ. Кстати, что означают эти буквы — СЗ?

— Собственность Загона, — не поднимая головы, ответила Мария Петровна. — Их можно не называть.

Собственность Загона... Я — собственность Загона.

Звучит неприятно, аж корбит. Как будто: здравствуйте, отныне вы наш раб и мы будем делать с вами всё, что пожелаем. Захотим — нагнём, захотим — распнём. А ещё мы дадим вам цветастую маечку, и если будете вести себя хорошо, то дадим другую маечку, и возможно, вы сами сможете занять раба. Или поиметь. Но это мечты, потому что иметь здесь могут только тебя... Я и раньше это подозревал, но когда вот так открыто сообщают о таком... Очень неприятно. Понятно, почему Коптич так гордился тем, что он дикарь. Свободный человек! Вот только жизнь закончил как стопроцентный загонщик.

— Руку давай, — потребовала Мария Петровна.

Она отсканировала мой штрих-код.

— Запоминай: арсенал работает круглосуточно, автомат можешь получить в любой момент. Но учти, допуск у тебя третьей категории, использование оружия на территории Загона запрещено. Возникнет необходимость в техобслуживании или потребуются патроны, обращайся.

— А почём патроны?

— У тебя девятый калибр, парабеллум... Минуту, — она снова склонилась над ноутбуком. — Оружейный цех производством такого патрона не занимается, поставки происходят через станок. Цена — семьдесят четыре ста за штуку.

— Сколько?!

— Если возникнет желание продать автомат или обменять на более доступную модель — обращайся.

— Да кому нужен такой...

Гук отодвинул меня от решётки.

— Спасибо, Мария Петровна, он подумает.

Бронированная заслонка встала на место, мы вышли в коридор.

— Ты слышал? — вскинул я руки. — Семьдесят четыре!

— Цены кусаются, — согласился Гук. — Поэтому многие предпочитают оружие советского или российского производства, к ним патроны дешевле, особенно к гладкостволам. Но продавать не торопись. Продать успеешь всегда, а вот купить сложнее. Намного дороже получится. Подержанный гладкоствол идёт от пяти тысяч статов, пистолет примерно столько же или чуть больше, в зависимости от модели. Цена на калаш начинается с пятидесяти тысяч, новодел дешевле ста двадцати не найдёшь. Твой МП потянет, ну, около тридцатки. Это потому что патроны к нему дефицит. Но лучше он, чем ничего, и уж точно лучше дробовика. А насчёт патронов не заморачивайся. Большая часть предложений по сотрудничеству предусматривает оплату боеприпасов.

Мы подошли к третьему блоку. Люди узнавали меня. Некоторые норовили дотронуться. Подросток протянул кусок картона и карандаш. Я нарисовал заячью рожицу, автомат и

расписался. Потянулись другие с такими же кусками. Гук отошёл к стене и терпеливо ждал, пока наплыв фанатов схлынет. Ждать пришлось долго, из проходов подходили новые. Я увидел знакомую физиономию. Костыль. Он подковылял к Гуку, заговорил. Похоже, они давние приятели.

Где-то на периферии мелькнул Гришуня, но подходить не стал. Я кое-как отпихался от фанатов, пообещав устроить им вечер воспоминаний, но это вряд ли когда-нибудь случится. Завтра обо мне не вспомнят, слава недолговечна, а уж заячья тем паче.

Первым делом я намеревался пойти в столовую, а по пути переговорить с Ровшаном. Надо выяснить вопрос по поводу той маленькой революции, которую, как оказалось, устроил я. Очень хотелось глянуть в эти заплывшие жиром глазки. Но Гук сказал, что с Ровшаном успеется.

Он отвёл меня в местную баню: парное отделение и несколько рядов деревянных лавок с ушатами. На полу потрескавшийся кафель, вдоль стен ржавые трубы, зато вода горячая, а к ней мыло и мочалка. За всё — четыре стата. За дополнительные три стата — стирка, штопка и глажка одежды. Потом в раздевалке можно пропустить кружечку пива, но уже за пятнадцать статов, или чай — бесплатно.

Мы взяли пива. Гук получил приличную сумму за моё прикрытие. Сколько именно, гадать не возьмусь, но услуги профессионала подобного уровня должны стоить дорого. Во всяком случае, выложить пятнадцать статов за кружку пива не каждый себе позволит, а он даже не поёжился. Народ на соседних лавочках поглядывал на нас со злой завистью.

Мы пили, ожидая, пока принесут одежду.

— Гук, тебе никогда не приходила в голову мысль сбежать отсюда? — осторожно спросил я.

— Сбежать? — мой вопрос его удивил. — Зачем?

— Ну как же, — проговорил я. — Это же... не тюрьма, конечно, но...

— Хочешь бежать? Ради бога, беги. Где ворота — знаешь. Охрана слова не скажет.

Я замялся.

— Вот так просто? То есть, я могу сейчас встать, забрать автомат и свалить?

— А чего усложнять? Иди, никто тебя держать не станет. Только прямо сейчас не советую. Во-первых, ты голый. Дождись хотя бы, когда одежду почистят. Во-вторых, уже поздно, скоро стемнеет, а ночью в Развал лучше не соваться. А вот утром ступай. — Гук допил пиво и придвинулся ко мне. — Ты думаешь, мы тут сидим, потому что Контора нас держит, да? — он покачал головой. — Ничего подобного. Загон — самое безопасное место в округе. Стены, охрана, вода, еда, электричество. Если дикарь тебе в уши насвистел, рассказывая, какая свобода на Свободных Территориях, это значит лишь то, что ты ничего не знаешь о Свободных Территориях.

— Ну а как же «собственность Загона»?

— Это условности, предупреждение другим станочникам — этот наш, не тронь. Люди такой же ресурс, как уголь или железо, и за них идёт война. Так что мы все чья-нибудь собственность, не Загона, так Прихожей, не Прихожей, так обстоятельств. Все отношения строятся на обоюдном согласии. Контора даёт тебе укрытие, возможность заработать и не сдохнуть с голоду, а взамен использует так, как считает необходимым для общего выживания в текущем моменте. Вопросов по этому поводу много, о них можно говорить и спорить, но при этом тысячи людей с Территорий рвутся на ПМЖ сюда.

[1] Пулемёт Калашникова модернизированный, принят на вооружение в 1969 году

Глава 18

В то, о чём говорил Гук, не очень-то верилось. Совместить такие понятия как «собственность», «нюхач», «яма» и «выживание» не удавалось. Людей сажали на наркотики, превращали в тварей, выкачивали кровь... И за это я должен говорить Конторе спасибо? Наверное, я чего-то не понимаю, слишком мало информации.

Гук пальцем подманил банщика, тот подбежал, склонился в полупоклоне.

— Давай нам ещё пива и на зуб чего-нибудь. Чем порадовать можешь?

— Только вяленая рыба, — состроил он жалостливую мину, и протянул извиняющимся голосом. — Ты же знаешь, Гук, прейскурант не мы утверждаем.

— Ты чё мне заливаешь? — долговязый прихватил его двумя пальцами за подбородок, банщик даже не сделал попытки вырваться, только захихикал по-дебильному.

— Гук, ладно, ладно... Есть бутерброды с сыром, с селёдочным маслом...

— Почём?

— Семь... Тебе пять статов за штуку.

Гук разжал пальцы.

— А говоришь, не ты прейскурант утверждаешь. Давай нам бутербродиков, и тех, и тех по десятку, мы с утра не ели. И яишенку сваргань, ну и воблочки тоже. И в стаканчик мне накапай.

Банщик ушёл, а Гук хмыкнул:

— Всё у них есть, цену набивают, дескать, достать трудно, но за лишние статы можно. Пожётче с ними надо, и если что — сразу за кадык.

С пива Гука развезло, он расслабился, стал откровеннее.

— После Разворота здесь непонятно что творилось: статы бумажные, в блоках беспредел, людей резали за лист крапивницы. Всем руководил Комитет Спасения. Откровенные придурки. Держали под собой станок, угольные шахты, ТЭЦ, на большее не претендовали. Тварями не занимались, те возле терриконов стаями бродили. Весёлые времена были и жёсткие. Я выживал, как мог. За крапивницей ездил, уголь рубил. Потом конторщики власть под себя прибрали, начали жизнь налаживать. Отморозков в блоках как тараканов вывели, старост поставили. Не скажу, что старосты лучше, но беспредела сильно поубавилось. Кормёжку наладили, сотрудничество, ферму, цветные майки. Мы с Мёрзлым как раз перед этим сошлись. В Радию тогда гладиаторские бои устраивали, я часто бился, лишний стат не помешает. Жрать-то хочется. А Мерзлый бойцов набирал. У него в то время оба глаза были, вот он меня и углядел. Разговорились. Я до Загона повоевать успел, опыт боевой присутствовал. Но под глаголов идти не хотел, они тогда вообще мрази конченные были. Ненавижу! А Мёрзлый сказал, что есть люди, способные навести порядок в Загоне, и нужны ребята, готовые на всё. Я поверил. Команда собралась достойная, подчинялись напрямую Конторе, Мёрзлый за старшего. Первым делом вычистили всё говно снаружи, потом за жилые блоки взялись. Экипировка херовая, иной раз в рукопашную идти приходилось. Ребят хороших полегло... А когда поставки наладили, начали Развал зачищать. Там не только твари, там и дикари бродили, и рейдеры, и миссионеры. С Анклавом закусились, с Прихожей...

Банщик принёс заказ. От яичницы пахло одуряющее вкусно, шкворчало масло. Гук подвинул сковородку мне, сам взял стакан, резким движением опрокинул в себя и занюхал

бутербродом.

— Хорошо... О том времени роман можно написать. Боевичок такой... Как думаешь, будут читать?

Я пожал плечами.

— Не знаю, наверное. Даже у самой плохой книги найдётся преданный читатель, — я ел яичницу, запивая пивом. — Гук, если вы с Мёрзлым такие большие друзья, порядок в Загоне наводили, почему он в положении, а ты шлак?

— Есть причина.

— Какая?

— В книге прочитаешь.

Вытаскивать из него подробности я не стал, захочет, сам расскажет.

— Гук, а откуда вообще Территории взялись. Или это секретная информация?

— С чего ей секретной быть? В планшете поройся, в нём любители истории специальный раздел создали. Почитай, когда время будет.

— А что за раздел?

— Большой раздел, не промахнёшься.

Я опустошил кружку, взял вторую. Гук откровенно блаженствовал. Банщик поднёс ещё пару кружек. Долговязый подмигнул ему.

— Родной, ещё накапай.

Банщик кивнул и испарился. Гук становился развязнее, похоже, алкоголь был ему противопоказан. Пока он не ушёл в штопор, я спросил:

— Гук, посоветоваться хочу.

— Советуйся... Хороший ты пацан, Дон. Интеллигентный, конечно, но хороший. По годам в сыновья мне годишься... Но я не претендую. А вот в крёстные... Ты в бога веришь?

Я кивнул, но разговор был не о вере.

— Ситуация у меня неприятная. На Земле меня ни одного взяли, ещё жена была и дочь. С тех пор я их больше не видел. Врач на базе шепнул, что всех под станок отправляют. Можно как-то узнать, здесь они или нет? И если здесь, то где?

Гук пожал плечами.

— Узнать можно всё, если знаешь, к кому обратиться... В Загоне тыщ сорок народу, и не каждый на виду. Да и врач твой балабол. За подобные разговоры Контора языки отрезает. А то и голову... Как жену зовут?

— Данара. У неё астма. А дочь Кира. Семь лет.

Гук кивнул.

— Посмотрю, что можно сделать. Но ты особо не надейся. Не факт, что они в Загоне.

Посидели мы хорошо. Поели, выпили. Гука наклюкался до лежачего положения. Банщик ещё раз три приносил ему мутную жидкость в стакане. Я почти не хмелел, лишь вначале немного, а уж после яичницы и бутербродов почувствовал себя бодро. Только ноги гудели. Три дня хождения по городу давали себя знать.

Прачка вернула одежду. Чистая, все дыры аккуратно заштопаны, на брюках стрелки. Гук сказал, что останется здесь, сунул под голову кулак и засопел. Ему принесли подушку, а я доел последний бутерброд и отправился на свои нары.

Койка номер тринадцать по-прежнему числилась за мной. Место было оплачено, забрать его никто не имел права, и так будет до тех пор, пока я не перестану платить или

пока не откажусь от него. Внутри ничего не прибавилось и, самое главное, ничего не исчезло.

Я разулся, лёг. Берцы поставил в шкафчик, светильник включать не стал. Несколько минут лежал, уставившись в потолок. Он шевелился и поскрипывал, потому что для тех, кто наверху, он служил полом. Когда окончательно понял, что не хочу спать, достал планшет. Перелистал разделы в поисках того специального, где говорилось о прошлом Загона, нашёл «Архив». Внутри несколько папок со статьями, открыл ту, которая обозначалась как «История Загона».

История для меня предмет понятный, в школе одни пятёрки. После одиннадцатого класса подумывал поступать в пед на гуманитарный факультет по направлению история и право. Готовился основательно, но в итоге поступил на лингвистический. Разворот получился на сто восемьдесят градусов, однако одно другому не мешало, тем более, что итогом обучения оказалась небольшая кофейня на четвёртом этаже большого торгового центра, о чём ни я, ни мои постоянные клиенты не жалели.

В первом же абзаце неизвестный автор поведал, что объяснить, как именно возник этот мир и как в него попали люди, невозможно. Официальная версия склонялась к тому, что мир является параллельным земному и был искусственно создан группой физиков-энтузиастов из Цюрихского университета, опиравшихся в своих расчётах на геометрию Лобачевского, уравнения Максвелла и теорию относительности Эйнштейна. Что в этом правда, что выдумка и как в реальности было дело, не знает никто — всё покрыто мраком, как и имена энтузиастов. С достоверностью можно сказать лишь то, что первый станок, позволявший перемещать тела и предметы с Земли в этот мир, появился в 1912 году на месте, которое ныне называется Прихожая. Местоположение его в реальном мире находится где-то в горах Нижней Австрии.

Почти сразу станок прибрала к рукам австрийская разведка, но владела им недолго. После поражения в Первой мировой и развала Австро-Венгерской империи, он перешёл под контроль общества Туле[1], а за ним через нацистскую верхушку Германии к Аненербе[2]. На территории Прихожей были созданы научные институты и секретные производства.

Возник вопрос внутреннего обеспечения ресурсами и рабочей силой. Отсутствие нефти восполнили электрификацией. В трёхстах километрах к востоку были открыты залежи каменного угля, разработаны шахты, проложена железная дорога. Именно эти шахты и послужили зарождением Загона. Нехватку рабочей силы решили кардинально. С началом Второй мировой войны десятки тысяч военнопленных и интернированных были переправлены через станок в Прихожую. Основная часть — советские граждане — были отправлены на шахты. Чтобы прокормить эту массу людей, немецкие генные инженеры вывели на основе инвазивных видов борщевика новый вид растений, который назвали крапивницей из-за схожести формы листьев с крапивой. Богатые витаминами и минеральными веществами сочные листья решили проблему голода.

С окончанием войны станок попал в руки советской внешней разведки. Сведения передали в Ставку и засекретили. Однако через пленных немцев информация просочилась к союзникам, которые потребовали свою долю параллельного мира. Им показали дулю, в ответ ангlosаксы разработали операцию «Немыслимое»[3], плавно перетекающую в Иранский кризис[4]. Угроза ядерного удара заставила Сталина отказаться от станка в Нижней Австрии и передать его Объединённому разведывательному комитету Великобритании. Но к этому времени советские учёные сумели разобраться в конструкции

станка и создать свой на месте Загона, обратный выход из которого находился уже на территории России. Рядом с шахтами начали возводить город, тот, который теперь называется Развал. Бывших военнопленных возвращать не стали, обеспечили работой, организовали быт.

Первоначально рассчитывали создать метрополию, где могли проводить разработки новых технологий и оружия, но с точки зрения экономики это оказалось невыгодным. Единственный ресурс — уголь — не давал возможности развиваться. Нефть так и не нашли, поставлять её через станок оказалось невыгодно. Для работ в сельском хозяйстве использовали паровые трактора, работавшие на угле, что было неудобно и дорого, поэтому основным источником питания по-прежнему оставалась крапивница. Многолетние растения не требовали особого ухода и обработки, листьев, которые научились перерабатывать в муку и варить ту самую зелёную кашу, вполне хватало, чтобы прокормить население Развала и пригородов. Железные рудники на юго-востоке прибрала к рукам Османская конгломерация, сумевшая найти способ прорваться в новый мир. С ними удалось договориться и наладить поставки железа в обмен на уголь, однако для масштабного производства этого было мало, развитие технологий пошло по пути электричества и пара.

В конструкторском бюро велись разработки электродвигателя. В качестве основного транспорта использовался троллейбус, для чего пришлось опутать проводами весь город и предместья. Двух теплоэлектростанций вполне хватало, чтобы обеспечить территорию электричеством.

Внутри общества укоренились идеи всеобщего взаимного уважения на основе строгих правил. Некоторые из них потом были переняты Конторой. Тех, кто нарушал правила, наказывали жёстко и быстро. Органы, исполняющие полицейские функции, на местах практически отсутствовали, поэтому многие нарушители подвергались общественному осуждению, то есть — самосуду. В своих действиях жаждущие справедливости люди себя не ограничивали, и после вынесения приговора мало кто из преступивших закон выживал. Для тех, кто совершал мелкие правонарушения, была создана тюремная зона, получившая неофициальное название Квартирник.

В начале восьмидесятых из Водораздела поступили первые сообщения о неизвестной болезни. Это ещё не было Разворотом, только его преддверием. Люди покрывались сыпью, цвет кожи менялся, кости трансформировались. Изменения сопровождалось судорогами и страшными болями. Больные умирали в течение недели. Случаи заражения были редкими, определить природу заболевания в тот раз не удалось.

Через три года в поселении рядом с Прихожей вспыхнула эпидемия. Одновременно заразились более тысячи человек. В целях ограничения заболевания городок обложили блокпостами и направили несколько врачебных бригад на борьбу с пандемией. По прошествии двух недель увидели первую тварь.

Это был лизун.

Я видел язычника, багета, пёсотварь, про лизуна только слышал. Летописец дал ему такое описание: внешне похож на шимпанзе, кожа голая, пористая, серого или жёлтого цвета. Передвигается на четвереньках, опираясь на длинные передние конечности. По характеру безобидный, ласковый. Чует прочих тварей и может предупредить о них. В описание наверняка вошли уже более поздние данные, а на тот момент многого просто не знали.

Лизуна попытались поймать. Полицейский патруль, отправленный за ним в город, не

вернулся, та же участь постигла второй патруль. Для их поисков пришлось задействовать военизированное подразделение местной охраны. Однако на подходе к городской окраине группа была атакована странного вида животными. Впоследствии им дали название «багеты». Несколько человек были убиты, остальные открыли огонь из штурмовых винтовок. Пули вырывали из тварей куски мяса, но те продолжали наступать, не чувствуя боли, как будто находились под воздействием боевых психотропных препаратов. В результате из всей группы военных выжили только двое.

Поселение держали в осаде несколько месяцев, уничтожая всех, кто пытался выйти из него, даже врачей, лечивших больных, а потом сожгли из огнемётов.

Но от новых заражений это не спасло. Большинство жителей европейской зоны влияния либо заразились и трансформировались в тварей, либо разбежались, лишь немногим удалось укрыться на базах, прикрывавших станки. Чтобы не занести заразу на Землю, на любые перемещения между мирами был наложен запрет. Прихожая и Водораздел ушли в карантин. С этого дня и стали отсчитывать Разворот.

Причину заболевания удалось выяснить быстро. Ей оказалась пыльца крапивницы. Под воздействием местных условий она мутировала. Листья по-прежнему оставались ценным питательным продуктом, но пыльца приобрела опасные свойства. Проникая в организм человека через дыхательные пути, она попадала в кровь и давала резкий толчок к мутационным изменениям. Человек медленно превращался в тварь, причём, кто именно получится в итоге, предугадать было невозможно. Из подвергшихся мутации животных выживали только собаки крупных пород.

Внешне крапивница никаких изменений не претерпела. В малых количествах пыльца могла вызвать лишь головокружение и рвоту, иммунная система человека справлялась с ней, но в больших объёмах она была смертельно опасна. Чтобы избежать заражения, использовали респираторы, маски, противогазы. Предупреждением служил сильный запах душистой гвоздики.

Руководство Развала — на тот момент Белый Стан — сочло угрозу несущественной, и ограничилось контрольными пунктами на границе с Прихожей. Считалось, что прекращение общения с прихожанами и водяными остановит заразу, поэтому когда пыльца проникла в город и вспыхнула эпидемия, никто к этому готов не был. Поднялась паника. Общество, выстроенное на принципах взаимного уважения, развалилось на куски. Среди общего хаоса начались грабежи и убийства. По улицам шныряли твари, рвали людей. Кто-то успел сбежать, другие попытались объединиться. На месте угольных шахт и теплоэлектростанции возник Загон; на территории воинской части — Красный анклав; в троллейбусном депо — команда номер одиннадцать; в северных пригородах посёлок Маньки Лютика, на северо-востоке Квартирник.

Сколько людей спаслось, сколько погибло, сколько превратилось в тварей — подсчитать было невозможно...

Я прочитал все статьи из этой папки, ничего особо нового не узнал, только несколько имён, названий поселений и мелких деталей. То, что действительно могло быть полезным — конструкция станка, принцип работы, имена учёных, внутренняя структура Конторы — осталось за скобками. Было несколько статей, в которых описывались способы восхождения по статусу, смысл цветовых различий, однако все они были написаны в стиле Карнеги, и реальной пользы принести не могли.

По центру экрана замигала перечёркнутая батарейка. Я подсоединил планшет к заряднику и закрыл глаза.

Проснулся, потому что кто-то дёргал за рукав.

— Эй, Дон...

Твою ж мать! Ещё ни разу не довелось мне проснуться, потому что выспался. Всегда кто-то будит. Сначала Тёща, потом Матрос, теперь вот... Надо мной завис хлыщ — шестёрка Ровшана. На клапане кармана неаккуратно вышито: Крючөк. Именно через «ё». Читая, хотелось причмокнуть в конце: Крючьмок.

Я приподнялся на локтях:

— Чего тебе?

— Ровшан зовёт.

Я посмотрел время: начало девятого. Долго спал, пора бы и вставать. Хотя после шоу и пива можно ещё покемарить пару часиков.

— Чё ему не терпится?

— Не знаю. Он сказал позвать, я позвал. Дальше ваши разборки.

— Хорошо, на завтрак пойду, загляну к нему.

Я снова лёг.

— Ровшан поторопиться велел.

— Велеть он тебе будет.

— Зря ты так, Ровшан тебе зла не желает. Если бы он злился, прислал бы Ковролина или Гришуню. И уж точно не утром.

Здоровое зерно в его словах было. Я широко зевнул.

— Дохлого уговоришь... Где тут у вас умывальник?

Умывальник оказался там же, где баня. Чудное заведение, три в одном: баня, умывальник, туалет. Всё общее, в том числе и очередь. Из дощатой кабинки я перебрался к длинному корыту с десятком потускневших медных кранов. Над каждым — зеркальце. На полочке стёртые почти до основания зубные щётки, зубной порошок, мыло.

— Не нравится? — увидев брезгливость на моём лице, усмехнулся лысый мужичок в клетчатой рубашке. Он водил по щеке опасной бритвой, срезая щетину и мыльную пену.

— Не нравится, — подтвердил я.

— Тогда купи своё, если стати лишние есть.

— Где?

— Можешь в блоковом магазинчике, но лучше в Петлюровке. Дешевле выйдет, — он покосился на меня. — Свеженький что ли?

— Неделя.

— А... Погоди, не ты ли тот заяц...

Я кивнул.

— Ох ты, — мужик обтёр бритву о полотенце. — Ну ты крут! Я хоть и не ставил на тебя, но всё равно... — он протянул мне руку. — Грузилок.

Я пожал узкую ладошку.

— Мы все на тебе бабки потеряли. Никто не думал, что ты победишь. Откуда ты вообще взялся?

— Много ставили?

— Да, — он махнул рукой и продолжил бриться. — Копейки. Забудь, таких, кто

серьёзно на тотализаторе заморачивается, мало. Так, ради интереса. А тебе сколько за победу отвалили?

— Коричневую майку.

Я намазали лицо, шею. Чистить зубы тем, что лежало на полочке, не решился.

— Не густо. Статов вообще не отвесили?

— Капнули немного на счёт. Вчера пивка попил тут в баньке, осталось на опохмелку.

Грузилок задрал голову, начал соскабливать щетину с горла.

— Да ты не отчитывайся, я просто так спросил, для разговору. Сколько бы тебе не накапали, всё твоё.

Пока я умывался, на планшет пришло несколько предложений по сотрудничеству. Два из них касались крапивницы, ещё два предлагали рабочие места в депо на постоянной основе. Что конкретно делать не сообщалось, наверняка какой-нибудь неквалифицированный труд. Но цена вопроса порадовала: сорок статов в день. Я потянулся пальцем надавить «да». Зуммер снова пискнул.

Ваша заявка на соискание должности охранника внутренней службы рассмотрена. На данный момент штат заполнен. Мы можем внести вас в список очередников.

Внести?

да нет

— Не советую, — скосившись на экран, сказал Грузилок. — Говно сотрудничество. Платят мало, требуют много. Чуть что — в яму на принудилровку. Не, если у тебя нервы крепкие, то пожалуйста. А я вот слабоват на это дело, ну его нахер.

Я нажал «нет». Не знаю, может и поторопился.

[1] Немецкое оккультно-политическое общество.

[2] Нацистская организация мистического толка.

[3] Кодовое название наступательного плана США и Англии против Советского Союза летом 1945 года, который предусматривал силовое вытеснение советских войск из Европы.

[4] Конфликт 1946 года между Ираном и Западом с одной стороны и СССР с другой.

Ровшан сидел за своим столом в позе печального бонзы. Перед ним выстроилась очередь желающих решить житейские вопросы. Я прислонился к стене. Лезть вне очереди не в моём стиле, хотя парочка нагловатых крепышей раздвинули народ плечами, протискиваясь ближе к столу. Я так не умею. Да и настроение говорить со старостой пропало. Вчера было, сегодня нет. Остыл. Если бы хлыщ не озаботился отдельным приглашением, мимо прошёл.

Надо позавтракать. Статы на счёте есть, и по местным меркам не малые. Если экономить и лишний раз на харчо не заглядываться, хватит надолго. А за это время придумаю что-нибудь. Сообщения по сотрудничеству приходят постоянно, подберу подходящее.

Ровшан заметил меня.

— Эй, Дон, — он сделал жест пальцами, — давай ближе. А вы свалили все, мне с человеком поговорить надо.

Люди недовольно оглядывались на меня, но никто слова не сказал. Я прошёл к столу, хлыщ поставил стул. Похоже, это было проявлением уважения, перед прочими посетителями стул не ставили, да и передо мной в прошлые посещения тоже не расшаркивались.

— Нехерово ты охотников раскатал, — подмигнул Ровшан. — В чате за два дня — полляма просмотров. Нагреет Контора руки на этом шоу.

— Ты меня тоже нехерово подставил, — в тон ему ответил я.

Ровшан облизнул губы.

— Слушай, Дон, ты только не кипишуй. Никто тебя не подставлял. Вспомни, когда фермеры за тобой пришли, я Ковролина послал на защиту.

— Чё-то он не особо старался. Матрос его одними словами по блоку размазал. До сих пор, наверное, отскоблить не могут.

— Ты не кипишуй, — повторил староста. — Не было цели тебя подставлять. Бабла срубить с Дряхлого идея была, всё остальное домыслы. На кой мне надо своих сливать? Фермеры сильнее оказались, — он сплюнул. — Они всегда пересиливают, чмошники.

Мне как-то было плевать на его разборки с фермерами, интриган херов. И плевать, почему они эти разборки восстанием обозвали. Не понятно, какого беса меня в заговорщики определили? Слава богу, обошлось. А если б не обошлось? Если б меня реально в твари определили? Сука, конечно, этот Ровшан. И сделать ничего нельзя, слабоват я против него лямку тянуть. Фермеры об него ноги вытерли, а он об меня.

Ровшан огладил брюхо.

— В общем так, Дон, смотри. Есть темка по сотрудничеству. Хорошая темка, не пыльная. Это чтоб ты не думал, будто я тебе чё-то должен. Ребята ремонтом электросетей занимаются. Вышку где поломало, провода порвали. Они ездят и ремонтируют. Офис у них в администрации при ТЭЦ, в общем-то, они и работают от ТЭЦ. Им сейчас охранник нужен. У тебя же личное оружие есть? Стало быть, ты им подходишь. Я их попросил, они обещали посмотреть. Сходи. Там всех дел — сутки на лавочке булки давить.

— Ты откуда про оружие знаешь?

— Дон, ну как иначе? Я же староста. Я всё знать должен.

— Понятно. Платят сколько?

— Они всё расскажут. Только поторопись, к ним многие попасть мечтают.

— А разве в охрану не через Отдел кадров устраиваются?

— Это когда во внутреннюю или на периметр. Они только Конторе подчиняются. А эти сами набирают, через общую рассылку. Частная охрана, понял?

От предложения Ровшана тянуло душком. С чего вдруг он решил поучаствовать в моей судьбе? Вину заглаживает? Тут бы для начала посоветоваться с хорошим человеком.

— Гука не видел?

— А что тебе Гук, отец родной?

— Может и не родной, но крёстный точно.

— Времени у тебя в обрез. До обеда не успеешь, они другого возьмут. Да не ссы ты, там всё честно. Мы с главным их, с Кумом, давно корешимся, с Разворота ещё. А Гук человек запойный. Я слышал, вы вчера в баньке оттянулись? Он теперь где-нибудь в Петлюровке сопли размазывает. Задолбаешься искать его.

В запойный характер Гука я поверил сразу, есть что-то такое в его лице, а вот в альтруизм Ровшана верилось с трудом. Хотя какой смысл ему меня обманывать? Если он пургу гонит, я об этом быстро узнаю. Но с Гуком всё равно поговорить надо.

— Ладно, где это?

— Выйдешь через Радий и направо. Дымовые трубы видел? Это и есть ТЭЦ, здание администрации рядом. Автомат не забудь.

Я быстро позавтракал. Взял кофе эрзац, хлеб с маслом и два листа крапивницы. Вылилось это в двенадцать статов. Не дёшево. Комплексный завтрак обошёлся бы в два стата. Крапивницу дожёвывал на ходу, перепачкался соком. Зубы свело от горечи, но по жилам растеклась бодрость, как будто хлебнул мощного энергетика, до вечера, считай, зарядился.

Зашёл в арсенал, забрал эмпэшку. Вместо Марии Петровны сидела другая женщина. Она отсканировала моё запястье и предупредила, что за хранение оружия взимается плата: два стата в день. Я заглянул в кошелёк. Счёт уменьшился на четыре стата, плюс те двенадцать за завтрак. Суток не прошло, а призовые полегчали почти на сотню. Если и дальше так пойдёт, надолго статов не хватит. Надо ужиматься.

Охрана периметра, увидев у меня на груди автомат, напряглась. Смена была другая, не Сурка. Старший взял меня на abordаж, четверо зашли с боков.

— Куда с оружием вылез? — выпучил глаза старший.

— В ТЭЦ иду на собеседование. Им охранник нужен.

Старший посмотрел на одного из своих.

— Сегодня стандартные контракты по сотрудничеству были?

Тот отрицательно мотнул головой.

— Чё ты мне лепишь, клетчатый? Ты кто такой? Запястье давай!

Я протянул руку. Пока он сканировал, охранник сказал негромко.

— Сиваш, это тот заяц...

— Какой ещё заяц?

— Ну тот, вчерашний. Победитель шоу. Я тебе рассказывал.

— Дерьмо это ваше шоу. И Мозгоклюй дерьмо. Народ почём зря кладут, а вы эту хрень смотрите.

Он сверил полученную на планшет информацию с оригиналом.

— Почему внешний вид не соответствует статусу?

— Не успел обзавестись новой одежкой, — слукавил я.

Он явно хотел к чему-нибудь придраться.

— При передвижении по Загону оружие должно находиться на плече за спиной. Магазин отсоединён. Понял?

— Да у меня патронов нет.

— Магазин отсоединён! Понял?

— Понял.

— Ладно, скажи по своим делам, кролик. Запомню тебя.

Я его тоже запомню. Высокий, широкоплечий, лет сорок. Лицо квадратное, чисто выбритое. Глубокие носогубные складки и надбровные дуги придают впечатление угрюмости вплоть до бесконечной злобы. Если такого встретишь где-нибудь на мосту да ещё ночью, лучше валить сразу. Так спокойнее.

Трубы ТЭЦ поднимались над крышей Радия и казались совсем близкими. На самом деле идти до них пришлось минут тридцать. Сначала я хотел сесть на маневровый. Рельсы тянулись до электростанции и уходили дальше к шахтам. Но паровоз лишь прогудел многозначительно, доехал до поворота на ферму и остановился.

Пришлось топтать дальше на своих двоих. Мимо проехали, взбивая пыль, несколько грузовых электроплатформ, ни одна не остановилась, хоть я поднимал руку. Со стороны депо доносился постоянный тревожащий шум, похожий на удары тяжёлого металлического била по наковальне. Гудели провода. Пахло гарью и торфом.

Сразу за фермой я увидел ТЭЦ. Идти оставалось с километр. Вдоль дороги стояли контейнеры, штабеля с древесиной, сутились рабочие, двигался козловой кран. Глядя на эту мирную картину можно было подумать, что я нахожусь на обычной складской площадке; надо просто выйти за ворота, сесть в машину и через полчаса, максимум час, я буду дома. А там Данара, Кира...

— Клетчатый, спишь на ходу?!

Сзади просигналили, я едва успел отпрыгнуть на обочину. Грузовая платформа осыпала меня пылью. Водитель показал кулак. Я продемонстрировал ему автомат, он повертел пальцем у виска. Хорошо пообщались.

На парковке возле администрации стояла боевая платформа, один в один как у Мёрзлого, только борта не бронированные, а закрытые обычными железными листами. Между листами поместили два ряда двухдюймовых досок. От дробовика такие прикроют однозначно, а калаш пробьёт насквозь не задумываясь. Да и мой МП с близкого расстояния тоже пробьёт. Рядом пристроилась грузовая платформа, в кузове катушка с кабелем и несколько бухт алюминиевых проводов.

В фойе сидела вахтёрша, читала с планшета. На вопрос, где найти ремонтников, указала направо. Я прошёл в указанном направлении и остановился перед дверью, на которой мелом от руки было написано «Ремонтный отдел». За дверью сидел дед умного вида, в очках. Статус определить было нельзя, серый рабочий халат прятал под собой любые цвета. Возможно, положенец. Хотя почему «возможно»? Однозначно положенец.

— Чё припёрся?

— Я от Ровшана.

Дед навалился на стол грудью.

— Тогда слушай, раз от Ровшана. Сотрудничество сутки через сутки. Сидишь в дежурке, ждёшь вызова. Поступила команда, прыгаешь в броневик и катишь к месту. Бригада — три бойца, два ремонтника. Задача простая: обеспечение безопасности ремонтных работ. Оплата

за смену — девяносто статов. К ним прилагается бесплатный хавчик в нашей столовке и полное возмещение потраченных боеприпасов. Вопросы есть?

Вопросы были.

— Девяносто статов за смену, это получается сорок пять в сутки?

— Получается так. Но хавчик бесплатный независимо от того, дежуришь ты или отдыхаешь. И это не зелёная хрень, которая в зубах застревает. Выезды не часто, бригада в дежурке по большей части массу топит да в карты режется... Эй, слушай, чё я тебя уговариваю? У меня очередь до ворот стоит. Ровшан попросил, я уважил, а ты выёживаешься!

— Да я не выёживаюсь. Уточняю. Должен же я знать, что делать? Не хватало ещё облажаться.

— Не облажаешься. А облажаешься — штраф, да и то не тебе, а старшему смены. Он, кстати, всё тебе и объяснить. Завтра к восьми будь здесь. Ясно?

— Ясно.

— Что за автомат? — кивнул дед на эмпэшку. — Дай гляну.

Я положил МП перед ним. Он взял его в руки, уверенно передёрнул затвор, осмотрел магазин.

— Патроны где? Или ты воздухом стрелять научился?

— Ровшан сказал, боеприпасы здесь дадут.

— Компенсация только за израсходованные. Одна пустая гильза — один целый патрон. На смену приходишь, имея при себе хотя бы один полный магазин. Ферштейн? Или сразу вали в свой гребанный блок, мне халявщики не нужны.

Я потускнел. Ровшан не обманул, сотрудничество намечалось интересное. Девяносто статов — это даже больше, чем Гук за крапивницу получил, только там он целый день спину гнул, а здесь зад на лавке отсиживать. Такое терять не хочется. Патроны у меня есть, и много, но все они в танке под мостом, за сутки не обернуться. Это сначала надо до депо, от него к мосту, потом назад. На своих двоих не реально. Наверняка туда какой-нибудь транспорт ходит, грузовые платформы с товаром, с людьми, но это всё надо уточнять, договариваться, а времени нет.

— Где можно патроны взять?

— В арсенале. У них вся линейка на выбор.

— А подешевле варианта нет? Дорого в арсенале. За пистолетный патрон девятого калибра семьдесят четыре стата просят.

— Конечно, дорого, — мне показалось, что старик смягчился. — Такие патроны только через станок поступают, местный цех не производит. Если б ты с дробовиком без патронов припёрся, я б тебя сразу послал, а тут возможность даю... В Петлюровку сходи. Возле «Отвёртки» оружейная мастерская есть, скажи, от Кума, это я. Дальше по ситуации. Ферштейн?

— Ага.

— Тогда всё, отваливай.

На этом разговор закончился. Дед отсканировал меня, отметил данные в планшете и распрощался.

У вахтёрши в фойе я спросил, где находится Петлюровка. Женщина не поленилась, вылезла из своей каморки, вышла со мной на улицу и указала на длинное строение с глухими стенами.

— Видишь? Это угольный склад. За ним дорога направо к шахтам, а тебе налево. Люди туда на маневровом обычно ездят или через рабочий эвакуационный выход идут. Так намного ближе.

Я поблагодарил женщину, перевесил автомат за спину и потопал.

За складом росли терриконы. Грузовые платформы сваливали породу, наращивая стены. То ли строили вторую линию обороны, то ли ещё что-то. Впритык к земляному склону притулилось скопище построек, настоящий городок времён Дикого Запада: бараки, палатки, сарайчики, развалы. Меж ними изогнутые дорожки, тропинки. Никакой систематизации. Во все стороны текли бесконечные людские потоки. Основная масса — клетчатые и дикари. На стенах вывески, чаще намалёванные краской на фанере безыскусные формы, и лишь изредка что-то более эстетичное.

Оказавшись в этом водовороте, я растерялся. Куда идти? Кругом зазывалы, торгаши, прилавки, кучи мусора. Бесконечный шум: крики, стоны, мат, музыка. На прилавках самый неприхотливый товар: посуда, обувь, одежда, прочая хрень, явно перекочевавшая сюда из Развала. Торговали в основном дикари. Отличить их от загонщиков было не трудно. Если присмотреться, то дикарь... он и есть дикарь. Его ни с кем не спутаешь.

В сараях и палатках находились заведения более солидные. В них не только торговали, но и оказывали услуги. Меня схватила за плечи жирная тётка и потянула к брезентовой ширме.

— Хочешь объять необъятное, красавчик? — смачно зашептала она.

От толстухи разило потом и перегаром. Я оттолкнул её от себя. Толчок получился не сильный, но толстуха не удержалась и плюхнулась на задницу, мне показалось, театрально. Завопил. Из-за ширмы выскочил доходяга. Слишком быстро выскочил, как будто специально ждал, что тётка орать начнёт. С виду дикарь, хотя на запястье я заметил штрих-код.

— Ты... — пальцы левой руки сложились в козу, правая потянулась к поясу, где в грубых кожаных ножнах висел тесак, похожий на тот, которым рубят крапивницу.

Классическая разводка. Благородный рыцарь вступается за беззащитную даму, которую я, лох проклятый, обидел, и потому должен выплатить им обоим компенсацию.

Ага, сейчас. Может он и рыцарь, а толстуха — дама, да только я не лох.

Я поправил ремень на плече, меняя положение автомата «за спиной» на положение «с боку». Дикарь впился глазами в ствол и не сказал того, что наверняка намеревался сказать, лишь прошипел:

— Осторожнее, шлак. Смотри, куда прёшь. А ты чё разоралась, дура? Режут тебя что ли?

Толстуха уже и сама сообразила, что тесак против автомата не тянет, ухмыльнулась и укатила за ширму.

Я пошёл дальше. Над входом одного из барачков прочитал вывеску: «Отвёртка». Внизу приписка:

«Салун-казино-бордель-гостиница. Дешёвая выпивка и жрачка. Бабы тоже не дорогие».

Оружейная мастерская должна быть где-то рядом.

По обе стороны от барака стояли строения в диапазоне от шалаша до сарая. У одного на стене был намалёван автомат Калашникова. Я подошёл.

— Есть кто?

— Чего надо? — раздался трескучий голос из глубины.

— Я насчёт патронов. Девятый калибр. Парабеллум.

В дверном проёме показался мужчина в прожжённом холщёвом фартуке. Рукава рубахи закатаны, предплечья в мелких крапинках, словно от ожогов. От него пахло канифолью и угольной пылью.

— Каких ещё патронов? Сдурел? За патронами в арсенал иди, здесь такого добра не водится.

— Меня Кум послал. Сказал, купить можно...

— Ты ори громче, — оружейник прошёлся взглядом по снующему народу. — Ошибся ты, парень, он, верно, тебя в другое место послал, а ты по кой-то хер сюда припёрся.

— Куда послал, туда и припёрся. Мне завтра на смену, а патронов нет. Кум сказал, если не найду... вот тогда точно пошлёт. А в арсенале семьдесят четыре стата за штуку.

— Пистолетный девятого? Парабеллум что ли?

— Ну.

Оружейник ещё раз прошёлся взглядом по толпе и кивнул:

— Заходи.

Он закрыл за мной дверь, накинул щеколду.

Внутри оказалось очень тесно. Половину пространства занимал верстак, у задней стены стоял горн с тлеющими углями, тиски, тигель, бочка с водой. На окне трепыхалась грязная занавеска, рядом на гвозде висел пиджак с заплатами на локтях.

Оружейник подвинул мне табуретку, сам прошёл к горну, раздул угли, стало светлее.

— Кум, говоришь? Как выглядит?

— Лет семьдесят, ниже меня на голову, очки.

— Сколько патронов надо?

— Тридцать две штуки. У меня вот.

Я протянул ему эмпэшку. Оружейник взял автомат, поднёс к окошку. Что-то нажал, раздался щелчок, и в руках оказалось две половинки. Я потянулся к нему.

— Э-э-э...

Не обращая на меня внимания, оружейник разобрал автомат, каждую часть положил перед собой на верстаке, предварительно осмотрев, и только после этого сказал:

— Давно мне МП не попадался. Где взял?

— Нашёл.

— В Польшнике?

Я не стал отвечать, и он принял моё молчание за согласие. Собрал автомат, передёрнул затвор, нажал спуск. Раздался сухой щелчок.

— Ну что сказать. Состояние средненькое... Почистить, смазать, кое-где подкрутить, заменить пружину на более мощную. Шарниры на прикладе расшатались. Могу убрать его, если хочешь. Эмпэшка — оружие ближнего боя, сто метров максимум, на таком расстоянии приклад не нужен. А в подвалах и подъездах в разложенном виде он только мешать будет. Приёмник магазина неплохо бы подработать, чтоб грязь не лезла. Ты же не хочешь, чтоб его у тебя постоянно клинило? Могу обвес сделать. Уберу стационарный прицел, поставлю на ствольную коробку планку Пикатинни. Срежу гак, поставлю вторую планку под тактический фонарь. Но это будет не дёшево, плюс коллиматор.

— Сколько?

— За всё... Полторы тысячи. За коллиматор отдельно. Самый простенький, ну, скажем,

ещё полторы тысячи. Годится?

Я присвистнул: цены кусались. Однако он прав, автомат должен быть исправным, а с коллиматором вообще сказка получится. Но это все мои призовые, да и то не хватит, хотя этот оружейник всё так красиво расписал, что уходить без апгрейда уже не хотелось.

— А патроны?

— Тебе — сорок статов за штуку. Тридцать два на сорок... Тысяча двести восемьдесят. Дешевле не могу. И без того рискую, столько народу подмаслить надо. Если конторщики прознают, что я патронами приторговываю, это однозначно яма.

— У меня нет столько. Вернее, есть, но на всё не хватит.

Оружейник вызывал доверие, ему хотелось верить, и если он сказал, что надо сменить пружину, поставить коллиматор... да и сама идея с коллиматором показалась очень привлекательной. Но исходя из запроса, мне не хватало тысячи триста пятьдесят четыре стата.

— Сколько есть?

Я открыл финансовую страничку.

— Две тысячи девятьсот двадцать шесть.

Оружейник закатил глаза, подсчитывая что-то в уме.

— Сделаем так. Заменю пружину, поставлю коллиматор. С остальным потом как-нибудь. Ну и патроны. Согласен?

Он протянул руку, я сжал ладонь, одновременно кивая: согласен.

— Кидай бабки на мой номер. За автоматом зайдёшь завтра.

— Мне в восемь часов на работе надо быть.

— Значит, к половине восьмого подходи.

Из мастерской я вышел немного ошарашенный. На счету сиротливо мигал синий нолик. Мне теперь даже за комплексный обед заплатить нечем. Хорошо, что за арсенал платить не надо, а то бы уже сегодня в минус вышел. Но это половина беды. Мне нужен Гук. Очень нужен. Столько вопросов накопилось, а он хрен знает, где бегает.

Если жилые блоки походили на трущобы, то Петлюровка напоминала вертеп в самых отрицательных его значениях. Просто находиться на её улочках уже было неуютно, но я обратил внимание, что люди здесь не только что-то продавали и покупали, но и жили. Даже у оружейника в сарае лежала скатка одеял, да и в рекламе «Отвёртки» значилось слово «гостиница».

В каком-то вестерне я читал, что если хочешь что-либо узнать — спроси бармена. Ближайший более-менее приемлемый бар находился всё в той же «Отвёртке». Поднявшись на крыльцо, я лицом к лицу столкнулся с Кромвелем. Охотник не узнал меня. Он пробормотал что-то под нос и нетвёрдой походкой направился к палатке с толстухой. Вот и хорошо, а то начнёт предъявлять мне Афоню. Хотя если разобраться по-честному, я имел полное право завалить всю их поганую троицу.

В «Отвёртке» работал кондиционер. Для меня это послужило открытием. У длинной барной стойки сидели несколько человек, тянули пиво, на зеркальных полках стояли бутылки, название на некоторых из них стали дополнительным удивлением: «Maker's Mark», «McClelland's», «Rémy Martin». Как бывший работник мелкого общепита, я был хорошо знаком с данной продукцией, а так же с формами бутылок и видами этикеток, и могу поклясться, что ничего подобного у производителей этих напитков нет. Стало быть,

фальсификат. То ли дело бар в троллейбусном депо. Там всё по-настоящему.

Половина столиков была свободна. В углу у окна играли в покер, вместо фишек использовали разноцветные бляхи из толстого картона.

У стойки стоял нелюдимого вида бармен и протирал пивную кружку.

— Привет, — вежливо поздоровался я.

Бармен не ответил.

— Я ищу человека...

— Заказывать будешь?

Намёк прозрачный: хочешь услышать ответ — придётся потратиться. Но тратить нечего, всё у оружейника осталось.

Я не стал просить его войти в положение, и повернулся к залу. Ни одной знакомой рожи. Посетители сплошь дикари, только на одном из игроков поверх коричневой футболки накинут потрёпанный пиджак. Он сидел ко мне полубоком и нервно покусывал губы, вглядываясь в карты. Узловатые пальцы правой руки постукивали по столешнице, и в этом стуке отчётливо слышался конский галоп.

Я прошёл к столику и встал у коричневого за спиной. Игра шла по правилам техасского холдема, моя любимая разновидность покера, при которой на стол поочерёдно выкладывают в открытую пять карт и по две закрытых каждому игроку. У коричневого была пара девяток и три красных жетона. Похоже, он проигрался, и это вносило в его движения нервозность. Он долго жевал губы, потом бросил карты и просипел:

— Пас, — и повернулся ко мне. — Чё вылупился, шлак?

— Слушай, приятель, не хотел тебя отвлекать, но мне надо...

— Да насрать, что тебе надо!

Он поднялся со стула. Ростом с меня, такой же узловатый, как и пальцы, которые уже сжались в кулак. Я отпрянул, взглядом подметил стул. Если коричневый дёрнется, можно швырнуть стул ему под ноги. Тут же на столе пустая бутылка, добавлю ей об его пустую голову, успокоится. Ну или он успокоит меня, если окажется быстрее.

Бармен насторожился, опёрся о стойку, может даже пожалел, что не стал отвечать на мои вопросы. Теперь ответы могут вылиться в поломанную мебель и разбитые окна.

— Шлак! Я из-за тебя деньги потерял. Ты мне теперь должен...

— Какие деньги? Пара на девятках? — пожал я плечами. — С такой картой только блефовать, а у тебя лицо от пота мокрое, а пальцы дыру в столешнице пробили.

Он растерялся. Я говорил правильные вещи и без грубости — не придерёшься, как и учил Гук, а лезть на меня по беспределу не решился. Его партнёры по игре ждали, что коричневый будет делать дальше.

— Ты чего вообще припёрся? — процедил он сквозь зубы.

— Человека ищу. Хотел у бармена спросить, — кивнул я в сторону стойки, — да он какой-то неразговорчивый. А вы, люди серьёзные, солидные, наверняка уважаемые, многих знаете, дай, думаю, у вас поинтересуюсь.

— Какого ещё человека?

— Гука.

Похоже, долговязого и здесь неплохо знали. Игроки переглянулись. Один щёлкнул пальцами и спросил:

— А чего тебе Гук?

— Крестный мой, — сразу же отсёк я лишние вопросы.

Игрок прищурился.

— Так забрали крёстного твоего. Он здесь со вчерашнего вечера ошивался. А утром подъехал Мёрзлый и забрал.

— Мёрзлый? Они вроде с ним не дружатся.

— Дружатся, не дружатся — не знаю. Спрашивать об этом у самого Мёрзлого я как-то постеснялся. А ты, если будет желание, спроси обязательно.

— Спрошу, — задумчиво кивнул я.

Вот как, его забрал Мёрзлый. Приехал и забрал. С чего вдруг? Гуку не очень-то нравилось говорить о командире штурмовиков. Каждый раз, когда речь заходила о нём, Гук напрягался и старался скорее спрыгнуть с темы. Видимо, неплохо они закусились в своё время, раз позабыли о былой дружбе. И вот теперь Мёрзлый сам за ним приехал. Ради чего? Разве что в яму забрать. Фермеры с такой задачей не справятся. Даже с пьяным Гуком не справятся.

Я вышел на крыльцо. Рывкнул выстрел. Заряд крупной дроби выбил щепки из стены. Я как стоял, так и остался стоять. Народ ревно отхлынул в стороны. Если бы стрелок вздумал выстрелить снова, то ему бы даже целиться не пришлось.

Но выстрелы больше не повторились. Из «Отвёртки» выскочили посетители, меня схватили за руку.

— Кто стрелял?! В тебя?

Я лишь хмурился и глубоко дышал. Всё так неожиданно, внезапно и... Мне дали стакан, я глотнул и чуть не подавился. Водка! Закашлялся, зато пришёл в себя и сразу указал на сарайчик напротив.

— Оттуда.

До сарайчика было шагов двадцать, не понятно, как стрелок умудрился промазать с такого расстояния. Мне либо повезло, либо он дерьмовый стрелок, либо пьяный, но скорее всего и то, и другое, и третье. Двадцать шагов. Всего двадцать шагов!

Я вытер пот со лба. Вокруг собралась толпа, и каждый лез с советом: куда бежать, что делать, лишь один кто-то сказал, ни к кому конкретно не обращаясь:

— На территории Петлюровки законы Загона не действуют.

Утром я воспользовался путём, который посоветовала вахтёрша с ТЭЦ. Поднялся пораньше, чтобы не опоздать на встречу с оружейником, и общим коридором в толпе стандартных сотрудников прошёл к рабочему выходу. По дороге прилетело сообщение:

Предложение по стандартному сотрудничеству: водитель грузовой электроплатформы. Обучение, талоны на бесплатное питание, оплата тридцать статов в день.

Принять:

да нет

Неплохо водилы получают. Но крутить баранку не моё. В нашей семье водителем была Данара, а мы с Кирой предпочитали сидеть на заднем сиденье и давиться чипсами.

Предложение по стандартному сотрудничеству: шахтёр. Обучение, талоны на бесплатное питание, оплата по третьему разряду шестьдесят статов в день, повышение статуса, льготная очередь на получение квартиры.

Принять:

да нет

Кайло в руке тоже не моё, несмотря на зарплату. Но в этом сообщении интересным было другое: получение квартиры. Здесь можно получить квартиру? И жить как человек? Я обязательно должен поговорить с Гуком. Найду его завтра после смены и поговорю. Он должен знать об этом. Было бы совсем неплохо обзавестись своей жилплощадью. В сравнении с жилым блоком, где постоянный гам, вопли, ругань и вонь, это должно быть раем.

Петлюровка с утра походила на город после набега вражеских орд. Дворник сметал мусор в кучи, возле палатки с конусной как у шапито крышей собирались люди с помятыми лицами. Они смотрели на меня, как голодный пёсо на добычу, я для них слишком чистый и потому лакомый. Сейчас им было трудно. Голова болела, сухость во рту, лёгкий тремор верхних конечностей, но как только опохмелятся или нюхнут своего нюхача, выйдут на тропу войны, чтобы добыть статы на новую понюшку. Поэтому надо как можно скорее забрать автомат.

Мастерская была открыта. Оружейник сидел на пеньке возле горна, протирал ветошью МП. Поверх затворной коробки — коллиматор. Явно не новый; на корпусе царاپины, шкала на барабане яркости стёрта, защитная крышка на окуляре отломана, но сердце всё равно забилося радостно, как у ребёнка при виде долгожданной игрушки.

— Явился? — глянул на меня оружейник.

Он положил автомат на верстак, нагнулся и вынул из тайничка в полу мешочек с патронами.

— Держи. Как договаривались — тридцать две, девятого калибра. За качество отвечаю.

Патроны были как близнецы похожи на те, что я нашёл в танке, разве что гильзы казались более новыми. Я зарядил магазин, вставил в приёмник, откинул приклад. Теперь это полноценное оружие. Не снайперская винтовка, конечно, но мне она и не нужна. Мне вполне хватит того, что получилось.

— Купи запасную батарейку для коллиматора, их в каждом магазинчике при жилом блоке полно, — посоветовал оружейник. — Пружину я поменял, где надо подмазал. Всё нормально, только чистить не забывай.

Выйдя из мастерской, я приложил автомат к плечу, навёл метку коллиматора на людишек у шапито. Те шарахнулись, опрокидывая друг друга.

Целиться стало намного удобнее. Отныне совсем не обязательно прищуривать левый глаз, достаточно совместить красную метку с целью и можно давить спуск. На близких расстояниях преимущество бесспорное. Спасибо мастеру. Однако на расстоянии за сотню шагов, метка полностью закрывала фигуру человека, и точность была уже относительной. Те раздолбай у шапито зря так дёрнулись, шанс попасть в них хоть и велик, но не стопроцентный. К тому же не мешало бы пристрелять оружие. Но это в ближайшем боестолкновении. Тратить патроны по сорок статов за штуку по обычной мишени слишком накладно.

Без десяти восемь я подходил к административному зданию ТЭЦ. Возле припаркованной боевой платформы стояли бойцы с глаткостволами. Шла сдача дежурства заступающей смене. Рыжебородый крепыш в синем статусе осматривал отсеки. Простоватый мужичёк, работяга. Наверняка семья есть, дети. Рядом другой синий объяснял обстановку.

— Был один выезд под утро. Возле Анклава рухнула промежуточная опора. Думали, дикари подрубили, у них с редбулями тёрки, вот и подсуетились. Оказалось, основание подгнило. Там не столбы, а старьё, давно пора менять. За два часа починили. Больше никуда не катались. А тебе третьего дали?

Рыжебородый кивнул в мою сторону.

— Похоже, вот этот, — он поманил меня пальцем. — Чё встал? Иди сюда.

Я подошёл.

— Зови меня Рыжик, — представился он. — Это не из-за бороды. Гриб такой есть — рыжик. Слышал? Я старший смены. Кум объяснил ситуацию?

— В общих чертах. Остальное, сказал, ты доведёшь.

Рыжик взмахом руки отпустил старую смену. Докапываться ни до чего не стал, дескать, колёса грязные, пыль с бортов не смахнули. Он казался слишком добрым и слишком простоватым. На охранника, а уж тем более на бригадира, не тянул. Но что есть, то есть.

Рыжик щёлкнул щеколдой, откинул задний борт и поднялся в кузов.

— Давай за мной. Осмотрись. Наша задача — обеспечение безопасности ремонтной бригады. Охранников трое, ремонтников двое. Если требуется помощь — подержать чего-то или, скажем, ключ на семнадцать из машины принести — посылай нахер. Не справляются, пусть вызывают подмогу. Мы периметр держим.

Рыжик хлопнул ладонью по рулевому колесу.

— Водить умеешь?

— Если только козу на поводке.

— Здесь ничего сложного. Смотри: педаль газа, педаль тормоза, да в принципе тормоз и не нужен. Газ сбрасываешь, сама останавливается. Запоминай, мало ли что случится. Любой должен уметь.

— А случаи часто случаются?

— Случаются. Иногда дикари балуют, могут пульнуть пару раз. Вон в борту отметины, посчитай, если желание имеешь. Но это хохмы ради, развлекаются они так. Хуже, если на рейдеров наткнёшься. С ними сложнее. Конченные отморозки, особенно прихожане. Против них мы пулемётик возим, — он кивнул на закреплённый к борту пулемёт Дегтярёва. — Вызываешь по рации подмогу, и пока та не придёт, отстреливаешься. Но чаще твари нападают. Одиночки опасаются, а вот когда стая...

Рассказывая, он повёл меня в администрацию.

— Давно в Загоне?

— Вторая неделя пошла.

— Хрена себе! — присвистнул Рыжик. — И уже шмайсер надыбал?

— Это МП сорок. Но кроме него я ещё шоу успел выиграть.

— То-то гляжу физиономия знакомая, — уважительно проговорил бригадир. — Ладно, давай о насущном. Вряд ли ты успел со всеми повадками тварей познакомиться.

— Язычника видел, багета.

— Это серьёзные ребята, да, хотя в нашей профессии опаснее всего подражатель. Багета или, к примеру, язычника, можно издалека приметить. Они всегда напрямую прут. Тупые, что с них взять? Или пёсо. Эти принимают сначала. Если чувствуют, что сила за ними, нападут — не сомневайся. Против них надо шуму побольше и наглости. Можно матом, они страсть как мат уважают. А вот подражатель — это, я тебе скажу... Доводилось в Развале подражателей встречать?

— Не доводилось.

— Это, я тебе скажу... Так-то они помедленнее прочих будут. Да что там прочих, на средней дистанции их даже лизун обгонит. Но по части засад равных не найдёшь. Подпускают шагов на десять — и прыжок. Или в горло, или когтями полосуют. Когти острые, как у кошки, рвёт ими даже бронезащиту. Заметить сложно, можно только обмануть. Меняют цвет, форму, подражают звукам: вздох, плачь, кашель, слова отдельные произносят, фразу. За это их подражателями и прозвали. Но слова логически не связаны. Засады устраивают в домах, в подвалах, в кустах, за пределы городов выходят редко. Пластаются по земле, среди обломков и лежат сутками, выжидая свой шанс. Мужики говорили, что они могут месяц не жрать. А то и два. Издалека похожи на людей, особенно в сумерках, а вблизи упырь. Кожа голая, бледная, обвисшая. Ходят сгорбившись, руки по земле волочатся. Прежде чем куда-то лезть — осмотришься. Кашляни или песню запой, стих какой-нибудь прочти. Знаешь стихи? На звук человеческого голоса вполне могут среагировать.

— А убивать их как?

Мы прошли мимо кабинета Кума. Рыжик толкнул следующую дверь. Внутри стоял длинный стол, лавки, ящик с инструментами, провода, кабели. За столом сидели трое, торопливо ели. Один проговорил набитым ртом:

— Рыжик, где бродишь? Остынет всё.

— Новичка в курс ввожу. Знакомьтесь: Дон. Откуда ты?

— Третий блок.

— Садись, Дон, позавтракаем.

Завтрак оказался неплохим, не обманул Кум: варёный рис, масло, сыр, хлеб, кофе. Порции большие, я объелся.

— Утром не забудь талоны у Кума получить, — допивая кофе, сказал Рыжик. — По ним тебе в блоке трёхразовая кормёжка положена.

Я выдохнул. Жизнь начинала налаживаться. Осталось найти жену с дочерью, узнать, какие квартиры выдают, и будет совсем хорошо. Но об этом надо говорить с Гуком. И хотелось бы понять, с какого перепугу тут Мёрзлый нарисовался. У Гука с ним отношения натянутые, причём неприязнь, скорее всего, обоюдная. Что такого должно произойти, чтобы отмахнуться от старых обид и сесть за стол переговоров? Или моего крёстного реально в яму отправили?

Рыжик дал полчаса переварить завтрак и снова отвёл меня на парковку с бронеплощадками. Вынул из багажного отделения предмет, отдалённо напоминающий качёк с тремя трубками и иглой. Я видел такой у ребят из охраны сборщиков крапивницы.

— Это нанокуб, — Рыжик взял качёк и несколько раз потянул за рукоять. — Доводилось встречаться?

— Однажды.

— Когда выходишь за периметр, эта штука должна быть с тобой. Если тварь на тебя вышла — вали и суши. Действие простое. Втыкаешь иглу ей в вену, тянешь за рукоять, включается центрифуга. Через сбрасыватель выходит грязь, а по этой трубке в колбу стекают наногранды. С одной твари можно высушить до семидесяти карат. А из ревуна ещё больше, но они мне пока не попадались, и слава богу. Убить ревуна... Я не знаю, как его можно убить. Из крупнокалиберного пулемёта, наверное, и то одного мало будет. Проще всего убить лизуна. Он безобидный, но сушить его плохая примета, да и нанограндов с него пшик. Потом пёсо. Сильный, проворный, осторожный. Нанограндов чуть больше. Старатели его не трогают, смысла нет время тратить, а у нас он основная добыча. Если перебить стаю, можно полсотни карат взять, это примерно четырнадцать тысяч статов. Как тебе? Не часто такое бывает, но бывает. Куш делим на всю бригаду плюс Куму четверть. Он работодатель, он тоже в доле. А можно и сотню засушить, вообще красота.

— А если наоборот?

— В смысле?

— Если тварь нас высушит?

Рыжик насупился.

— И такое случается. От нас по собственной воле люди не уходят. Парнишку, который до тебя работал, багет располовинил. Зевнул малость, и только лужа крови осталась да ноги в ботинках, всё остальное сожрали.

Я представил, как это могло произойти, при хорошем воображении это не сложно, и меня замутило. Очень не хочется становиться комплексным обедом для твари.

Рыжик убрал нанокуб в багажник.

— Чтобы завалить тварь, надо очень постараться. Дробь на них действует как раздражитель. Наногранды такую рану залечивают быстрее, чем ты перезарядишься. Нужна пуля. И не просто пуля, а безоболочная. А многие ещё и надрезы делают крест-накрест. Знаешь, что это такое?

— Экспансивная пуля. Видел. При попадании в плоть раскрывается и наносит дополнительные повреждения. Они запрещены Гаагской конвенцией.

— Про конвекции не слышал, про запреты тоже. А тебе посоветую сделать пару надрезов на своих. В сложной ситуации не повредит. Если, к примеру, человеку дозу вколоть — а это четырнадцать с половиной карат, между прочим — то не каждое смертельное ранение окажется смертельным. А в тварях этих карат до сотни. Некоторые раны на глазах затягиваются. Сам видел.

— Это называется регенерация, — негромко проговорил я.

— Насрать как называется. Ты стреляешь, а эта хрень продолжает идти! Бить надо в голову: глаз, горло, ухо. В лоб бесполезно, пули рикошетят. Лучше всего в живот, чтоб кишки вывернуло. Зрелище не приятное, зато действенно. В моей бригаде мужик был, бывший старатель, вот уж кто их сушил! Старатели вообще по этой части лучшие. Они даже ножами их бьют, прикинь? Но это надо знать куда. У каждой артели свои хватки, всё до мелочей

отработано. А перед сушкой они себе дозу колют, чтоб способности повысить.

— И где теперь этот мужик? Тоже багет располовинил?

— Выгнали его, — нахмурился Рыжик. — В Петлюоровке обитает, если жив, конечно.

Грантоед он.

— Это ещё что за зверь?

— Наркоман. Типа нюхач, только не порошок нюхает, а наногранды колет. К ним тоже тяга образуется, если не по правильному делать. Дозу можно колоть не чаще чем раз в месяц, а если чаще, то в голове что-то меняется.

— Чаще-то зачем?

— Сразу видно, что ты никогда под дозой не был. — Рыжик блаженно улыбнулся. — Ощущения... страх напололам со вседозволенностью. Ты всё можешь, у тебя всё получается, — он передёрнул плечами. — Только действует это не долго. Через несколько часов отпускает, а хочется ещё. Только вот перебор нанограндов мозги ломает. Короче, кто может себя контролировать, у того всё нормально, а кто не может, становится грантоедом. А у таких людей одна судьба, — он выставил палец и сымитировал выстрел.

— Или яма, — подытожил я.

— Яма? Нет. Грантоедов туда не берут. Внутри они уже твари, всё, спеклись полностью, пыльца на них не действует. Крышу сносит по полной. Бешенные, ничего не бояться. За пару карат готовы на всё.

Мы проболтали до полудня, потом обед. Как самого молодого меня отправили на кухню, выдали два армейских термоса. Потом я попытался прилечь, вспомнив старинную поговорку, что после сытного обеда полагается поспать. Не успел. Только закемарил, в комнату вошёл Кум.

— Чё развалились? Подъём. Обрыв на линии.

— Где? — приподнял голову Рыжик.

— Похоже, за вторым трансформатором. Точнее не скажу. Между мостом и Квартирником.

— Блин, далеко.

— Давайте, давайте, завтра дрыхнуть будете. В Квартирнике уже революция, без электричества жить не могут.

Собрались быстро. Ремонтники и третий охранник сели в грузовик, мы с Рыжиком забрались в боевую платформу. Рыжик опустил на водительское место, нажал стартер. Платформа вздрогнула и заурчала.

— Ты тоже учишь, — сказал бригадир, плавно трогаясь с места. — Наше сотрудничество строится на принципе взаимозаменяемости. Подранят меня или ещё что, кто поведёт? Тут главное за аккумуляторами следить. Зарядки хватает на сто километров, плюс минус ещё несколько. Если подседа батарея, возле каждого трансформатора есть система подзарядки. Подсоединяешь плюс к плюсу, минус к минусу. За два часа зарядится целиком.

С парковки Рыжик повернул направо, оставив далеко в стороне угольный склад и Петлюоровку. Ехали не быстро, километров тридцать в час. Дорога походила на стиральную доску, броневик подскакивал на выбоинах, и стрелка спидометра истерично металась из стороны в сторону. С полчаса простояли на переезде у поворота к терриконам, ждали, когда пройдёт состав с углём. Машинист поезда не торопился, бесконечное множество раз сдавал назад и возвращался. Я смотрел вдаль за рельсы. Там возвышались шахтные постройки, дымили трубы, гремел паровой молот. Промзона походила на муравейник: люди, люди,

повозки, постройки, снова люди. Всё мирно, обычно, словно и нет никакой статусной лестницы, тварей, шлака и забегов по городским улицам без единой надежды на победу. Может быть не так уж и не прав Гук, утверждая, что в Загон стоит очередь из желающих получить вид на жительство?

Состав наконец-то пропыхтел в сторону склада, и Рыжик надавил газ. Дорога вывела к очередной железнодорожной ветке, вдоль которой мы доехали до ворот.

В этой части Загона мне ещё не доводилось бывать. Терриконовая стена возвышалась, кажется, чуть выше, чем у Радия. По гребню были оборудованы такие же укрепления, у ворот охрана. Мы проехали не останавливаясь. Рыжик махнул бойцу с двустволкой, тот ответил кивком. Через три километра вывернули на широкую дорогу. Асфальт сохранил остатки разметки. На обочине стоял дорожный знак дополнительной информации: Обводное шоссе. Дорога старая, но по-прежнему в хорошем состоянии. На покрытии заплаты, значит, следят. На поворотах указатели, по обочине тянулись электрические столбы и верстовые указатели. С левой стороны почти вплотную к шоссе подходили городские постройки.

Через десять километров справа показался бетонный забор, обнесённый колючей проволокой. За ним одно-двухэтажные строения. Через каждые сто метров вышки. Между ними КПШ и красный транспарант над воротами:

Тем, кто за нас, мы протягиваем руку!

— Анклав, — пояснил Рыжик. — Здесь раньше воинская часть была, теперь редбули сидят. Слышал про таких?

— И даже видел.

— Поосторожней с ними. Ребята горячие, особенно их комиссарша. Наташка... забыл фамилию...

— Куманцева.

— Ага, вроде того. Она у них за главного. Комиссар обороны.

Возле КПШ стояла группа людей в гимнастёрках. Один снял с плеча автомат, вышел вперёд. До него было не больше тридцати метров. Мы зацепились взглядами. Не уверен, но мне показалось, что это один из тех, кто стоял с комиссаршей на железнодорожной платформе. Он дёрнул подбородком... Да, точно он. Тот, который с пулеметом.

Минут через двадцать выехали к развязке. Впереди широкий арочный мост через овраг, одна полоса отходила вправо, и вдоль обрыва устремлялась к лесу, вторая резко сворачивала влево и терялась меж тяжёлых кирпичных строений.

— Овражный проспект, — кивнул в левую сторону Рыжик. — По нему в самый раз до резервной электростанции доедешь.

— Это где Сотка?

— Ага. Только она с другой стороны оврага.

— А почему с ней надо здороваться?

— Примета такая. Не я придумал. Иначе удачи не будет.

На повороте стояла трансформаторная будка. Грузовик остановился напротив неё, один из ремонтников вышел, повозился внутри минут пять и вернулся.

— Всё, отключил, можем ехать.

Рыжик направил броневик на мост. Длина — я прикинул на глаз — метров триста, вполовину короче того пешеходного, под которым я нашёл танк. Вот бы куда попасть, набрать патронов, взять пару гранат.

— Мы до Сотки доедем?

— Нет, — покачал головой Рыжик. — Не наше царство. Там кабель проложен по канализации и доходит до Северного поста.

— Большая канализация?

— Под всей северной частью. Город под городом. Туда лучше не соваться.

— А до Квартирника далеко?

— От моста километров семьдесят будет.

Метров через пятьсот за мостом показались дома. Придорожный посёлок. На въезде висела покосившаяся вывеска: «Придорожный». Название соответствовало расположению. В центре двухэтажное кирпичное здание с выломанными дверями и выбитыми окнами. Какой-нибудь бывший сельсовет. Газоны заросли травой и кустарником, перед крыльцом следы кострища, пустые консервные банки, обрывки бумаги, несколько старых стульев.

Столб напротив повален. На дороге кольцами вились провода.

Мы остановились, не доезжая метров пятьдесят. Грузовая платформа объехала нас и остановилась рядом. Из кузова высунулся пожилой ремонтник.

— Чё встал, Рыжик?

Бригадир настороженно смотрел на поваленный столб. Он лежал поперёк дороги, комель разлохмачен, словно кто-то очень большой поковырялся им в зубах. В месте установки виднелась небольшая воронка.

— Ни хрена себе заявочка... Как будто взорвали. У кого мозгов на такое хватило?

— Ну да, — почесал маковку ремонтник. — Взрывчатку сюда тратить глупо. Если только дикари, да и то спяну. Или редбули. Я слышал, Натаха с конторскими разосралась из-за последнего шоу. У неё там несколько бойцов полегли.

Он многозначительно посмотрел на Рыжика.

— Не, точно не редбули, — прикусил губу бригадир. — Они бы трансформатор взорвали, а из-за столба тратиться не станут. Думаю... Ладно, чё гадать. Надо идти смотреть. Стёпа, — окликнул он третьего охранника. — Ты пулемётик подготовь на всякий случай, а я с новеньким осмотрюсь, гляну, что к чему.

— Может, я с тобой?

— Да не. Кто бы тут ни был, они уже ушли. Нагадили и ушли. Я здание проверю, вдруг там тварь какая запряталась. Потренирую парнишку.

— Пулемёт тогда зачем?

— Я ж говорю: на всякий случай.

Рыжик нажал газ, подъехал ближе к поваленному столбу и припарковался у обочины. Достал из багажного отделения патронташ, обрез. Когда-то это была вертикалка, но оружейник укоротил стволы наполовину, подрезал цевьё и спилил приклад. Если из такого шмальнуть шагов с десяти, никакие наногранды не помогут, разорвёт в клочья кого угодно.

— Дон, снимай автомат с предохранителя и за мной, — выставляя обрез перед собой, сказал Рыжик.

Первым делом мы осмотрели столб. Это действительно был подрыв. Кто-то не слишком умный, примотал к основанию столба гранату, приладили к кольцу верёвку, отошёл и дёрнул. Сердцевина столба прогнила, и граната лишь добила его. Намного проще было свалить его при помощи топора или пилы, затрат меньше, а результат тот же.

Рыжик нагнулся, поводит пальцем над землёй.

— Смотри, — он указал на отпечатки подошв. — Обувка совсем новенькая. У поношенной рисунок как будто размытый, а здесь видишь чёткий какой.

— И что это может значить?

— Что может... Обувь у них хорошая.

Рыжик встал, повёл глазами по сторонам. Кусты на газоне шевельнулись.

— Видел? — напрягся я.

— Ветер, — уверенно ответил Рыжик. — Пошли.

Из простенького мужичка он вдруг превратился в бойца. Поменялось всё, даже тембр голоса. Плечи расслабленно опустились, цевьё обреза свободно легло на раскрытую ладонь. Глядя на него, я почувствовал уверенность. С таким можно не только столбы ремонтировать, но и в разведку идти.

Поднявшись на крыльцо, Рыжик заглянул в каждое окно, и только потом махнул рукой, разрешая войти внутрь.

Я осмотрелся. Длинный коридор, на полу мусор, в углах паутина, на стенах обрывки старых плакатов. Мы обошли каждую комнату. В дальней нашли две лежанки из тряпья. Окна заделаны дверками от шкафа и подпёрты для прочности конструкцией из двух столов. Наверняка, чей-то схрон. Но последний раз пользовались им давно, пол и лежанки успели покрыться пылью. На дощатом полу я разглядел несколько глубоких царапин.

— Лизун, — указывая на царапины, уверенно сказал Рыжик, и пояснил. — Видишь, дерево как будто отвёрткой ковыряли. Он когда ходит, когти не втягивает, поэтому такие следы. Если вдруг встретишь, не вздумай гладить.

— А их можно гладить? — недоверчиво протянул я.

— Некоторые пробуют. А чё нет? Они не опасные, но если что не по нраву, могут когтями так хряпнуть... Короче, просто не трогай.

Мы вернулись ко входу и по скрипучей лестнице поднялись на второй этаж. Рыжик выглянул в коридор, кашлянул, подождал, снова кашлянул и проговорил:

— Допустим, раздражителей нет. Расходимся, ты налево, я направо. И не ленись, каждую комнату осматривай.

На этаже была та же разруха, что и внизу. Окна побиты, мусор, паутина. Похоже, здесь давно никого не было. Ни людей, ни тварей. Ни одна душа не заглядывала в эти места с тех самых пор, как случился Разворот.

Я осмотрел все помещения. Напряжение отступило, дышать стало легче. На стене заметил несколько фотографий в рамках, над ними подпись: «Передовики производства». С фотографий смотрели уставшие и довольные люди: механизаторы, доярки, учителя. Добрые оглаженные ветром и солнцем лица, молодые, в возрасте. Кто-то из них, возможно, живёт сейчас в Загоне, и знать не знает, что его фото по-прежнему висит на этой стене. А кого-то уже нет. Кто-то стал тварью...

На улице хлопнул выстрел. Я кинулся к окну и встал, прячась за откосом. Осторожно выглянул. Ни броневика, ни грузовой платформы из-за деревьев видно не было, зато возле поваленного столба торчали трое некромонгеров. Одеты в чёрные кожаные плащи, укрывающие тела по самые пятки. Как же им жарко, наверное. Высокий стоячий воротник закрывал затылок и нижнюю часть лица. Бритые наголо, лысины разрисованы синими полосами. У двоих двузубые вилы, у третьего ружьё, похожее на фроловку[1]. Он и стрелял. Когда я выглянул, он как раз передёрнул затвор и снова выстрелил в сторону платформ. Пороховой дым вырвался из ствола и завис над ним облачком. Двое с вилами бросились вперёд, а стрелок вновь потянул рукоять затвора.

Я совместил метку коллиматора с плащом и надавил спуск. Сделал так, как учил Гук —

плавно и коротко: раз-два. Пули впечатались в спину стрелка. Я увидел, словно в замедленном действии, как прогибается кожа под давлением свинца, как идут по плащу волны, потом всё ускорило, тело выгнулось и завалилось на столб.

Снизу ударила длинная очередь. Пули пчелиным роем зажужжали возле головы. Я отпрянул от окна. Нападавших явно больше трёх, и на вооружении у них не только вилы.

На лестнице послышался топот. Одна, две, три секунды... Мелькнули полы плаща, я выстрелил, выстрелили в меня. Заряд дроби прошёл выше. Я снова выстрелил. Отстрелянные гильзы посыпались на паркет и запрыгали по нему как горох. Где Рыжик? Где этот чёртов бригадир?!

В коридор ввалился здоровенный некромонгер, заорал и, дёргая цевьё, начал посылать в мою сторону заряд за зарядом. Я вжался в пол, слушая, как с противным звоном рикошетит картечь от стен, и выпустил остатки магазина. Не попал, даже не понял, куда ушли пули.

Здоровяк начал перезаряжать ружьё. Он откинул полу плаща, медленно двумя пальцами потянул патроны из ячеек патронташа, вставляя их в гнездо магазина. А я сжался и ждал, когда он снова начнёт палить.

Из дальней комнаты наконец-то появился Рыжик. Он дулетом разрядил вертикалку в здоровяка, того бросило вперёд, ружьё вырвалось из рук. Я вскочил на карачки и пополз к нему. Здоровяк ещё дышал. Он попытался дотянуться до приклада, корчился, но сил не было. А у меня появился шанс. По лестнице снова стучали сапоги, и если я успею первым взять ружьё...

Не успел. Чужой каблук ударил в лоб, свет померк. В полубессознательном состоянии я чувствовал, как меня хватают под мышки и волокут вниз. Пятки нелепо бьются о ступени. Кто-то гоготал, словно бесноватый, и бил меня по рёбрам, по тем самым многострадальным рёбрам, которые только-только зажили.

Меня вытащили на улицу и бросили в пыль у дороги. Тем же образом вытащили Рыжика и бросили рядом. Лицо бригадира было разбито в хлам, по всей видимости, по нему прошлись прикладом. Нос сломан, губы в лепёшку, левый глаз заплыл и превратился в щёлку. Зато в правом оставалось немного разума. Рыжик оценил мой вид, и с трудом подмигнул: держись, парень, не всё ещё потеряно.

Хотелось бы верить, ибо нападавшие не выглядели добряками. Я видел человек десять, не считая тех двоих, которых мы завалили. Все в плащах, наголо бритые, с синими полосами на лицах. Ирокезы что ли? У одних полосы вертикальные, у других горизонтальные, в чём отличие понять сложно. Да и вообще я сейчас мало что понимал. В ушах звенело, давали себя знать последствия удара по голове.

Извиваясь ужом, я подполз к Рыжику и прохрипел:

— Чё за хрень?

— Миссионеры, — сплёвывая кровь, просипел бригадир.

— Какие миссионеры?

— Секта. Их раньше много было. А эта... Знаю только, что тварей жрут, и у них от того с головой не в порядке. Говорят, людьми тоже не брезгают.

Твою ж дивизию... Только людоедов мне не хватало.

Подошли двое, подняли меня на ноги и вытащили на дорогу. Я попробовал снова завалиться, лежать было проще, чем стоять, голова не так сильно гудела, но резкая пощёчина вернула часть сил, а мысли, как ни странно, обрели ясность.

Я увидел броневик и грузовую платформу. Внутри копошились фигуры в плащах,

растаскивая то, что там находилось. Оба ремонтника, и молодой, и старый, стояли в сильно наклонной позе, касаясь пальцами асфальта. Из такого положения ничего не сделаешь и никуда не побежишь. Умно. Молодой попытался распрямиться, и сразу схлопотал прикладом по почкам. На обочине лежал Степан, судя по позе, не живой.

Рыжик всхлипывал и повторял:

— Ну, влип... сука... ну, влип... — и сплёвывал красную слюну.

Миссионеры собрали всё, что представляло ценность: оружие, инструменты. Бухты электрического провода обвязали верёвкой, и один бугай, ничуть не меньше того, что завалил Рыжик, повесил себе через плечо.

Подвели ремонтников, поставили в один ряд с нами. Двое миссионеров встали по бокам, остальные распределились по фронту. У каждого ружьё или вилы, у некоторых на поясах длинные ножи в тёмно-бурых ножнах с металлической окантовкой. Чувак с проводами вооружился нашим пулемётом и направил ствол на нас.

Вперёд вышла девка. На рожицу так себе, лет двадцать, и тоже бритая наголо. Глаза влажные и злые. Плащ расстегнут, на шее большой деревянный католический крест, почерневший от времени. Синие полосы перечёркивали лицо наподобие английского флага. Она вытащила нож и сунула остриё мне под подбородок.

— Ты... — от неё сильно пахло гвоздикой, а язык и зубы покрывал зелёный налёт, как будто только что съела лист крапивницы. — Ты убил брата Бачиа.

— Вы напали, мы защищались, — прохрипел я. — На войне умирают не только враги.

Я сказал это без какой-либо надежды на понимание, тем более что они людоеды, а это такие ребята, которые кулинарные вкусы ставят выше всех прочих. Но самое интересное, эта миссионерка не фонтанировала эмоциями. Никакими. Не смотря на злость во взгляде, ей было похер. Ей просто был нужен крайний, тот, на ком она должна показать всю степень своей горечи по убиенным соратникам. И сейчас она этого крайнего выбирала. Поскребла ножичком мою шею, оставив на ней несколько царапин, и перешла к Рыжику.

— Ты убил брата Сизого.

Рыжик не стал оправдываться; опустил голову и стоял, закрыв глаза и ожидая своей участи. С губ по-прежнему стекала кровавая слюна. Здорово его отделали.

Ремонтникам лысая стерва не сказала ничего. Посмотрела каждому в глаза, потом повернулась к своим. Те ждали приговора. Вот у них с эмоциями всё было нормально. Некоторые даже подрагивали от предвкушения казни. Один с вилами подался ко мне. Я замер. Сердце застучало так, что в такт ему конвульсиями завибрировало горло. И руки. А ноги онемели, я едва держался, чтобы не упасть.

Миссионерка развернулась и широким взмахом снесла Рыжику голову. Та поскакала по асфальту как мячик, а тело, простояв долю секунды, повалилось на дорогу.

Меня стошнило. Из рта полилась желчь с кусками не переваренного обеда. Я присел на корточки, склонился к земле.

— Готфрид, брат мой, — услышал я голос сектантки, — сожги тела наших погибших братьев. Тризну по ним мы справим, когда вернёмся в миссию.

— Времени на достойные похороны нет, сестра Урса.

— Тогда пусть их похоронами займутся изменённые. Уходим отсюда.

Нас поставили в затылок друг к другу, просунули жердь между ног и скотчем примотали к ней руки. Мне досталось место замыкающего, и мне же прилетел удар прикладом меж лопаток.

— Пошли! — гаркнул здоровяк с электрокабелем.

Краем глаза я успел заметить, как брат Готфрид снимает с Рыжика берцы, потом брюки. С одежкой у сектантов были проблемы. Большинство выглядели как бомжи со свалки; только плащи, пусть и грубой выделки, смотрелись солидно, по-революционному. Наташка Куманцева, думаю, не отказалась бы от такого.

[1] Гладкоствольное охотничье ружьё, переделанное из винтовки Мосина.

Больше книг на сайте - Knigoed.net